

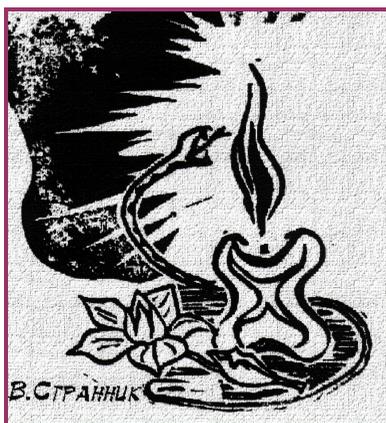
Письма

Страница

Геннадий Гаврилов

Письма Странника

Ты дал мне познать
путь жизни.

Деяния, гл. 2: 28

Гаврилов Геннадий Владимирович

ПИСЬМА СТРАННИКА.

Повесть.

Редактор – Гаврилов Г.В.

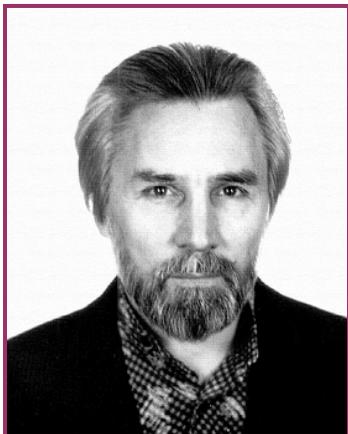
Компьютерная верстка – Гаврилов Г.В.

© Гаврилов Г.В. Письма странника.

© «АНТЕРАЙ». Тверь, 2000.

/ Исправлено и дополнено в 2011 /

Читателю

Эта книга о непрерывных и трудных духовных исканиях человека на протяжении всей его необычной жизни.

Житель блокадного Ленинграда, офицер военно-морского флота – инженер химик-дозиметрист, заключенный Мордовских и Пермских спецлагерей, инженер-электронщик, культработник, священник православной церкви, символист-эзотерик.

Таковы ступени жизненного пути отвергнутого государством и отлученного церковью.

Книга – не совсем рассказ и не совсем мемуары. Это задушевное обращение автора в письмах к далекому и близкому Другу, который на изломе тысячелетий, спотыкаясь и падая, поднимаясь и шагая дальше, также настойчиво ищет свой Путь в грядущее, ищет ту единственную тропинку на этом Пути, которая, возможно, приведет его к Цели –

к той извечной Обители,
где светит Свет его Сердца,
где среди звезд пульсирует Вселенский Разум,
где в пламени Любви зарождаются Галактики.

Автор

Светлой памяти
Павла Федоровича Беликова,
моего земного Учителя,
ПОСВЯЩАЕТСЯ

**Никаких половинчатых путей
не существует –
или устремление,
или окончание смерти.**

Агни-Йога, 158

Письма 1. Первые вехи

5 августа 1999.

Друг мой далекий, здравствуй.

Все ждал от тебя весточки о письме, отправленном еще 6 лет назад (летом 1993), в котором я послал тебе отсюда (из Твери) 2 экз. изданной тогда книги «Спаси себя сам» о моей жизни в тюрьмах и лагерях. А теперь вот такая оказия случилась – по предсказаниям древних и не совсем древних пророков и даже самого Мишеля Нострадамуса (как все сошлось) через 6 дней Конец Света. И поскольку в эту последнюю неделю для Мироздания на пятницу выпадает еще и 13-е число, то, тем более, последняя страничка каменной скрижали, на которой начертана история Земли, неминуемо перевернется.

Что же делать в эти последние 6 дней?

Метаться из магазина домой и опять в магазин за бутылкой, суетиться оставшиеся дни и «брать от жизни все» – право, не хочется. С тобой повидаться – куда ни шло. Но ты же так далеко – в тундрах Сибири. Для европейца Сибирь – тундра и есть, или Колыма. Может быть, хотя бы вас-то минует ожидаемое светопреставление?

И поскольку уже 6 лет нет вестей от тебя, да жить землянам осталось 6 дней, то вспомнил я, что к тому же совсем недавно мне исполнилось 60. Как видишь, набор трех шестерок налицо – еще один фактор для Конца Света. Ну, помнишь, не тройка, семерка и туз, как у Пушкина, а три шестерки – число Дьявола. Все он, Антихрист, прибирает к рукам на нашей Планете. К тому же – небывалая жара и неугасающие пожары по всему миру. Тверь и Москва в кольце огня. Вижу в окне – сизая пелена висит в воздухе, не рассеиваясь. И не только торфяники горят, но и просто леса.

Дым такой, что пожарники за 10 метров уже не видят друг друга. А тушим чем – смешно смотреть, когда показывают по телевизору. Сапогами затаптываем, тощей струей воды обуздываем стихию. Да, нашему народу оптимизма не занимать.

Группу «любителей природы» заметила лесная охрана.

– Господа, вы же видите, что жара стоит за 35. Все и так горит – загасите костер. Господа, которые еще совсем недавно были просто «товарищи», резонно ответили охране, что, между прочим, они

«привыкшие» пищу горячей есть. Вчера всю ночь дождик шел, а утром – все тот же дым над домами. Горит торф до двухметровой глубины. Говорят старожилы – и зимой не погаснет. Катастрофа и в сельском хозяйстве – урожая-то нет. Орды саранчи на юге России. Холера в Приморье. Погибающая без помощи правительства Камчатка. Топливный кризис по всей стране. И вроде даже было затмение Луны – намекали что-то астрономы. Теперь вот и затмение Солнца со страхом жди. Тем более, что солнечное затмение на этот раз 100-процентное, случающееся один раз в 200–300 лет. Как тут ни крути – не миновать Конца Света.

Но что делает человек в свои последние минуты? Говорят, что перед его затухающим взором проносится вся его грешная и безгрешная череда лет, плохие и хорошие помыслы, совершенные поступки и даже те, которые он хотел совершить, но не смог, не успел – обстоятельства помешали, денег не было, погода испортилась, да мало ли помех мы строим друг другу на путях жизни.

И нет бы раньше, а то буквально вчера я получил, как говорят теперь, из «ближнего зарубежья» (из Тарту) от некоего Виктора Нийтсоо небольшое уведомление, в котором сообщалось, что они там начали осуществлять проект издания «Биографического словаря диссидентов Восточной и Центральной Европы». Видимо, до них не доехало еще известие о Конце Света. В местных архивах в «уголовном» деле Сергея Солдатова они нашли копию моего приговора по делу «офицеров Балтийского флота». Потом кто-то намекнул, что есть еще об этих офицерах и книга «Спаси себя сам».

И не поленились же они, не в пример нам – россиянам, раздобыть мой адрес и прислать эту заказную бумагу.

Аккуратисты все-таки иностранные подданные. Казалось бы, чиркни две-три строчки – дел-то всего. Так нет – и «господин» такой-то, и по параграфам все уложено, и – «пожалуйста, если сможете». И бумага не туалетная какая-нибудь у них, а снежно-белая со знаками да разводами, если на свет посмотреть. А я-то, старый дурень, в квартире клочки да обрывки листов собираю, чтобы письмо тебе хоть как-то более-менее прилично оформить.

Они просят выслать им в «зарубежье» мою книгу и подробно изложить «этапы жизненного пути» – до, во время и после лагерей, а также, если у меня есть, «пожалуйста, укажите адреса своих подельников – Алексея Косырева и Геннадия Парамонова».

Видишь, дорогой Друг, и думать ничего не надо – сама Судьба за нас думает. Выполняй лишь ее ненавязчивые указания. Жаль толь-

ко – могу не успеть теперь до Конца Света. Но раз уж просит Заграница, то, хочешь, не хочешь, а приходится, как это и положено по традиции перед окончанием земных дел, еще раз перелистать страницы своего неказистого путешествия по жизни. Ведь смерть каждого из нас, наш уход с полей и озер, с гор и океанов, от наших домов-развалюх и новых офисов, к которым так быстро привыкают удачливые в бизнесе «новые русские», уход в какое-то иное состояние, неисследованное до сих пор наукой, – и есть Конец этого Света и, возможно, начало другого. Неизвестного опять же. А если так, то стоит ли бояться этой надвигающейся глобальной перемены?

Я намеренно не говорю «катастрофы», поскольку, может быть, это и не катастрофа совсем, а лучший исход.

Разве на Земле счастье и радость? До этого далеко еще нам. Пока же страдания океанскими волнами захлестывают Планету. Еще капля – и чаша печали, неустроенности, неудовлетворенности, чаша слез человеческих будет наполнена до краев. И особенно у нас – на российских просторах.

Интересное все же получается иногда противоречие между тем, что мы произносим, и тем, что делаем. На Западе, где у них голова болит только о товарах и как бы упаковать их великое множество в разного рода целлофановые обертки, повсюду слышишь: господин, да господин. А это значит: Господь, Ты у нас один, на Тебя надеемся, на Тебя уповаем, Тебе молимся.

У нас же в светлые времена, когда анаграмма «Вперед к победе коммунизма» была начертана на каждом заборе, когда только и делали, что возносились духовно, потуже затягивая ремни, чтоб штаны не упали, мы все время слышали от перстом указующих нам лидеров крылатые слова: товарищи, да товарищи.

А если развернуть это понятие: товар ищи, да товар ищи.

И бегали мы тогда, да и сейчас мое поколение бегаёт, в скупой надежде где-то что-то подешевле купить, поскольку совсем уж круто стало бывшим товарищам, для которых поиск товара, за отсутствием средств, все больше захватывает районы помоек, мусорных баков и городских свалок.

Год назад еще стеснялись вытолкнутые за барьер жизни пожилые женщины наши и мужики подходить к этим мусорным бакам. Ждали обычно вечера, когда народу поменьше, или утра, когда нет никого. Сейчас в любой день и час видишь над баками склоненные головы и согбенные спины – уже привычный сюжет в новой Российской Империи.

И как удивилась одна пожилая женщина, когда я, проходя мимо такого бака, дал ей десятку хотя бы хлеб и батон купить, чтоб так уж не гнутья в воскресный день, погожий и чистый. Она вскинула глаза ко мне, полные слез. И эти слезы были не столько от благодарности, сколько от унижения, от беспомощности в поруганной старости.

«Эх Русь! Куда несешься Ты. Дай ответ. Не дает ответа», – писал классик. Да, видимо, и не даст. А теперь и неважно – все одно Конец Света. Поэтому лучшее, что могу я сделать в эти последние дни, это написать тебе письмо. Может быть, если все обойдется, между обычной человеческой болтовней ты и прочтешь продолжение моей неказистой истории, начало которой и было изложено в книге «Спаси себя сам». Но ты упорно молчишь. Может быть, почтовый вагон пролетел мимо твоего полустанка? Почта ведь теперь в основном перевозит в дорогих конвертах машины новых русских, а не простые письма своих сограждан.

Конечно, официальный ответ я послал в «ближнее зарубежье». Были у меня листа два неплохих – утюгом прогладил, шариковой ручкой прошелся и отправил, чтобы не приставали.

Вот я смотрю сейчас оставшийся у меня черновик от письма иностранцу, и если опустить его вводную часть, в меру изменить конец и начало, стряхнуть со страниц казенную пыль и цифирную занудность, то – и тебе послание будет готово. Частная переписка тоже ведь документ, хотя и попроще.

К тому же, чтобы тебе не скучно было этот частный документ читать в рекламных паузах сериалов (не отключат же их в течение оставшихся шести дней), можно добавить в письмо немного светотени, где-то нахмуриться, где-то улыбнуться. И то, что из всего этого получится, послать тебе. Смотришь, в наше трудное время – приложение к завтраку и к обеду, или – десерт. Слово-то какое непривычное нам или, напротив, вполне знакомое: Дайте-Европейцы-Скорее-Еды-Ради-Творца.

А если говорить без улыбки, то канувшие в лету годы давно просят хотя бы небольшого внимания к ним, вроде кошки, которая всегда желает, чтобы ее погладили по спине.

Попробую и я прикоснуться ладонями к шершавой спине своей истории. Думаю, что уж после этого-то я получу от тебя хотя бы страничку с ответом, разумеется, если президент и государственная Дума договорятся между собой по проблеме Конца Света, подпи-

шут, наконец-то, соответствующую конвенцию о ненападении и прилепнут на нее большую квадратную печать, поскольку все равно же не дойти им со своими разногласиями в толстых портфелях до кремлевского круглого стола, отполированного до зеркального блеска и украшенного петухами, как полотенца к образам.

И еще, напишу-ка я письмо моему Другу гусиным пером – достал по блату. А что такое – гусиное перо. Это и поход за чернилами, и заточка пера, и осторожное обращение с ним, чтобы не помять и не сломать, и неспешное повествование.

Эх мать, шиковать так шиковать, если уж на носу Конец Света.

Помнится, правда, что и в 1994 году ожидали люди что-то подобное, когда разорванная на куски Комета глыба за глыбой падала на Юпитер. Для Юпитера, конечно, это было событие. А мы-то причем? Но наши звездочеты по этому поводу были вне себя:

– Окститесь, окаянные, грядут Библейские сроки! – шумели они.
– Шесть лет вам осталось козлами прыгать по Планете.

– Рога Антихриста уже торчат над горизонтом! – с упоением добавляли их приспешники.

– Грядет Мессия отделить зерна от плевел. Грядет Мессия! – несло с другого порога.

Было бы так просто отделить – не сидел бы я с гусиным пером, не писал бы тебе письмо. Неужели Господь до сих пор бы терпел то, что творится в его земной резиденции, на его пляжах и курортах, где среди распаренных от жары и пепси-колы тел и яблоку-то негде упасть. Прошли времена, когда Ева так вот запросто могла взять и бросить яблоко в руки Адаму. И никто тогда не мешал Адаму поймать его. Никто не отбирал, не вырывал из рук, как в наше-то время.

Единственное же, что случилось тогда на Земле после упавшей на Юпитер кометы, это переход от хмурой весны, еле-еле отогревшей землю, и плаксивого начала лета к устоявшейся вдруг жаре и распахнутому во весь небосвод Солнцу.

Друг мой, кратко мою скорбную историю можно было бы обозначить словами, взятыми из Деяний апостолов: «Ты дал мне познать путь жизни». Но тут же специалисты по названиям заметят, что оно слишком длинно и, вообще, название произведению очень трудно давать. Этому искусству надо учиться, брать примеры с великих: «Не хлебом единым», хотя бы, или – «Белые одежды». Я и взял из Библии – что же еще может быть более великое? Но с другой стороны, конечно же, название из шести слов длинновато, хотя встречаются, например, и такие: «Двадцать три ступени вниз». Не назвал

же Марк Касвинов свое повествование о 23 годах царствования Николая II просто «Ступени вниз», а предпочел более длинное, чтобы лишний раз подчеркнуть «всю гниль и мерзость монархического строя и его закономерную историческую обреченность». Взвесив все аргументы, я подумал было назвать свое повествование весьма коротко – «Путь к себе». Не сравнивать же, действительно, земное бытие обычного человека, которых вон сколько толкается по улицам и переулкам, с заслуживающими внимания солидными жизнеописаниями монархов или президентов.

К тому же, для каждого из нас своя жизнь – самый главный Путь и есть. Именно по этому пути нам предначертано Судьбой – кому ползти на четвереньках, кому торжественно идти, а кому и величественно ехать на «паре гнедых» день за днем, год за годом.

Процесс такого непрерывного движения на протяжении нескольких десятков лет и есть наше Познание Жизни и, в первую очередь, – своей Жизни. И потом, за моими плечами все же выстроились в шеренгу 60 ее пламенных лет. Пламенных, не в смысле сильно и ярко сверкающих на общественном Олимпе, и не пылких и страстных в любовных утехах, а объятых пламенным жаром той печи, в которой обрабатывается на Земле материал нашего Духа.

В этой печи наши ошибки и заблуждения переплавляются в бесценный для нас житейский опыт. В этой печи наши субъективные впечатления и эгоистическое мышление постепенно выгорают, уступая место кристаллам нержавеющей стали Вселенской Истины. И с этих позиций, думаю я, стоит ли утруждать себя поиском особого названия для того, что я хочу предложить внимаю своего Друга. Пусть это будут просто страницы «Писем странника», преодолевающего холмы и овраги своей странной жизни на пути к себе.

И как знать, может быть эти письма, в какой-то степени, помогут идущим следом преодолеть крутые виражи своих духовных поисков и устремлений, поскольку именно вытаскивание себя за волосы из болот и грязи человеческого бытия и является основным смыслом нашего вхождения в земную жизнь.

Разумеется, что для каждого из нас нить прожитых лет не обходится без узловых дат, которые, как указатели на развилках дорог, меняют направление нашего жизненного пути.

По этим узловым датам жизни я и предлагаю тебе, мой далекий и близкий Друг, начать неспешное движение по страницам моих незатейливых Писем. А ты уж сам определи – где ускорить чтение этих страниц, а где замедлить, что пропустить, а на что обратить

свое пристальное внимание. И так, родился я в 1939 году, в ночь на воскресенье 16 апреля в Ленинграде, ныне – Санкт-Петербурге.

Так что все мое детство было блокадным детством.

Кольцо вражеских войск, замыкавшее город, видимо, и явилось для меня предтечей тех кольцевых спиралей колючей проволоки, которые затем цепко и долго окружали и тело мое, и душу.

Мне не пришлось быть на войне.
Но Ленинградская блокада –
Как день ненастный, как во сне
Кошмаров призрачных громада.
И в памяти глаза в слезах
Над маленькой моей постелью.
Свеча в углу и грусть в углах,
Беда в натруженных руках,
Беда в плечах, беда в бровях,
Беда, стоящая за дверью.
Но что малыш запомнить мог –
На сковородке от картошки
Очисток жареных клубок
И крошки хлеба на ладошке.
Да в утро синее – снаряд,
Стена, сорвавшаяся с места,
Огонь, пылающее кресло
И матери кричащий взгляд.
Какой-то женщины тепло,
Ее заботливые руки...
И неподвижных глаз стекло...
И простынь... И рыданий звуки...
Особо помнилась шинель –
Почти до пят. А в ней мужчина.
На скулах с проседью щетина
И запах табака на ней.
И руки – сильные, большие
Меня под самый потолок
Подбросили... И слезы были...
И крик отца: Ты жив, сынок!

Сразу после войны – школа (1946–1956), затем – Техническое училище при заводе «Электросила», после которого – двухлетняя работа токарем на кораблестроительном заводе Ленинграда.

В школе перебивался я с хлеба на квас – с тройки на четверку, завидуя своему соседу по двору и по парте – круглому отличнику.

А как вечерами он тренькал на семиструнной гитаре – дворовые

мальчишки слушали, забыв о девочках. Правда, я тоже старался тянуться за лидером. Пробовал на домре играть, на альте и валторне надувал щеки, там – за шахматами пешки передвигал, здесь – из тонкого бамбука самолетики строил, в другом месте – в балетном классе у зеркала и сюда ножкой, и туда. И даже мать вызывали в школу для показа ей моих непристойных стихов:

– А посмотрите, сколько здесь ошибок-то, – возмущалась и возмущалась учительница по русскому языку, перелистывая перед удрученным лицом матери листы моей «поэмы» про Марфу и Федора.

Но если что и захватило меня в юные годы, так это запах канифоли, таинственные прямоугольники конденсаторов и трубочки сопротивления, не говоря уже о завораживающих огоньках радиоламп. Из всего этого материала, оказывается, можно было спаять говорящую голосом диктора всесоюзного радио хитроумную штуковину. Ясно, что не хватало мне времени на школу.

К тому же увлекался я книгами. Вот смотрю сейчас свои конспекты тех школьных лет: выписки из произведений Ф.М. Достоевского – моего любимейшего писателя; «Очарованный странник» и «Запечатленный ангел» Н.С. Лескова; «Страдания юного Вернера» И.В. Гете и другие.

Среди них и более двадцати мелко исписанных страниц – особо приглянувшиеся места из книги Этьен де Сенанкура «Оберман», написанной почти 200 лет назад.

«Я заглянул в себя, осмотрелся вокруг, – читаю отзвучавшее во мне тогда, – я спрашивал людей, чувствуют ли они подобное мне; я вопрошал, отвечает ли окружающий мир моим наклонностям; и я увидел, что нет согласия между мною и обществом, между моими потребностями и тем, что создано им... Силою воображения я пытался облагородить многообразные предметы, привлекающие людские страсти, и ту химерическую цель, которой люди посвящают свою жизнь.

Я хотел это сделать и не мог.

Почему земля представляется мне столь унылой?

Мне не дано насытиться, ибо я повсюду нахожу пустоту».

И я думаю сейчас, что эти строки из Сенанкура, выписанные в тетрадь более 40 лет назад, стали для меня почти пророческими.

Из заводских лет не уходит из памяти плотный красивый парень. Станок его стоял перед моим – и я постоянно видел его со спины,

удивляясь той легкости и виртуозности, с какой он управлялся с железом или латунью, превращая их в замысловатые и красивые штуковины, так необходимые зачем-то кораблям, которые наш завод строил. Всегда этот парень был в шляпе и в галстук, всегда опрятен и с чистыми руками, не в пример моим – замасленным.

А как шикарно он мог после обеда, на третье, если состоялся спор или соревнование на эту тему с ним, выпить, небрежно развываясь и обмахиваясь широкополой шляпой, 10 стаканов компота. Соперника в туалет несут, а он – как ни в чем не бывало.

И женщина помнится – молодая, в рабочем халате. Фигура не удалась у нее, но небесного цвета глаза и форма лица меня поражали. И когда в цеховом ларьке мы оказывались в одной очереди за кефиром, каждый раз сокрушался я такому несоответствию в ней природы.

Да и часто так – форма цветет, а душа воняет.

Или напротив – прекрасная душа зажата в невзрачной форме.

Какая-то все же червоточинка зарыта в природных явлениях.

Мы же продолжаем упорствовать в своих заключениях: как внутри, так, мол, и снаружи; как на поверхности, так и в глубине. Это, видимо, отголоски еще седых метафор великого Гермеса: «Как внизу, так и наверху, ради сохранения чуда единства».

Для прямолинейных принципов это, наверное, так и есть, а при их проявлении, когда один из них наталкивается на другой, – получается их кривое отображение.

Помню, добираясь трамваем до работы и стоя в углу его задней площадки, я скрупулезно и внимательно вчитывался в учебник гинекологии для высшей школы. И случись вдруг что – выскочив из трамвая, я смог бы принять сложные роды, пусть даже и с кесаревым сечением.

В другой раз, в ночные смены, когда остывала горка деталей, проточенных на станке, я устраивался на замасленный ящик и осторожно, чтобы не испачкать страниц, перелистывал фундаментальный труд по взрослой и детской психиатрии. Откуда берется тело и что такое сознание – интересно мне было знать еще с тех самых лет.

Или судебная медицина со мной. И дома, и на работе листаешь и смотришь на творения рук человеческих по отношению к себе подобным. Рожает детей, сами сходим с ума, убиваем друг друга – чудесный результат долгого пути человечества к «совершенству».

Воистину, время течет, но нравственность человеческая застыла

на месте. Может быть, оттого это, что надоело нам к этому совершенству идти, или оттого, что идти устали? Может быть, и придуман там, на Верху, Конец Света, чтобы мы смогли отдохнуть немного от самих себя по ту сторону земного быта, оглядеться спокойно в нем без ножа в кулаке, без мата в горле, а потом, вернувшись куда-нибудь на Сатурн, неспешно продолжить на новой кухне и в новой спальне свою незамысловатую эволюцию.

В отпуске летом 1959 года, загорая на песке у Петропавловской крепости и внимательно наблюдая за неустанным движением невских волн, я лениво перелистывал подзабытые учебники, пробуя поступить в ту самую школу, в которой все про всё знают – что такое жизнь и смерть, с чем едят атомы и молекулы, и чем отличается движение планет от движения человечества.

Знали там, наверное, и почему вот этот старик, седой как лунь, но загорелый и кряжистый, положив на скамеечку тубетейку, встал затем на голову и стоял так не малое время.

Между купаниями и разного рода размышлениями, незаметно для себя я поступил осенью на химический факультет высшего военно-морского училища инженеров оружия.

Тоже ведь перст Судьбы. Не попади я на кораблестроительный завод, не встретились бы мне двое статных офицеров, приглашавших нас в свое закрытое учреждение, которое располагалось на проспекте Сталина, почти в самом его конце, в шикарном здании бывшего Дома Советов. И что было в этом учреждении, никто не знал, поскольку никаких табличек на высоких и массивных дверях не висело, а вокруг все было спокойно и тихо.

Но мне нравились эти военные. Особенно – морские офицеры: дисциплинированные, подтянутые, всегда побритые, с кортиком на боку. Да и потом – в училище была та самая электроника и ядерная физика, которые меня весьма занимали. Разруха еще, послевоенное время, а вот рвалась душа в какие-то дали.

Случайности это или закон, но чем больше со всех сторон духовные поиски человека притесняются обстоятельствами жизни, тем более Нечто, находящееся в нем, устремляет его кверху.

Может быть, потому, что – некуда больше?

Извини, Друг, бумага, конечно же, так себе – сероватая. На хорошие белые листы, да еще с разводами, как у инопланетян, т.е. как у иностранцев, денег нет – порой огурец сыну купить или яблочко, не говорю уж о мясе и сыре, не знаешь на что. Цены растут быст-

рее, чем мой малыш. И с тех пор как я писал тебе, Всеволод, а пока еще – Севочка, подросток, и после Конца Света, в сентябре, пойдет в первый класс. А там – учебники, тетради, карандаши и резинки, линейки и пеналы... И новая уйма денег.

Им бы так жить – тем, кто определил нам такой прожиточный минимум. Лишний раз убеждаешься, что человек думает животом. По толстому или тонкому животу – и житейская логика. Отсюда и поговорки: сытый голодного не разумеет. И как бы там думцы ни напрягали свои упрямые затылки «за народ», никогда не понять им, каких усилий стоит сегодня «свести концы с концами» от пенсии до пенсии, имея 400 рублей в месяц, отсюда – минус плата за квартиру, минус за свет, а иногда еще здесь и внук, брошенный матерью. Зато какая историческая забота думцев о себе самих, о собственном гарнире с толстой сарделькой, о белой рубашке и синих штанах. «Эй, вы там – наверху, не топчите как слоны», – пела Алла Пугачева. Но чтоб слона прокормить, пищи надо не мало из государственных средств.

К началу третьего тысячелетия довести русский народ до такого предела – это надо суметь. Так исхитриться, извернуться так, «такую вот рокировку сделать» (Ельцин), чтобы до такой степени народ обнищал, во всем изверился. При наших-то лесах и могучих реках, при всем том, что лежит и на поверхности, и в недрах русской земли. Не те нынче цари пошли и министры, не те и думцы – мелкие, пузатые, напористые, особенно, если касается это их собственных карманов. Наверное, резиновые эти карманы на их пиджаках, а длинные галстуки – не иначе как место для долларовых записочек от жены и детей. Неужели на всю Россию-Матушку ума лишь одна палата, да и та на подмостках театра под названием «Дума»? Или бывшие партаппаратчики, снова взявшие власть и поменявшие в гардеробах волчьи шкуры на одежды овечьи, уже и есть обновление, уже и есть перестройка? Но ясно же, как не тасуй колоду карт, король в ней всегда королем остается, а мелочь – мелочью. Разве что сменились козыри. Но что-то незаметно, чтобы главенствовал на Руси Король Червей. Как и прежде, правят пики и жезлы с бубнями в карманах. Как и прежде, лиса носит шубку свою, а то и две. И с неприкрытой задницей прыгает заяц.

Смутное время.

Письма 2. Ступени

6 августа 1999.

Порывшись по своим архивам, обнаружил я еще пачку старых листков, которые можно использовать для письма, но лишь одну их страницу. На обороте разного рода черновики – сны, видения всякие, странные записи.

Можешь взглянуть, мой Друг, если любопытно узнать, что было там у меня – в старых архивах, поскольку в архивах можно иногда встретить немало мудрого и весьма современного. Недаром же события нашего времени политики и историки в один голос сравнивают с хаосом первого двадцатилетия уходящего века. Правда, шустрый Севочка все эти события перепутал – и надо разбираться теперь, что там следовало за чем.

Так и тянет его к бумаге. Помню, когда в кроватке стоял, и потом, когда на коленочках ползал, – все обои рвал. До сих пор осталось еще от его рук прикрытое шкафом футбольное поле голой стены.

Начал ходить – не идет от стола. Повсюду обрывки папиных записей с его каллиграфией. А в школу пойдет?

Вот и утром сегодня, только я сел за письмо к тебе:

– Папа, дай чистый листик с обеих сторон.

– Хватит и с одной, – даю ему лист. – Не будешь же ты сразу писать на двух сторонах.

А сейчас смотрю – еще у него откуда-то лист.

– Не трогай мои бумаги, – снова ему. – Не тобой положено – не тобой и возьмется.

– Я и не взял, я только посмотрел, – отвечает.

– Ну да, у мамы ты тоже сумку посмотрел, так она потом полдня не могла отделить помаду от пудры. Вот тронь еще раз. Покажи мне, что ты там начиркал.

Сева подошел, показал изрисованный лист бумаги.

– И что здесь? Намельчил – ничего не поймешь.

– Это база сектоидов и небесных из игры УФО. А здесь – базы силицидов и крислидов со змеюками. Они воюют с Икс-командой, чтобы завоевать Землю.

– А это что за каракатица у тебя?

– НЛО. Разве не видно?

– Ладно, рисуй, только не отвлекай меня по мелочам.

– Я на тебя обиделся.
– Чего вдруг – обиделся?
– Чистый листик не дал.
– Ну ладно, так и быть. Дам тебе чистый листик.
Я полез на верхнюю полку шкафа и выделил ему оттуда, раз уж обиделся, чистый лист с двух сторон.
– Самому скоро в школу понадобится, – проворчал я, отдавая бумагу.
– Спасибо, – заулыбался он. – Я доклад напишу. Отчитаюсь за работу.
– Ладно, отчитывайся. Только не делай ошибок.
Докладчик нашелся. А ну-ка, если бы сейчас гусиными перьями дети писали, да чернилами. Чтобы я тогда делал с ним.
Как-то незаметно, чего я и не ожидал, Сева освоился с компьютером. Начав самостоятельно читать с пяти лет, он запросто разобрался с директориями и файлами игровых программ. Быстро понял, в какие программы ему разрешено входить, а в какие нельзя.
И не хуже матери управлялся с этой взрослой игрой про инопланетян, давая ей советы, хотя она и сама в этих играх была дока.
– Мам, отсюда выход по этой кнопке, – лез он кнопку нажать.
– Да отойди же, Сева, не мешай.
А через некоторое время она сама к нему:
– А как солдатика повернуть, он не поворачивается у меня.
– Нажимай девятую кнопку, – бросался Сева помогать.
Про Севочку, чтобы кратко определить его спокойный и уравновешенный нрав, можно сказать:

Улыбнулся малыш лучезарному солнцу
И квадрат начертил на асфальте сухом.
Солнце прыгнуло с неба на квадратную землю,
А малыш взгромоздился на круглое небо.
И им радостно было в этом мире веселом.
И им весело было друг на друга смотреть.

Будучи еще совсем маленьким, первое, что он делал, просыпаясь утром, – задорно улыбался нам. Не знали мы с ним и ночных бдений – всегда спал Сева спокойно и всю ночь.

Проблемы отучения от соски вообще не возникло. Подошло время, и мы, стоя с ним у окна, сказали ему:

– Севочка, видишь, вон собачка бежит. Ты уже большой мальчик, а она маленькая. И пора тебе, дружок, сосочку собачке отдать.

– Де обака? – спросил он своим нежным голоском.

– Вон, вон... смотри – через дорогу сюда и бежит. Давай-ка бросим ей скорей сосочку. Видишь собачку? – Он мотнул головой.

– Бросим ей сосочку?

– Боси..., – махнул он ладошкой.

Мы открыли форточку и выбросили соску. И с этого дня больше он сосок не видел. На следующий день только спохватился.

– Да ты что, забыл, Севочка? Мы же ее вчера маленькой собачке отдали. Давай в окошко посмотрим.

Подошли к окну. Поставили его на подоконник.

– Смотри внимательно, есть там сосочка?

– Не... – смотрел он внимательно с четвертого этажа, прижавшись носиком к стеклу...

– Ну вот, собачка забрала с собой. Не будем у нее отнимать, или отнимем?

– Не... не удим...

Поняв что-то, он к этому больше не возвращался.

С возрастом, конечно, такие элементарные номера не проходили уже, но, если по-взрослому объясняли ему что, то он соглашался.

Единственное, что Сева излишне долго не решался делать, так это ходить. На четвереньках ползал с громадной скоростью – и вперед, и назад. Вставал и на ножки. Если же руками держался за кроватку, стул или книжную полку, то бочком, бочком и пройдет немного. Но остаться на двух ногах в свободном пространстве и пойти – сидеть на попке надежней.

И как-то раз, когда наша мама ушла в магазин, я поставил его перед собой лицом к кроватке на расстоянии одного шага от нее.

– Иди, Севочка, – отпустил я руки, которыми придерживал его за спинку. Он – снова на попку. Я еще раз поставил его на ножки.

– Иди, Сева, не позорь фамилию. Такой большой уже вымахал, и все на четвереньках ползаешь. – Он опять садится. Я вновь ставлю его на ножки. И еще, и еще... Сева ревет уже, тянет ручки к кроватке, а шагнуть – никак.

– Не бойся, мальчик, не бойся, ты же можешь. Ну шагни – вот же кроватка, совсем рядом.

Наконец, со слезами, первый шаг сделан – и ручками зацепился за кроватку. И опять я ставлю его на шаг от кроватки.

– Все, мой хороший, молодец, – целую я его в затылочек, – давай еще раз, вперед. Я с тобой рядом.

Затем, не сразу, конечно, Сева сделал и два шага, и три. И когда мама пришла из магазина, он эти три шага сделал уже навстречу к

ней. И довольно скоро Севочка носился по квартире так же лихо, как и ползал на четвереньках. Однако, эта лихость в три годика стоила ему зубика, когда он, забравшись на стул, полез на верхние полки за папиными книжками и ступил мимо стула, ударившись подбородком о нижнюю полку.

Потом он рассказывал об этом бабушке:

– Бабуинька, я со стуа бух ковь потека и зубик потияй. Ты не пач...

Интересно, что, когда упрекали трехлетнего Севочку:

– Ну, что ж ты капризничаешь-то, маленький?

Он обычно отвечал:

– Как я капизничю? Не капизничю я. Хаоший я.

– Хороший, хороший, но, все же, веди себя прилично.

Но продолжу свою историю. Осенью 1959 года, поступив в училище, я попал в Кронштадт матросом на эсминец «Справедливый» для прохождения курсантской практики. И, первым делом, отыскал в Кронштадте библиотеку. Она находилась в полуразрушенном, но величественном Храме, в котором когда-то служил Иоанн Кронштадтский. Сейчас еще вижу я где-то внутри себя этот Храм в золоте опадающих по осени листьев, среди готовящихся к зиме загрустивших деревьев. И запах этих листьев, терпкий и пряный, у входа в Храм напоминал мне тогда запах старинных книг в толстых переплетах с их упругими листьями, которые, казалось, сопротивлялись самому времени в своем неистовом желании жить.

И еще оставили сильное впечатление о себе громоздящиеся волны Балтики, разрываемые носом движущегося корабля. Их темные малахитовые оттенки и вибрирующий гудящий рык захватывали меня с головы до пят своей мощью и непредсказуемостью. К тому же, какое-то тайное чувство единения с ними переполняло сознание. И когда, стоя на вахте, я вглядывался в ночное небо, очищенное от туч, в таинственной глубине его мне чудились среди мерцающих звезд те же волны и тот же запах листьев, одиноко лежащих у порога Храма.

После года службы на корабле у меня появилась заманчивая возможность (в связи с резким сокращением вооруженных сил в то время) перейти в любой ВУЗ Ленинграда, поскольку училище расформировывалось, а статус наших вступительных экзаменов по количеству и качеству превышал вузовский. Наш же химический факультет приказом министра обороны переводился в Азербайджан.

Но мог ли я теперь отказаться от ставшей привычной безбрежности неба, сливающегося с горизонтом мятущихся волн, ради города с сутолокой людей, машин и трамваев, когда дыхание глади морской и ее неслышимые ухом мелодии переполняли все мое существо.

И я уехал в Баку. Пять незабываемых курсантских лет (1960–1965) промелькнули как один день, как вагоны проносающегося мимо поезда. С замиранием сердца я погружался в густые южные запахи цветов, когда бродил с автоматом между спящими корпусами училища во время вахты, когда губами касался непроницаемо-черной глубины влажного ночного неба, осязаемо и властно охватывающего собой Землю. Днем же я чувствовал нежность небесного покрывала, смягчающего жаркие потоки пребывающего в нем светила.

Подъемы и отбои, проверки и военные учения, различные кабинеты и лаборатории – все было в радость, все находило свое место и время, не мешая той внутренней сосредоточенности, которая, словно свернувшийся в клубок котенок, жила во мне и будто ждала своего часа, ждала той минуты, чтобы вдруг распрямиться и прыгнуть на показавшуюся из норки мышшь. Учение давалось легко, что позволяло значительно расширить круг моих интересов.

В училище оказалась прекрасная библиотека, видимо потому, что был еще здесь артиллерийский факультет для иностранцев. И я зачитывался книгами Аристотеля и Беркли, Бекона и Гольбаха, Канта и Локка, Монтеня и Монтескье, Фейербаха и Юма. Но больше всего меня захватила своей мощью философия Гегеля. Я был поражен его энциклопедической осведомленностью во всех сферах человеческого познания и, особенно, тем логическим стержнем, на который он умело нанизывал его плоды, словно на шампур мясо для облитого шампанским шашлыка.

Так, в промежутках между физикой и химией, математикой и астрономией, кораблевождением и ядерными реакторами, эти книги открыли для меня переливающийся всеми цветами радуги мир западной философии, социологии и политики. И вместе с тем каждое лето я продолжал корабельные купания в лазурных и черных, тихих и буйных водах морей и океанов. «Мертвый штиль» Средиземного моря и шторм Бискайского залива – до сих пор отражают во мне рай тишины и гул преисподней.

Письма 3. Офицерские будни

7 августа 1999.

Друг мой, думал я, что в двух-трех письмах, совсем коротенько, тят да ляп, сообщу тебе о своих новостях за последние шесть лет, а теперь вот захотелось поведать, да и самому получше понять, что же произошло со мной за минувшие годы. И не только за шесть лет твоего настырного молчания, а за те 25, что были отмерены мне линейкой времени уже после выхода моего из лагерной зоны. К тому же мои знакомые сибиряки и читатели повести «Спаси себя сам» настойчиво просили написать продолжение.

Долго я колебался, начинал писать и снова бросал – кому, мол, все это интересно, кому это надо. Но если не сейчас, хотя бы в письмах, пообщаться с друзьями, то когда же – до Конца Света несколько дней. К тому же Севочка подошел с «Докладом»:

– Вот, здесь и здесь, папа, подпиши, – и карандаш мне протягивает для наложения визы.

– Ну я же, не читая, не подписываю бумаг.

– Прочитай.

– Может быть, ты мне смертный приговор принес.

– Какой приговор? Это разрешение, чтобы ты писал про Севу.

– От кого разрешение?

– От Ельцина. Вот печать.

– Ельцин-то причем? От премьер-министра Черномырдина куда уж ни шло. Извини, сняли его. Теперь от Степашина, стало быть.

– Я хочу от Ельцина.

– Ладно, пусть. Только прежде исправь: не Ельцына, а Ельцина, грамотей. И не даклад, а доклад. Ищи проверочные слова.

– Ладно.

– Что ладно?

– Много говоришь. Подписывай, папа.

Около слова «потпись» я расписался.

Итак, разрешение дано, бумага подписана и заверена печатью – теперь за дело.

Дорогой Друг, старый сон, оставшийся на другой стороне листа от бывших времен, можешь пропустить.

А можешь и взглянуть краешком глаза, подумать о его созвучии с реалиями нашей жизни.

Огромный город простирался от горизонта до горизонта. Казалось, что он продолжается и дальше, не имея конца. Город-гигант, город-завод, в котором башни и здания, конструкции и станки, механизмы и трубы располагались так тесно, что представляли собой сплошной кусок железа. Люди надсадно и безуспешно старались протиснуться сквозь узкие проходы в этом железе, униженно и жалко пытались как-то освободиться из железных объятий железного города.

Пробираясь по лестницам и коридорам домов, я искал место, где было бы можно поесть. И не находил его – нужной мне пищи в городе не было. Встречались, правда, комнаты-столовые и длинные, как железные ленты, очереди за куском мяса, тоже казавшимся железным, да за хлебом, напоминавшим кусок кровли, свернутой в трубочку. Тыркаясь, как котенок, в железные прутья и стены домов, я вместе со всеми все пытался и пытался найти выход отсюда, протискиваясь между станками, за которыми сустились люди, вдоль мрачных улиц, на которых толпились люди. Безуспешно цепляясь за железные прутья, я перелезал через бесконечные трубы, протискивался между массивными прессами и безуспешно спрашивал у прохожих: где же выход?

И вдруг в просвете – железная дорога и вагоны, мертво застывшие порожние товарняки, неподвижные и холодные поезда. Будто логово смерти. И голубизна неба казалась насмешкой среди груды мертвого металла. Лишь на маленькой площадке-станции, стиснутой со всех сторон строениями, находились люди, напоминавшие манекены.

Они играли в детские игры – как автоматы.

И я осознал неожиданно для себя, что нет у меня ключей, чтобы выйти из этого города – города-смерти.

После окончания училища (осень 1965) в звании лейтенанта меня направили дежурным инженером в группу радиационной безопасности Учебного центра офицеров атомных подводных лодок в городе Палдиски (Эстония).

Вот почему пришло письмо оттуда на красивой белой бумаге с водяными знаками и разводами. Оказалось, что штрих моей жизни оставил там свой заметный след, если его очертания были видимы и сегодня. Первоначально меня поселили в офицерском общежитии, предоставив небольшую комнату, затем, когда я женился и Галля переехала из Калинина (теперь это Тверь) в Палдиски, нам выделили двухкомнатную квартиру на пятом этаже «хрущевской» пя-

тиэтажки. Почти рядом с домом шуршали о гальку воды Финского залива. Иногда я бывал здесь, слушая неторопливый голос волн и наблюдая, как вода ласкает своими ладонями прибрежные валуны, тут и там разбросанные вдоль берега до самого горизонта.

И когда, четыре года спустя (в 1969), у побережья залива моя семимесячная дочь Люба, сидя в коляске, лепетала что-то свое, казалось мне, что она понимает еще, о чем беседуют между собой эти волны, в отличие от нас, взрослых, которым за суетой каждодневных дел нет времени прислушиваться ни к дыханию моря, ни к шепоту звезд. Конечно же, к этому времени моя детская и юношеская романтика уступила место серьезному размышлению о том, чем же заняты окружающие меня люди. Не на кухне, разумеется, ради которой не жалеет человек ни сил, ни времени, а чем они заняты в своем одиночестве, когда остаются сами с собой, с наступающей ночью после закончившейся суеты дня, или утром, когда эта суета еще не наступила. И все чаще и чаще я вспоминал выписанное когда-то из Сенанкура:

«Подлинная жизнь человека заключена в нем самом, а все, что он получает извне, случайно и подчиненно».

В силу этого, помимо служебных обязанностей, как и ранее помимо учебы, меня продолжала интересовать философия и социология, которые постепенно стали перетекать в историю и психологию: «Статьи и письма» П.Я. Чаадаева, «Философские произведения» А.И. Герцена, «Курс русской истории» В.О. Ключевского, «Педагогические произведения» Н.А. Добролюбова. Книги же «Россия под властью царей» С.М. Степняка-Кравчинского, «История царской тюрьмы» М.Н. Гернета и сборник документов по «Делу Чернышевского» стали почти настольными.

Отсюда возникло и более внимательное отношение к тому, что происходило теперь не в чопорной Англии или в экспансивной Франции, а в своей собственной неприкаянной стране. А с этой ступеньки оставался лишь один шаг и до политики – этой проститутки, которая отдается то общественному мнению, то власть имущим.

В собственной же стране к 1966–1968 годам отчетливо обозначился закат демократических перемен, начатых Никитой Хрущевым.

Воспитав себя на основах западной демократии, с таким «заказом» преобразований в России я был не согласен.

И свернувшийся в клубок котенок прыгнул вдруг на показавшуюся из норки мышь. Но котенок – это все же не умудренный годами

кот. Да и мышка оказалась клыкастым тигром. В связи с этим «несогласием» и возникло «уголовное дело» офицеров Балтийского флота, которым интересовался теперь (через 30 лет) у себя в Эстонии неизвестный мне господин Виктор Нийтсоо.

Тогда же, 3 июня 1969 года, меня уведомили об исключении из партии (КПСС). В этот же день незнакомые люди произвели обыск в комнатах нашей квартиры, в ее чулане и в совмещенном с ванной туалете, не забыв по небольшой лестнице подняться на чердак, а затем и спуститься с пятого этажа в подвал дома, где находились так называемые «сарай» его жильцов.

Что они искали на чердаке и в сарае – гаубицу, что ли, или еще какое смертоносное железо, трудно сказать. Но, уходя, пришельцы случайно прихватили с собой взятую из-за стеллажа в первой комнате, совсем еще новую пишущую машинку «Consul» вместе с футляром кофейного цвета, в котором лежали две пачки еще не использованной копировальной бумаги.

Я уж не говорю о магнитофонных лентах, которые им и совсем-то были ни к чему – солить, что ли? Но если подсчитать, то три катушки по 180 метров, плюс шесть катушек по 350 метров, итого – 2 км 640 м. Как раз от нашего дома до вокзала. Конечно же, они перепутали, приняв магнитофонную ленту за бикфордов шнур.

Пришельцы и есть пришельцы. Что еще можно ожидать от сектоидов или крислидов со змеюками. Думаю, что и магнитофон «Днепр-11», обнаруженный в передней комнате крислидами, передетыми в военную форму и, наверняка, с фальшивыми документами, был принят ими за адскую машину, тем более что на нем указывался и радиус действия – 9,5 и 19 метров. По современным меркам – маленький террористический акт одного бизнесмена (нового русского) против другого. А сколько было вывезено от нас уложенной в мешки бумаги (газетных вырезок, писем с конвертами, даже несколько книг иностранного издания). И разве мог я подумать, что уже тогда даже в особых отделах пришельцев была такая «напряженка» с туалетной бумагой. Вот откуда через 30 лет у нас сложности и с бумагой для писем.

Через два часа после окончания обыска меня мирно уволили с работы, не забыв изъять кортик – неотъемлемый атрибут достоинства морского офицера.

6 июня эти же люди забежали еще раз, чтобы в законном, как они сказали, порядке вынести из дома радиоприемник «ВЭФ-радио» и наушники с кабелем. И как я ни объяснял, что этот железный ящик

лишь для прослушивания эфира и наушники, чтобы не мешать спать жене и ребенку, – нет, уперлись и все: «Вы не только вокзал хотели взорвать, но и всю Россию от Финского залива до Японского моря», – слышалось мне в звуках удаляющихся шагов, пока незваные люди, уходя, с мешками на плечах и в руках спускались по лестнице. И наверное, успокоенные добротой выполненным делом, уже 11 июня они уведомили Галю, что «в отношении Вашего мужа 10 июня 1969 года избрана мера пресечения – содержание под стражей в следственном изоляторе города Таллинна».

При этом, что самое изумительное, слово «Вашего» было написано с большой буквы. Недаром, видимо, я проживал в Палдиски на улице Садама, обернувшейся для меня узким тупиком Содома и Гоморры. С той лишь разницей, что если неправды и грехи жителей Содома вызвали грозный и праведный суд Божий над ними, то в нашем славном социалистическом прошлом этот грозный суд обернулся против меня, жены и восьмимесячной дочери.

И до сих пор не от тех, кто арестовывал и сажал своих политических оппонентов, «восходит дым и серный пар», как указывает Библия, а от самих оппонентов.

Особым отделом КГБ по Балтийскому флоту в июле и августе 1969 года помимо меня арестовали лейтенанта Алексея Косырева (сокурсника по училищу) и сверхсрочника Геннадия Парамонова (кандидата в депутаты местных Советов и комсомольского вожака нашего Учебного центра), которыми в своем письме ко мне также интересовался мой корреспондент из Эстонии.

Была попытка со стороны следствия привлечь к ответственности по моему делу «инакомыслящего» Сергея Солдатова из Таллинна, а также лейтенанта Александра Салюкова (однокашника по училищу, уволенного затем с флота) и некоторых близко знакомых со мной старших офицеров.

Радостно улыбаясь, следователи подшили в свои толстые папки и мою машинописную книгу «Слово и Дело», в которой рассматривались в их временной последовательности антидемократические события и политические процессы периода заката Брежневской оттепели, происходящие в Советском Союзе с момента «Пражской весны», начатой Дубчеком, до ввода в Чехословакию советских войск. Кроме того, эти события анализировались автором с философской и исторической точек зрения. Книга заканчивалась ходившей в то время по рукам среди диссидентов статьей А.Д. Сахарова «Размышление о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллек-

туальной свободе». Следствие располагало также нелегальными данными о моем толстом светло-коричневом портфеле с замком, в котором находились материалы для 2-го тома книги «Слово и Дело», описывающего политические репрессии в Советском Союзе уже после ввода войск в Чехословакию.

Как-то на работе меня пригласили к телефону. И взволнованный голос Геннадия Парамонова сообщил:

– Геннадий Владимирович, по-моему, у вас в квартире обыск. Я зашел за гитарой, которую вчера забыл у вас. Думал, вы не на дежурстве – хотел забрать. Мне открыли совершенно незнакомые люди. На мой вопрос, дома ли вы, ответили, что я ошибся квартирой. Вы можете приехать?

Конечно же, я не поехал. Зачем горячку пороть, – подумал я. – Если уж обыск – его не остановишь. А лишние резкие движения в таком случае и тем более неуместны. Вечером дома я внимательно просмотрел полки и шкафы. В одном из них и стоял портфель, набитый рукописями. Все было на месте. Но могли ведь переснять лист за листом его содержимое. Это и называется у них оперативной работой. Следователь намекал потом на эти материалы, но – на нет и суда нет. На следующий же день после звонка Парамонова я отдал портфель с рукописями на хранение Александру Салюкову. И у него был обыск, когда меня арестовали, но не успели – своевременно все было уничтожено уже.

Приобщили к делу и «Открытое письмо гражданам Советского Союза», в котором я говорил о необходимости кардинальной перестройки системы власти в нашей стране и предлагал пути такой перестройки, вплоть до свержения ее политического руководства, а также поддерживались в этом «Письме» начатые в Чехословакии реформы и осуждался ввод советских войск на ее территорию для блокирования этого процесса. С легкой руки Петра Якира «Письмо» было переправлено из Москвы за границу и опубликовано в журнале «Посев» (№ 1, 1969 г.) под псевдонимом Геннадий Алексеев.

В этом же номере журнала была и статья Сергея Солдатова «Надеяться или действовать», подписанная группой эстонской интеллигенции. В марте-апреле 1969 г. (за два месяца до моего ареста) полный текст «Открытого письма» передавался на русском языке радиостанцией «Свобода». Но об этом мне стало известно лишь на следствии по моему «уголовному» делу.

Не забыли следователи присовокупить к этому «делу» и распространение «антисоветской литературы». Да без этого и нельзя. Бу-

маги больше – и дело толще. Кроме того, и это считалось уж очень удачной находкой, обнаружили у меня кое-какие бумаги по организации «Союза борьбы за политическую свободу» и ее печатного органа – газеты «Демократ». И совсем уж неожиданный козырной туз попал в руки следствия – моя попытка переправить из тюрьмы на волю статью «Организационные задачи Союза сторонников свободы». Сосед ли по камере «исполнил долг» или был посажен их внештатный сотрудник – трудно сказать.

Следствием и прокурором в качествеотягчающего обстоятельства «преступной деятельности» арестованного использовались также изъятые в камере мои обширные выписки из сочинений В.И. Ленина с комментариями к ним.

И как жаль мне сейчас эту сотню листов, аккуратно исписанных мелким почерком. Ведь в камере-одиночке Ленин стал почти родным для меня. Его емкие лозунги и призывы, закрученные обороты речи уже начинали жить в моем сознании самостоятельной, только им ведомой жизнью. Иногда казалось, что ночью он, как и я днем, ходит по камере – пять шагов туда и пять обратно, от параша до глухо зарешеченного окна и опять к параше, заложив руки за лацканы пиджака и сощурившись глазом.

В октябре 1969 г. (с подачи находившегося на воле Сергея Солдатова) о «Деле офицеров Балтийского флота» сообщили радиостанции «Голос Америки», «Канада» и «Свобода», а также были публикации в газетах «Нью-Йорк Таймс», «Дейли телеграф» и других. Все это для следствия и суда являлось еще одним и совсем уж веским аргументом, усугубляющим мою ответственность перед обществом и государством. Плюс к тому – упорное нежелание арестованного признать свою вину в «подрыве и ослаблении Советской власти» и отказ от адвоката, неспособного, как я считал, осуществить мою защиту по существу обвинения.

Военный трибунал Балтийского флота, проходящий в Калининграде в марте 1970 г., признав меня виновным по статьям 68 ч.1 и 70 УК Эстонской ССР (агитация, пропаганда и организация), приговорил к шести годам лишения свободы в трудовой колонии строгого режима с лишением воинского звания и наград.

И лишь через полтора года после суда сопроводительной бумажкой от 16 октября 1971 года жену уведомили, что «По Вашей просьбе направляется Вам выписка из приговора военного трибунала ДКБФ в отношении Вашего мужа». Вся выписка поместилась на двух неполных страничках текста. Тремя точками (...) после

слова «установил» хранители законности и порядка «подробно и доходчиво» объяснили жене за что, собственно, ее мужу была предоставлена «гостиница-люкс».

Письмо 4. Коллега провалака

8 августа 1999.

Дорогой Друг, что тут поделаешь, начатое письмо не сразу закончишь. И сегодня я продолжаю макать в чернила свое «гусиное перо» и мараить им бумагу. Неудачное все же попало это перо – сильно скрипит, отвлекая от мысли. Вот тебе и по благу.

Прикрыли недавно один из новоявленных антикварных магазинов, распродали имущество, перо же это бросили под стол за ненадобностью – мне и досталось. Теперь же от него не только скрип, но и как с гуся чернила. Не одну уж кляксу пришлось стереть. Да, шариковые ручки много удобнее. Но про Шариковых мы и кино смотрели, и встречали их не раз на дорогах жизни – не тот коленкор. И потом, если уж решил гусиным пером – значит, гусиным. А вот интересно, куриные перья, они что – хуже?

Думаю, разница в том, что рожденный по курятнику бегать не взлетит к облакам.

А гусь – это же лебедь. Значит, гусиное перо – символ изящного и красивого полета мысли, символ вдохновения в обнимку с Фортуной. Но для этого, разумеется, должно быть – ну очень хорошее перо. Мое же валялось под столом. Так что не обессудь, дорогой Друг, – как уж получится это мое послание к тебе.

До сих пор ярко и красочно представляются мне тюрьмы и камеры, лагеря и бараки следственного изолятора Таллинна (июнь 1969 – февраль 1970), тюрьмы Калининграда (февраль 1970 – июль 1970). Звучит еще в ушах стук колес вагона-столыпина, протянувшего нить моей жизни от узла к узлу через тюрьмы Вильнюса и Пскова, Горького и Потьмы к затерявшемуся где-то в глуши лесов поселку Озерный (Малая зона Мордовии ЖХ-385-17а, август 1970 – октябрь 1972). А далее – еще одна линия жизни, проложенная к вбитому в землю столбу у Всесвятской станции (35-я пермская зона ВС-389/35, 1972 – 1974).

Так неожиданно-негаданно шагнул я от чистоты лазурно-соленых волн Балтийского моря в тину и грязь Мордовского озера и, окунувшись в него, вынырнул затем в лесах Сибири среди всех святых, огороженных плотными рядами колючей проволоки. Материализовав идеи Гегеля, рабоче-крестьянская власть нанизывала на шампур своей доктрины не оправдавших ее надежд подданных – и поджаривала, поджаривала, поджаривала их медленно на огне, пока не розовели они от радости или не обугливались от ненависти.

Вот память человеческая – столько лет прошло, а будто вчера все и было, будто час назад крикнули: «Выходи! С вещами», – и прощально лязгнуло засов лагерной зоны.

Тюрьмы и лагеря – воистину Университеты Жизни.

Понимая это, я тайно стал собирать материал на книгу, которую намеревался затем опубликовать «на воле». Вяжью, корявым почерком, между строк всякого рода выписок из книг, что брал я в библиотеках тюрем и лагерей, заносил я на будущее имена и фамилии бывших со мной рядом зэков, тем более зэков-то не простых – каждый со своей суровой и сложной биографией, со своим таким же суровым и закаленным характером, со своей Судьбой, достойной памяти и подражания.

Помимо собирания «зэковского материала», активно продолжал я изучение философии, но это была уже философия Востока, к которой добавилась и религия. В чемоданах «антисоветчиков» оказались очень нужные для меня книги: индийская Ригведа и Упанишады, Атхарваведа и Дхваньялока, Мокшадхарма и Бхагавад-Гита, японский Дзен-буддизм и китайский Даосизм. И как когда-то Ленина, теперь по ночам я ощущал в изголовье своей зэковской постели незримое присутствие Патанждали, Шанкары и Раманужди, Вивекананды и Будды. До смерти преданные Иисусу баптисты, озираясь в бараке по сторонам и поглядывая на окна и дверь – нет ли поблизости надзирателя, познакомили меня и с Библией.

Шлюпка и парусник, которыми я увлекался в училище, гантели, которыми я занимался, будучи офицером, уступили место классической йоге. В школе я никак не мог осилить немецкий, здесь же, на тебе, начал изучать хинди, увлекшись Индией. И в свободное от шитья рукавиц время в трех шагах от вышки с автоматчиком или в лагерной библиотеке по выходным – сидел я, не разгибаясь, над книгами. И казалась порой ирреальной та жуткая реальность, которая, словно бетонными плитами, окружала меня своей «заботой» и особо строгим специальным «вниманием».

Исподволь стала возникать во мне мысль о том, что наука и религия – хотя и разные ипостаси познания человеком окружающего его мира, разные плоскости его ментального погружения в мир, тем не менее, мир этот – целостен и един. И значит – между мощными горными массивами, между наукой и религией, над пропастью, разделяющей их, все же должен существовать какой-то пусть не мост, ну хотя бы мостик. Очертания этого, в то время еще призрачного для меня моста, и стал я искать, окруженный заборами и надзирателями, шмонами и проверками, шитьем рукавиц и застольным чаем, таким необходимым загнанному в угол зэку. И о том, как зэки не давали загнать себя в этот самый угол, я продолжал подробно записывать в свою заветную тетрадочку, которая много лет спустя и переросла в книгу «Спаси себя сам».

Нелегко Путь. И будни тяжелы.
И каждый камень больно ранит ноги.
И снег колючий хлещет по лицу.
И холод окружающих несносен.
Так Дух пылает или гаснет Дух
В горниле каждодневных испытаний.

Письма 5. Новый путь

9 августа 1999.

Дорогой Друг, у нас новость дня – президент Борис Николаевич вновь сменил премьер-министра. После прагматичного и одаренного ораторскими способностями Виктора Черномырдина последние полтора года радовали нас на экранах телевизоров молодой и очень умный Сергей Кириенко, умудренный годами и жизненным опытом Евгений Примаков, интеллигентный во всех отношениях Сергей Степашин, теперь же премьер-министром стал волевой и энергичный Владимир Путин. Сергей Степашин и трех месяцев не продержался на вершине правительственной пирамиды.

– Такие смены правительства – это какой-то абсурд всей системы власти, – заметил по этому поводу наиболее известный в нашей стране мэр Москвы Юрий Лужков, поправляя на голове съехавшую

на бок от быстрой ходьбы новую кепку. Сбрасывал президент Ельцин премьеров, как мелкие карты из колоды, чтоб не мешали раскладывать какой-то лишь ему одному ведомый пасьянс. Вот теперь начат новый расклад. Россия же опять в ознобе.

Конечно же, первый демократически избранный президент за всю нашу тоталитарную историю – это немало. Но, видимо, не только на сковородке бывает первый блин комом. И все это – не лучшие знаки перед Концом Света.

Но продолжим наш путь.

Говорят, если есть Альфа, то должна быть и Омега, поскольку любое начало имеет конец. Кончились и мои «зэкковские симфонии» с их мажорами (радостным настроением от лишней хлебной пайки) и минорами (грустью в карцерах и в камерах), с их *crescendo* (усилением режима) и *staccato* (отделением от семей).

«На воле», однако, начались мои новые скитания и неустройства. Разумеется, что путь на Флот однозначно мне был заказан, как и возвращение в армию вообще. О любимой работе по радиохимии или дозиметрии окончательно пришлось забыть.

После месяца утомительных хождений в поисках работы, испросив с меня слово больше «не подрывать и не ослаблять», меня взяли на поруки «рабочие» конструкторско-технологического института судоремонта в Таллинне, куда с большими трудностями, пока я был в лагерях, Галя с трехлетней Любашей переехала из Палдиски, поменяв квартиру.

Определившись с работой, я сразу же занялся выпиской из психбольницы в Черняховске Геннадия Парамонова, куда, как признанный невменяемым, он был помещен по приговору суда. Сначала я писал бумаги в разного рода инстанции, затем ездил к нему и встречался с ним. После освобождения из «больницы» Гена приезжал к нам на несколько дней. В Черняховске все же сделали из него больного человека. Позже он получил инвалидность и какую-то пенсию. Но его неустроенность до сих пор щемит мое сердце, и меня не оставляет чувство вины перед ним.

В это же время Судьба затеяла со мной новую Игру, дав лишь месяц передохнуть после возвращения из Зоны. В первый же день работы на заводе судоремонта, куда я добирался в самый конец города с трамвайными пересадками более чем за полтора часа, мое внимание привлек плакат на стене в коридоре, сообщавший о том, что в Таллинне открывается выставка картин художника Н.К. Рериха. Остановили меня перед плакатом восточные мотивы его испол-

нения. Так и пахнуло на меня экзотикой Индии, ее духовным очарованием и какой-то притягательной силой. Естественно, что мне захотелось познакомиться поближе с творчеством художника, тогда еще неизвестного широкой общественности.

Как выяснилось, повесил плакат на стене сотрудник нашего же вычислительного отдела, рабочее место которого располагалось в соседней комнате.

Им оказался Николай Николаевич Речкин. Мой собеседник пояснил, что сегодня у него последний рабочий день – он увольняется. Взяв телефон и домашний адрес нового знакомого, я напробился созвониться с ним и, если можно, зайти для беседы. Жили мы на Сыпрусе-Пуйестее 208.

Показав адрес Николая Речкина жене, я спросил:

– Где эта улица Таммсаарэ?

– Дом не знаю, – сказала она, разглядывая бумажку с телефоном и адресом, – а улица, – Галя подошла к окну, и я за ней, – если вправо вдоль нашего дома пройти, смотри туда, – указала она пальцем, – эта улица перпендикулярно проходит.

Я не верил своим глазам – не могло такого быть. Полагая, что здесь какое-то недоразумение или неточность в адресе, в полном смятении чувств я быстро оделся, спустился вниз, прошел через двор. Мой новый знакомый действительно жил в трех минутах ходьбы от нашей парадной. Поднявшись по лестнице, я позвонил... Вскоре мы сблизились настолько, что я мог приходиться к Николаю запросто. И не только я, но и все мое семейство.

Между Галей и его женой Аллой, между семилетней Любашей и двумя его детьми Костей и Светой установились дружеские отношения. Коля серьезно изучал творчество Рерихов, в то время как в России о Рерихах, давших миру «Учение Живой Этики», говорили тогда лишь шепотом.

И как когда-то энциклопедичностью Гегеля, теперь я был поражен вселенским охватом проблем Бытия, который встретился мне в Живой Этике:

Дух Христа веет через пустыни жизни.

Подобно роднику стремится через твердыни скал.

Сверкает мириадами Млечного Пути

И возносится в стебле каждого цветка.

И вспоминались мне золотые листья у подножия Храма Иоанна Кронштадтского. Верилось, что придет время, когда купола его

вновь засияют светом и радостью молящихся в нем, поскольку говорилось в Учении:

Светлому Храму ступени строим,
Скалы Христу приносим.

Сколько раз в Зоне, читая Евангелие, именно такое дыхание исходило на меня с его священных страниц. Теперь же особенно укрепляли мою душу пламенеющие слова из нового Учения:

Перед тобою Песня Господня
И, восшедши к вершинам,
Не грусти о цветах ущелья.

Вспоминались и сны, посещавшие меня в Зоне, особенно во времена голодовок. Рассказывая их своим друзьям-зэкам, я не раз слышал в ответ: «Наверное, священником будешь».

Теперь, замороженный величием и красотой Живой Этики, я с упоением отдался ее ритмам и откровениям. Через год нашего общения, Николай Речкин представил меня Павлу Федоровичу Беликову¹ (см. нумерацию в приложении – Примечания).

И во мне как бы прозвучало:

В ночи Луна – подобие светила.
Но в ясный день, когда сияет Солнце,
Луна на Небе – призраку подобна.
Зажги Огни трепещущего сердца –
И призраки земные растворятся.

Жил Павел Федорович с женой Галиной Васильевной в поселке Козэ-Уузмыйза под Таллинном на втором этаже небольшого двухэтажного дома с двумя подъездами. Рядом завод, на котором он работал до пенсии, рядом почта – два шага шагнуть. Близко совсем и автобусная остановка. Во время войны немцы хозяйничали здесь. Хозяйничали при обысках и в доме Беликовых. Не раз переворачивали все «с ног на голову». Но вот на простой этажерке совершенно открыто рядом с рабочим столом Павла Федоровича стояли изданные еще до войны рижанами книги «Учения Живой Этики». И ни одну книгу ни разу не тронули, не заметили немцы.

Каким маленьким был этот поселок, такой же малогабаритной была и квартира Павла Федоровича. Из маленькой прихожей одна дверь вела в его комнату, другая – в крохотную кухню.

В комнате справа от окна располагался небольшой двухтумбовый стол и на нем конторка, пишущая машинка, листы рукописей,

иконка Сергия Радонежского. На конторке – статуэтка Будды, при-
слоненные к стене портреты Елены Ивановны Рерих и Николая
Константиновича Рериха. На стене в рамках фотографии всех чле-
нов уникальной семьи. И репродукция с картины Святослава Рериха
«Возлюби ближнего» – мое любимое изображение Иисуса Христа.

За малостью комнаты книги располагались на самодельных пол-
ках, идущих под подоконником и по периметру стен, почти у потолка.
О кухне и говорить не приходится: стол, четыре стула и до стен –
рукой достать.

Но от этого малого физического пространства исходили мощные
лучи Тепла и Света, которые живут в моей памяти до сих пор.

И эти Лучи Света не раз помогали мне не свалиться вниз, если я
вновь оказывался вдруг на краю пропасти.

Сияет Солнце и сияют Звезды –
И днем и ночью Сокровенный Свет
Планету омывает. Млечный Путь,
Стрелю прорезая Небосвод,
Вам помогает в темноте ночной
Найти дорогу к Очагу родному.
Так распахните окна широко,
Чтоб каждый угол вашего сознания
Был Светом Мироздания освещен.
И в сердце Луч Учителя впустите.

В феврале 1976 я перешел работать инженером-математиком в
отдел АСУП электротехнического завода им. Пегельмана.

Воистину – мир тесен. На этом заводе работала дочь Павла Фе-
доровича – Елена. Здесь же на изготовлении кристаллов для полу-
проводниковых схем был начальником участка и мой свидетель по
«уголовному делу» однокашник по училищу Александр Салюков.
Уволенный в запас, Саша так и остался на гражданке. Изрядно по-
мыкавшись без работы в Палдиски, он и его жена Зина переехали в
Таллинн, где она, как передовица производства, через несколько
лет сумела получить в районе новостроек отдельную квартиру. Из-
редка мы навещали их, с грустью вспоминая с нами случившееся.
Но основные мои встречи и будущие надежды были связаны, разу-
меется, с Павлом Федоровичем.

Активно я начал читать эзотерическую литературу, имеющуюся в
домашней библиотеке Николая Речкина, который постепенно пере-
ключил меня от увлечения йогой на проблемы расширения созна-

ния и духовного самосовершенствования. В короткий срок я сделал фотокопии с целого ряда интересующих меня материалов, образовав таким образом свою «запрещенную» в то время библиотеку.

Сейчас я вывалил на стол эти «книги» – переснятые на фото- пленки и отпечатанные с них толстые пачки фотографий размером 9x12 и 9x14. Пачка «Великие Посвященные» Эдуарда Шюре, еще пачка – эзотерическое описание жизни и деятельности Рамы, Кришны, Гермеса, Моисея, Орфея, Пифагора, Платона и Иисуса. Весьма интересной была копия с книги «Аполлоний Тианский и Иисус из Назарета» Эмиля Бока: «При сравнении евангельского повествования о жизни Иисуса с биографией его современника Аполлония, – писал Э. Бокк, – невольно поражаешься тому, как много между ними сходного. Событиями, аналогичными евангельским, полна вся жизнь Аполлония». Вот и записи «Фалеса Аргивянина» о временах Иисуса и о нем самом. Рядом фотокопия книги «Сад» о беседах в сновидческом состоянии ученицы со своим надземным Учителем. Она пишет в предисловии: «Здесь запечатлен Образ, запечатлено дыхание того Света Истины, которое излучает из себя ищущее сердце. Здесь дан опыт одной души, искавшей Света, жаждущей прозрения и благословения Учителя. Прикосновения Учителя – благодатны. Они даются всем. Но не все могут ощущать их».

Конечно, не перечислить всех «фотокниг». Я лишь хотел показать тебе, дорогой Друг, те из них, которые особенно интересовали меня тогда. Следующим шагом, приблизившим меня к Учению Живой Этики, явилась книга Клизовского «Основы миропонимания новой эпохи». И уже после нее в самом «Учении Живой Этики» я с упоением вдыхал аромат свежего ветра, изливающийся на меня с Горных Высот, и, очарованный им, вглядывался в запредельные дали Надземного Мира, которым были пронизаны страницы Учения.

Всерьез я принял и излагаемые Рерихами идеи о будущем Сибири, о духовной связи между Алтаем и Гималаями. Не забывал и о своей еще лагерной задумке найти связующую ниточку между математикой и библейским символизмом, постоянно помня мнение по этому поводу Эдуарда Шюре во введении к книге «Великие Посвященные»: «Самым большим злом нашего времени следует признать то, что Религия и Наука представляют из себя две враждебные силы, не соединенные между собой».

С точки зрения эзотерического символизма меня сильно заинтересовали тогда «Божественная комедия» Данте Алигьери и поэма Джона Мильтона «Потерянный и возвращенный Рай»:

Поведай нам, божественная Муза,
О первом послушанье человека
И дерева запретного плоде,
Смертельный вкус которого принес
На землю смерть и все страданья наши...

Первыми книгами для поиска моста между наукой и религией стали для меня в то время: «Первоначальные сведения по оккультизму» Папюса и «Курс энциклопедии оккультизма» Г.О. Мебеса (Г.О.М.). Особенно же мне хотелось ознакомиться с книгой Владимира Шмакова «Священная книга Тота. Великие Арканы Таро».

«Дорогой Геннадий Владимирович, – писал Павел Федорович в первых письмах ко мне, – конечно же, я с большим удовольствием побеседую с вами, и приезжать к нам вы можете независимо от возможностей Коли. В будние дни, вероятно, вам не выехать, но в будни спокойнее в том отношении, что приезжих не бывает... В начале июня у меня должен быть визитер из Москвы – врач-психиатр. Знакомство не очень близкое, поэтому разговора может и не получиться. Беседовать лучше в абсолютно своем окружении... Об Алтае следует хорошенько подумать. Связи у меня там есть. Шмакова и другие книги с удовольствием дам» (май 1976)

«Сердечно благодарю вас за теплые слова, очень ценю их. Искренняя устремленность, которая присуща вам, конечно, не могла не выявить во мне ответа и не сложить к вам особого отношения. Уверен, что все у вас должно сложиться хорошо... Через Алешу² послал вам «Сердце». Арканы мне потребуются не раньше мая» (январь 1977).

«Вы обязательно должны еще ознакомиться с книгой Зильберсдорфа, но она уже продолжительное время в Москве. Надеюсь к весне забрать ее. Там собран значительный материал по вашей теме, что облегчит вам ориентацию в поисках первоисточников... Конечно, мечту об Алтае не оставляйте, но и не спешите особенно. Не исключаю, что там на месте тоже кое-что образуется, может быть, следующие рериховские «Чтения» можно будет больше с Алтаем связать и даже провести где-то там» (февраль 1977).

Однако, при всем моем желании я не мог часто ездить к Павлу

Федоровичу в Козз-Ууэмыйза, поскольку до Балтийского вокзала добираться нужно было от нас минут 30–40, затем автобусом по Тартускому шоссе – часа полтора. В рабочий день не поедешь.

В субботу же и воскресенье – москвичи и ленинградцы, рижане и новосибирцы являлись в гости. К тому же переписка с такими неофитами как я и уровнем много выше немало отнимала времени у обязательного в этом отношении Павла Федоровича.

И, тем не менее, каждая наша встреча была моей особой радостью. С самого их начала я увидел, что, воистину, за все мои мытарства и скитания Судьба подарила мне Наставника и Учителя жизни на всех ее последующих зигзагах и поворотах.

Один такой зигзаг в качестве лирического отступления следует описать. Уже работая на заводе Пегельмана, я решил сделать себе вместо «фотокниги» хорошую копию с копии книги Клизовского «Основа миропонимания Новой Эпохи».

Неофициально я договорился о копии с работником заводской типографии, достал рулон бумаги, обязался оплатить работу.

Через несколько дней позвонили мне, что можно зайти и забрать рулон. Зашел, поблагодарил, взял в руки копию и оригинал. В этот момент в дверь вошли четверо сотрудников завода – представители руководства и спецотдела:

– Что вы здесь делаете? Кто разрешил? – подошли они ко мне.

Для бывшего политзаключенного, размножающего нелегально в заводской типографии запрещенную к распространению всякого рода оккультную литературу, – это готовая путевка снова в лагерь.

Но, видимо, есть кто-то Наверху, охраняющий нас.

Спокойно я начал «пересказывать» то, о чем говорилось в этой книге: о проблемах культурного строительства в нашей стране, о предназначении женщины в этом строительстве, о новых социальных отношениях между людьми.

Получилась добротная минут на 20 лекция, после которой, взяв свой рулон и книгу, я вышел из типографии. Никто не остановил. И все обошлось.

Но этот случай подтолкнул меня к исполнению обдуманного ранее решения о переезде в Новосибирск.

Ты выбор сделал правильный. Дорога
Намечена тобою. И начало
Пути освещено лампадой сердца.
Начертанное пусть осуществится –
И новое пусть деревом прорастет.

Сумей в любой работе сохранить
Мое звучанье.
Сумей в любых условиях идти
К Владыкам Мира.

Письмо Б. Дальние дали

10 августа 1999.

Вообще-то, мой дорогой Друг, может быть, сесть тебе рядом? Действительно, что за дела.

И поправить сможешь меня, если что не так, и чайку попить сходим на кухню, где, в основном, и обсуждают россияне не только личные вопросы, но производственные и государственные проблемы. Тут же я и представил себе, что ты сидишь справа от меня, не в кресле, конечно, а на простом деревянном стуле. Вспомним историю. Уж на что Петр был великий, а бывало сидел-то – на широкой доске обычной скамьи.

Всегда меня удивляет, какое большое значение придают люди предметам, на которых сидят – стульям, креслам, диванам. Что мы здесь наблюдаем? А то, что для маленького чиновника предназначен обычный стул, для большого – побольше форматом. Начальники же любят, чтобы спинка стула была на уровне головы или даже повыше. Видимо, ум, поднимаясь от сиденья по спинке стула, только оттуда и нисходит в головы особо именитых. Недаром же некоторые к таким стульям приделывают сверху еще кожаные набалдашники, чтобы ближе к голове было, чтобы наверняка уж дошли куда следует важные мысли, появляющиеся «в нижних полушариях мозга». У президентов же и вовсе последний крик – шикарные кресла наподобие автомобилей.

Наше это, местное, или европейское веяние? Но, насколько я помню, российский мужик со своей бабой всю свою историю просидел на простом табурете. Откуда же было нам ум взять, чтобы размахнуться, как они там у себя – в Зарубежье.

Дорогой Друг, в прошлом письме я писал тебе, что по Учению Живой Этики стать духовным центром будущей России предназначено и Сибири. И это тем более оправдано, что уже тогда там были ученые, писатели и творческая интеллигенция, которые легально и

полулегально, а то и вовсе тайно изучали научное и духовное наследие семьи Рерихов.

В этой связи, планируя свой отъезд из Эстонии, в октябре 1976 года, найдя по книгам обмена первый попавшийся телефон, я поменял, не глядя, свою прекрасную двухкомнатную квартиру с громадным коридором, встроенными шкафами и лоджией в цивилизованном Таллинне на давно не ремонтируемую традиционную «хрущевку» в Новосибирске, дав возможность выбраться из Сибири (вот ирония судьбы) бывшему работнику КГБ. И дом-то его оказался на проспекте Дзержинского.

Особенно же меня умилил оставленный хозяевами шкаф, который по телефону нас упростили купить, чтобы не везти им в Таллинн. Это был не просто шкаф, а громадный шкафище, собранный из цельных досок – сплошная нижняя часть с большими, почти вагонными, дверьми и съемная верхняя часть, образующая стеклянный буфет с двумя сделанными под радиус боковинами. И все это чудище, почерневшее от многократно примененного лака, было украшено резным орнаментом. Прорва белья умещалась на двух нижних полках шкафа. И немало моих книг поместилось – на его втором ярусе, вместо изысканных, как это обычно принято, чашек, блюдец либо целых сервизов, рюмок и рюмочек.

Сейчас, говорят знатоки, такие шкафы величайшая редкость – антиквариат, а не какое-то там хухры-мухры. До сих пор не забыть, как, уезжая через несколько лет из Сибири (не оставляя же такое чудо для мучений следующим квартирантам), мы затаскивали его в машину, везли в комиссионный, затем снимали с грузовика, заносили в магазин, собрав уйму зевак, – и все это за смешные деньги по сравнению с уплаченными.

Опять сон попался на оборотной стороне листа. Кстати, он и случился в период планируемых мною сборов в Новосибирск.

Была ночь и глухая тайга. Не различая дороги, я пробирался сквозь чащу леса. Гигантские сосны и ели, густой кустарник и дикий папоротник преграждали мне путь.

– Держись за меня, – сказал я идущей со мной женщине с младенцем на руках. – Осторожнее, здесь овраг.

Утомленные, чтобы восстановить силы, мы остановились на поляне, окруженной плотной стеной зарослей. Со всех сторон над нами нависали ветки деревьев, заслоняя небо и звезды. Но здесь не было так темно,

как в самом лесу, – пространство светилось. Развязав вещмешок, я достал хлеб, воду и соль, поделив все между нами троими.

Неожиданно от деревьев отделилась фигура, и перед нами предстал стройный высокий мужчина с красивым лицом и черными волосами, ниспадавшими до плеч. Тело его укрывал темно-синий плащ. На ногах была удобная обувь.

– Вы не знаете здешних мест, – обратился он ко мне. – Не знаете и местных обычаев. Я давно путешествую, и хочу предупредить вас, что ничего не следует говорить аборигенам явно, а только намеком. Слова многозначны – и чем больше места вы оставите им для фантазии, тем лучше будете поняты. Не спешите, чтобы вы ни делали. Спешка – признак незначительности. Одного этого достаточно, чтобы они перестали слушать вас. Не советую и фотографироваться вместе. С того момента, как аборигены увидят себя с вами на фотографии, они будут считать вас родственниками, а о чем новом может рассказать или чему научить родственник? Будьте внимательны к любому их слову и жесту – все имеет значение.

Незнакомец исчез так же внезапно, как появился. И густая тьма вновь нависла над нами. Инстинктивно я начал шарить руками вокруг себя, и что-то мягкое оказалось под ладонью. Раздался рык барса, лежащего возле моих ног. Два ярко-зеленых огня его глаз четко обозначились в темноте. Не испугавшись, я начал гладить ему морду, голову, спину. Барс потянулся и, положив свою мощную голову на лапы, уснул.

Когда стало светать, мы снова тронулись в путь. Грациозный и величественный светло-желтый зверь пошел рядом. Лес вдруг кончился прямо у высокой изгороди с распахнутыми воротами. Мы вошли в них и оказались внутри конусообразного зала, в котором одетые в серые одежды люди исполняли ритуальные танцы, напоминавшие древние танцы Непала и Бирмы.

Прыгая и вращаясь, танцующие приближались к нам.

В два прыжка барс оказался возле них – и люди отпрянули, уступая нам путь.

Женщина и мальчик, легко двигаясь впереди меня, направились к центру зала, от конусообразной вершины которого истекали вибрирующие звуки. словно волны мощного водопада, они омывали собой это величественное помещение и всех, кто в нем находился. Стояла странная тишина, которая в то же время была наполнена звучанием.

Неведомо сколько мы пробыли в этой звучащей тишине, когда из восточных ворот зал стали заполнять танцующие люди в желтых одеж-

дах и в шапках-треуголках. Они напоминали собой тибетских лам. В руках у каждого ламы были лук и стрела. Женщина пояснила мне, что это танец победы и возрождения.

Постепенно танец усиливался и спиральными вихрями начал разворачиваться по всему окружающему нас пространству. Мы стояли молча в центре движущейся и вибрирующей спирали. И мне казался понятным смысл каждой фигуры, отображаемой в танце, и каждого жеста самих танцующих.

Вместе с танцующими мы как бы поднимались к вершине конуса, завершающего зал... И широкое поле, до горизонта покрытое зеленью трав, вдруг распахнулось перед нами.

Все светится в Пространстве. Все звучит.
И Первообраз Света порождает
Символику Миров Неизреченных.
Лишь Голос в сердце вовремя укажет
Незримую тропинку среди мглы.

Переезжая в Новосибирск, я, как и планировал, все же успел к Рериховским чтениям 1976 года, посвященным 50-летию исследований Н.К. Рериха на Алтае. Просто проехать туда и обратно я бы не смог за неимением средств. Павел Федорович, который приехал из Эстонии на эти чтения, сразу и познакомил меня с основателями Рериховского движения в России.

Конечно, при стечении многих людей, у которых свои планы, проблемы и задачи, свои темы выступлений на такого рода, пусть и не очень многочисленных, форумах, мимолетные знакомства часто на следующий же день уплывают в дальние углы памяти и, в зависимости от обстоятельств, могут либо схорониться до времени, либо запрятаться там навсегда.

И вот сейчас, спустя двадцать с лишним лет, просматривая фотографии, относящиеся как к первым (1976), так и вторым (1979) Рериховским чтениям, прошедшим в Новосибирске, я вижу, что хорошо помню, например, Людмилу Васильевну Шапошникову – историка и этнографа, индолога, члена Союза писателей и члена Союза журналистов СССР, академика РАЕН.

На фотографии она среднего роста, светло улыбающаяся, в простой кофточке, отороченной белой каймой. На моей книжной полке есть красочно проиллюстрированная книга Людмилы Васильевны «От Алтая до Гималаев», которая и сегодня согревает мне сердце.

С другой стороны, просматривая книгу, с сожалением понима-

ешь, что мне уже не суждено пройти этим путем. Воистину, у каждого свой путь жизни и свои его результаты.

Павел Федорович на фотографии в сером, хорошо сидящем на нем пиджаке. Светлая рубашка в белую полоску, под нее хорошо подобранный такого же типа галстук. Из кармана виден уголочек платка. Волосы зачесаны назад. Доброе, улыбающееся лицо. У Павла Федоровича и у меня вместо рубашек свитера. Вероятно, это второй день первой конференции или вторая конференция.

На другой фотографии слева от Павла Федоровича – Марк Александрович Мокульский, директор института генетики. Он чем-то напоминает Павла Федоровича. Мы оживленно о чем-то беседуем

Еще фотография – в президиуме П.Ф. Беликов, рядом – тогда воюющие между собой по археологическим проблемам Сибири академики А.П. Окладников и В.Е. Ларичев. И общий снимок. На нем строгая и собранная Наталья Дмитриевна Спирина – родоначальница Рериховского движения. В свое время она встречалась с Николаем Константиновичем в Харбине, откуда позже переехала в Новосибирск, и считала себя ученицей Рериха.

Здесь и искусствовед Вера Яковлевна Кашкалда, Людмила Андросова – член президиума СОАН, ученая, альпинистка. Физик Евгений Маточкин и другие участники чтений.

С Павлом Федоровичем приехал на Чтения и Алексей Анненко, интересный и устремленный молодой человек, серьезно занимающийся изучением творческого наследия Рерихов. Выступал на конференции и сотрудник Новосибирского инженерно-строительного института В.М. Пивкин, с которым позже мне пришлось лично столкнуться довольно плотно.

Интересное это дело – экскурс в прошлое через созерцание пережитого на фотоснимках. Просмотришь так пачку фотографий – и целая страница воспоминаний нахлынет. Одно за другое цепляется в памяти, образ вызывает образ, событие тянет за собой другое событие – так, видимо, и пишут великие люди свои толстые мемуары.

Я же не сторонник мемуарных фолиантов с иллюстрациями через каждые десять страниц.

На мой взгляд, читателю все же удобнее создать свой образ о человеке, с жизнью которого он знакомится по его книге. Ритмика слов, конструкция предложений и их эмоциональный настрой, возникающие перед читателем образы, гораздо больше и достовернее дадут представление об авторе книги, чем форма его тела и тел его высокопоставленных друзей и еще более высокопоставленных про-

сто знакомых, изображенных на фотографиях, пусть даже и цветных, и качественно исполненных. Потому что такого рода фотографии, как правило, любительские.

Для того же, чтобы на ней отобразить духовный мир сидящего перед объективом, требуется большое мастерство фотографа, знание им тонкостей светотени, одухотворяющей изображение.

Мне представляется, что в этом смысле черно-белая фотография более духовна, чем ее цветной аналог. Радуга цвета – это уже нисхождение Духа с Высот, где властвует чистый Свет. И проявление еще только Тени в этом Свете способно с наибольшей полнотой раскрыть Духовную сущность изображаемого объекта, чем последующая его цветная проекция, где уже властвует бурлящий мир чувств. И Дух сфотографированного в цвете человека замолкает, замкнутый суетой чувственной Души воспринимающего зрителя.

С другой же стороны, какой-нибудь физический изъян на теле моментально снижает для нас и духовное достоинство представленного на фотографии человека. Вот какая-то родинка около носа и (ах, ах!) – какая смешная родинка, а значит вместе с ней – какой смешной этот весьма серьезный и умный по своей сути человек.

Когда же мы научимся не по тряпкам и регалиям, надетым на человека, судить и рядить о нем и вкривь и вкось, не по мясу, аккуратно или небрежно уложенному Господом на его костях, а по его сердцу доброму или злomu, по сознанию умному или глупому.

А если нет фотографий, то это уже и не мемуары вовсе, а черт знает что, скажет дотошный во всех отношениях читатель. Но Друг мой поправит, заметив, что Геннадий Владимирович и не собирается писать мемуары, не весть какого полета птица, а пишет он просто письма, в которых и солидной стройности-то нет, разве что для видимости сохраняется некоторая последовательность в изложении событий. Да и здесь – мысль бегаёт то туда, то обратно. А сейчас возьмет с бухты-барахты да стихотворение какое-нибудь вляпает. В общем, в голове ветер, в спине ломота.

Я же определил бы жанр своих писем не как мемуары (*memoires* – воспоминания), а как мимуары, от слова *mimos* – подражание, подражатель, мим. Этакое легкое кривлянье перед зеркалом своей Судьбы на потеху простым горожанам и деревенским бабам.

Потому что кто же из серьезной публики читает жизнеописания лиц, не поднявшихся по общественно значимой лестнице выше обыкновенного заключенного, выше простого священника или намолившего глаза безработного.

Да и времени на это нет у высокопоставленных субъектов Российской Федерации. У политиков – бесконечные словопрения, у военных – с Чечней бы им разобраться, у бизнесменов – звон монет краше всяких слов, у ученых – хотя бы успеть с одного симпозиума на другой, у священников же молитва превыше всего. Поэтому и пишу я письма своему Другу, у которого, в связи с его личными переживаниями, семейными проблемами и какой-то сегодня всеобщей неуютностью вокруг, все чаще и чаще возникает вопрос – когда-нибудь это изнуряющее безумие закончится для россиян или нет?

И чтобы немного отойти от саднящей душу обыденности, мой Друг, плюнув на телевизионную белиберду, подойдет к полке, да и возьмет в руки мою книгу, спросив себя – а что вот он делал, чтобы вырваться из этой духоты жизни?

Открыл – ба, да это же письма, письма Друга.

В жизни-то мы не книг же по почте ждем, а именно писем – от родных, близких, просто знакомых. И самое удивительное, откладываем все дела и быстренько, подоткнув фартук или отложив газету, находим на кухне либо в комнате укромный уголок и читаем, читаем письмо. Порою оно бывает совсем простенькое и неказистое, а такое дорогое. Говорят, что даже слеза иногда падает на фартук за чтением всего-навсего обыкновенного письма. И всегда чем-то родным, близким, я бы даже сказал – доверительным, веет от писем.

Конечно, рассказ, повесть там или роман – может захватить за живое, отнять у читателя три или четыре дня или даже четыре ночи, если уж слишком. Но, по большому-то счету, мы все же понимаем, что это всего лишь сочинение автора – его фантазия.

И в жизни совсем уж так не бывает.

А если примерно так и бывает, то растяните (как в жизни) эти четыре ночи на сорок лет – будет скучища неимоверная. Поэтому реальная жизнь все же предпочтительнее, особенно, если она не в форме привычных для нас мемуаров изложена, а в виде просто писем для кухни, в которых их автор сам же и иронизирует над сложившейся у него злодейкой Судьбой.

Думаю я, что мой далекий Друг не обидится, если и Ты, читатель, внимательно полистаешь мои письма к нему. Что скрывать-то – все мы обмазаны сегодня одним жирным дерьмом, все находимся в общей зловонной куче, благодаря нашим уважаемым политикам и экономистам, высшим, средним и низшим чиновникам, всякого рода новым и сверхновым бизнесменам и бизнесменчикам с их большими, средними и маленькими стульями и стульчиками.

Есть, конечно, и исключения среди них, но тьма тараканья этих уважаемых и именитых, как показывает житейская практика, не о государстве Российском и его подданных прежде всего радеет, а всеми имеющимися в их руках и должностях средствами устраивают они благополучие свое и ближайших родственников.

И эту тьму отдельные искорки света при всем желании своем и жертвенном подвиге не в состоянии пока ни осветить, ни, тем более, очистить. Да так, наверное, всегда было и будет на наших российских просторах, да и не только на них.

И вот казалось бы, что по приезде в Новосибирск сразу и образовалось у меня столько новых знакомых. С одними из них – обмен адресами и телефонами, с другими – договоренности о последующих встречах и общие планы сотрудничества. Однако Судьба как-то отнесла меня в сторону от этих замечательных людей.

Из бывших на конференции лишь с Павлом Федоровичем и несколько позже с Людмилой Андросовой мои отношения далее развивались и углублялись. Некоторое время было сотрудничество с Натальей Дмитриевной Спириной и Марком Александровичем Мокульским, с Женей Маточкиным и еще с двумя-тремя участниками конференции. И все. Получилось же так потому, что я приехал в Новосибирск, не ведая того, что центр духовной жизни здесь не в самом городе, а в Академгородке. И я оказался практически отрезанным от тех, к кому ехал. И все же в течение трех-четырёх лет моего пребывания в Сибири, между поисками работы и обустройством своего быта, у меня возникли действительно тесные контакты с «тайными» рериховцами, которые, присутствуя тогда на Рериховских чтениях, не выходили на трибуну, а сидели молча и больше слушали, чем говорили.

Это были те, кто уже в то время каждодневно работал с эзотерической стороной Живой Этики, внедрял в практику жизни ее основные положения и искал пути их последующего утверждения и распространения. К ним-то и относились экономист Игорь Алексеевич Калинин и археолог Петр Петрович Лабецкий. И особенно с Игорем Калининным судьба связала меня затем на долгие годы.

Был еще в Академгородке кандидат наук Алексей Николаевич Дмитриев, который меня особенно интересовал. В настоящее время он доктор геолого-минералогических наук, кандидат физико-математических наук, специалист по глобальной экологии и быстротекающим геофизическим явлениям. Именно он руководил той группой рериховцев, в которую входили Игорь Алексеевич и

Петр Петрович. Это сейчас книги «Учения Живой Этики» во многих домах стоят на полках рядом с «Библией», «Тайной Доктриной» и «Розой Мира», спокойно лежат на прилавках магазинов.

И все знают теперь Елену Рерих, давшую России и миру через гималайских Учителей Новое Провозвестие планете. Тогда же наследие Рерихов хранилось у их почитателей и последователей в потаенных местах своих квартир или у верных друзей, решившихся взять на себя заботу о сохранении доверенного.

В этот же период времени прозвучали в моем сознании первоначально не совсем понятные мне строки:

От Девы Мы указываем – жди
Посланника от Нас. Прими достойно
Его в своей обители земной.
Внимательнее всматривайся в лица,
Чтоб данное тебе не утерять.

Еще в Таллинне, продолжая поиски связей между математикой и символией каббалы, я, по обыкновению, в библиотеках города искал книги, в которых хоть как-то намечался бы такой математико-символьный синтез. В верхней (возвышенной) части Таллинна располагались в квартале друг от друга лютеранский Домский собор с чудесно звучащим органом и православный Александро-Невский собор, величественный как снаружи, так и внутри, с прекрасно оформленным и расписанным иконостасом. Через два года после лагерей, в одно из воскресений сентября 1976 года, в этом соборе я крестился, а через неделю здесь же окрестил уже восьмилетнюю Любашу и появившегося у нас с Галей четырехмесячного Святослава. Напротив Александро-Невского собора через небольшую площадь располагалось тогда здание Совета министров Эстонии – в настоящее время это здание занимает Эстонский парламент.

В этой же части города располагалась и Эстонская республиканская библиотека им. Ф.Р. Крейцвальда. Добрался я и до этой библиотеки. Разумеется, что в открытых фондах и в их каталогах ничего вразумительного для себя я не нашел, да и найти не мог, хотя это и была Эстония, а не Россия.

Но после довольно непростых поисков, я познакомился с филологом Ларисой Ильиничной Петиной – ученицей известного ученого, семиотика и литературоведа Юрия Михайловича Лотмана, в то время преподававшего в Тартуском университете.

В библиотеке Лариса работала в отделе редких книг. Благодар-

ности моей не было предела, когда она со свойственной ей пунктуальностью и ученым профессионализмом представила мне целый список книг, в которых могли рассматриваться и интересующие меня вопросы. Помимо знакомства с Николаем Речкиным это тоже был драгоценный подарок Судьбы. После двух-трех месяцев общения мы стали друзьями. Эта наша дружба, несмотря на частые и довольно продолжительные вакуумы с перепиской, оказалась очень устойчивой и мне полезной. Ларисе Ильиничне можно было бы посвятить такое, например, стихотворение:

Есть женщины, которые похожи
На море в день и тихий, и погожий,
Когда лишь волны шепчутся с камнями,
Лаская их прозрачными руками.
И оживает под шершавой кожей
Заблудшая и твердая душа.
И легче ей становится дышать,
Среди камней, с ее судьбою схожих.
Я знал такую женщину. Она
Была как та прозрачная волна.

Из предложенных Ларисой книг, многие из которых значительно расширили мое представление о древнем символизме и эзотерике, более-менее меня устраивали тогда «Наука чисел. Сочинение Карла Эккартсгаузена» (1815) и «Предсказательное Таро или ключ всякого рода карточных гаданий», книга, составленная доктором Папюсом (1912). Сейчас эту книгу можно купить в книжных палатках города, исполненную, правда, не на очень хорошей (газетной) бумаге. Арканы Таро привлекли меня тем, что сочетали в себе числовые закономерности с принципами философии.

Еще в зоне, откуда я и прибыл в Таллинн, я начал разрабатывать «космологическую логику» – некое, как мне казалось, связующее звено между реальным и ирреальным. И арканы давали мне традиционные предпосылки, берущие начало на страницах Ветхого и Нового Заветов, для нахождения общих точек соприкосновения между этими кажущимися противоположностями.

В этой связи заинтересовала меня тогда и книга П.Д. Успенского «Четвертое измерение» (1914).

«Если бы четвертое измерение существовало, – писал Успенский, – то это означало бы, что вот здесь же, рядом с нами, лежит какое-то другое пространство, которого мы не знаем, не видим и перейти в которое не можем, но из которого можно

нас знать, видеть и переходить в наше пространство... Если бы мы могли представить себе направление линии, идущей вон из нашего пространства, то мы увидели бы область четвертого измерения».

Для практической же работы с арканами и их символами я приобрел две колоды стандартных карт с одинаковыми рубашками. Затем стер с них все рисунки специальным растворителем. На прозрачную тонкую бумагу скопировал все 78 арканов из папюсовского альбома и аккуратно наклеил их на чистую поверхность купленных карт. Получились карты (арканы) несколько толще общепринятых, но это придавало им некоторую жесткость и даже, я бы сказал, торжественность. Применяя теорию на практике, я стал внимательно изучать числовую символику арканов, размышлять над ней, соединять арканы в группы по 2, 3 или 4 карты, пытаюсь при этом почувствовать их общее резонансное созвучие.

И немало мне пришлось провести таких опытов созерцания при свечах, прежде чем я стал воспринимать над лежащими передо мной арканами еле различимые внутренним взором движущиеся тени, какие-то образы и, лишь много позднее, возникающий при этом поток мыслей, как бы сопровождающий движение этих образов, последовательно перетекающих один в другой.

Потом я приучил себя созерцать разложенные передо мной арканы при электрическом освещении, затем – и перед пишущей машинкой. Не спеша, чтобы не утратить слабое «видение» и сопровождающую его мысль, я стал записывать таким образом «увиденное» и «услышанное».

Уже в Новосибирске я пробовал и «гадать» по арканам, используя для этого все те методы, которые сегодня стали открыто мелькать на экранах телевизоров под руками «прорицательниц» в разного рода «салонах» новых русских или в хорошо мистически обставленных будуарах со свечами, блестящими шарами и прочей оккультной атрибутикой. По работе с картами вышел уже целый ворох такого рода литературы: брошюра Ирены Барашевской «Что было, что будет» (1991), или книга Д. Сафроновой «Карманная энциклопедия гадания» (1993).

Сегодня стали особенно модными и 32 гадательные карты «Оракула (по Литиции)» с начертанными на них значениями в зависимости от встреч той или иной карты с другими картами. Употребляются такого же типа 56 так называемых «Державных игральных и гада-

тельных карт» С. Спирова (1997). Но те и другие были для меня мало привлекательны, так же как и все предлагаемые в такого рода литературе разложения арканов по типу «Гороскопа», «Астрологических таблиц Древнего Египта», разного рода «Разложений Эттейлы» или «Жемчужины Изиды».

У меня же был несколько иной интерес к арканам, чем просто «погадать», хотя я и «гадал» иногда сам себе. И очень редко – ближайшим друзьям, да и то по их настойчивым просьбам.

В этих случаях я садился с тем, кто просил «разложить арканы», за общий стол напротив друг друга. Зажигал, как это принято, свечу и воскуривал ладан. Клад колоду с арканами на середину стола, которые, после внутренней молитвы, я просил вопрошающего накрыть руками, не прикасаясь к ним. Свои же руки я держал поверх его рук. И около минуты мы сидели в молчаливом сосредоточении относительно друг друга.

Затем я брал арканы и, перемешав их, давал снять вопрошающему некоторую часть колоды, далее одну за другой сам снимал количество карт, исходя из ряда причин, подсказанных мне сознанием. Разложив арканы, я сразу не трактовал их, а отпускал вопрошающего домой.

Когда же все затихало в доме, когда жена и дети спали, я вновь зажигал свечу, и в одиночестве созерцал оставленные на столе карты-символы иногда два, три или четыре вечера. И если у меня что-то получалось, то на нескольких страницах я вручал своим друзьям такие вот, например, тексты:

Вечерний сумрак чарами окутан.
И пламя восковой свечи недвижно.
И Солнце и Луна остановили
Как будто бы движение свое.
И маятник часов не нарушал
Глубокой тишины своим движеньем.
Лишь слева поднимался красный Марс –
И как бы кровью заливались стены.
И справа от стола, на циферблате
Часов, пробивших шесть, весы дрожали.
И сквозь стекло часов лицо белело.
И по полу, шурша, ползла змея...
Какая-то печаль тебя настигнет,
Из прошлого берущая начало...
Я снова взор на пламя обратил,
Что беспокойно над столом моим

Сворачивалось в длинные спирали.
И в зеркалах видения возникли
Твоих минувших дней. Ты шла босая
И пригибала нежную траву...

И так далее. Еще через некоторое время я стал замечать, что во время прохождения каких-то важных для меня встреч или расставаний, в моменты жизни, которые требовали принятия ответственных решений, уже без арканов – во мне возникало ритмическое движение слов, существующее поверх обычных мыслей, которые у каждого человека образуют непрерывный поток его сознания.

Вот попробуй, мой Друг, послушать самого себя – в голове все время текут и текут разного рода и разного уровня мысли. Особенно же «верхний» уровень сознания или мышления, можно назвать и так, усилился во мне после внимательного изучения книги Владимира Шмакова «Великие Арканы Таро», которая оказалась по философскому звучанию на голову выше других книг по арканологии.

Все более и более внимательно я прислушивался к ритмичному потоку сознания, возникающему во мне, и, если запоминал что-либо, то тут же записывал. Некоторые из таких «скрижалей», как я их назвал, написанные белым стихом, уже были приведены выше.

Как правило, их надо и отнестись к тем событиям, изложенным в «Письмах странника», около которых эти «скрижали» помещены.

Особенно же ясно такие «скрижали» стали сопровождать теперь мои «странные» сны, наполненные событиями и символами.

Эти сны начались еще в мордовских лагерях, как результат медитативных занятий раджа-йогой, и обычно предвещали наступление значительных событий или перемен в моей жизни. Их можно было бы назвать «пророческими» снами, но не в планетарном, разумеется, масштабе, а в личном. Этакое маленькое «откровение» для собственного употребления.

По приезду в Новосибирск (осень 1976) я устроился инженером в Электротехнический институт. Наш отдел занимался системами связи между самолетами и землей. Это разработка специализированных вычислительных машин по приему, кодированию и декодированию передаваемой информации.

В основном, конечно, шла работа с иностранной литературой по этим проблемам с применением найденного к местным условиям. Мне были интересны логические связки между блоками таких систем. Занимаясь арканологией, я и булевы функции, лежащие в основании вычислительной техники, отобразил в виде чисел и их ло-

гических отношений, суть которых заключалась в том, что числа 1, 2, 4, 8, 16... рассматривались как основные (самостоятельные, независимые) логические функции, а остальные числа являлись их сочетаниями (соединениями). В этой математике понятий, а не предметов, существуют, например, такие «равенства»:

$$12+4 = 4+8+4 = 4+8 = 12, \text{ вместо числа } 16$$

$$12+7 = 4+8+1+2+4 = 1+2+4+8 = 15, \text{ вместо } 19$$

$$12 \cdot 4 = (4+8) \cdot 4 = 4 \cdot 4 + 8 \cdot 4 = 4+0 = 4, \text{ вместо } 48$$

$$3 \cdot 10 = (1+2) \cdot (2+8) = 1 \cdot 2 + 2 \cdot 2 + 1 \cdot 8 + 2 \cdot 8 = 0+2+0+0 = 2$$

Подобные соотношения между числами имеют место в силу следующих формально-логических аксиом:

$$(A \text{ или } A) = A, \text{ иначе: } A+A=A$$

$$(A \text{ и } A) = A, (A \text{ и } B) = 0, \text{ иначе: } A \cdot A = A, A \cdot B = 0$$

Такая «математика» очень удобна для «минимизации логических функций при помощи разработанных мною «логических рядов».

Кроме того, таким образом упрощаются и часто занудные доказательные процедуры. Конечно, это очень своеобразная и весьма занимательная семиуровневая логически-числовая структура, когда следующие числовые ряды вырастают на плечах предыдущих, подобно тому как, например, растения вырастают из минералов, животные – из растений, люди – из животных³.

Во всяком случае, если бы нашлись компьютерщики, согласившиеся довести эту логику «до ума», могла бы возникнуть на ее основе совершенно своеобразная вычислительно-логическая техника.

Независимо от такой «математики» и арканологии, своим чередом шло и изучение Живой Этики. С сотрудниками отдела и со студентами института понемногу стали возникать у меня беседы, обмен мнениями и дискуссии по книгам «Учения Живой Этики», копии которых к этому времени уже были в моей домашней библиотеке. Часто такие беседы с глазу на глаз велись просто в коридорах здания, шагая от одного его конца до другого и обратно.

Из новых знакомых я особенно сблизился здесь с Александром Константиновичем Зиминим – математиком и программистом, не принимающим просто на веру сказанное ему, но чутко реагирующее на то, что приняло его сердце и сознание.

Конечно же, со своими знакомыми я щедро делился имеющимися у меня материалами о жизни и деятельности всех членов семьи Рерихов, тем более что при моем отъезде в Новосибирск Павел Федорович не отпустил меня с пустыми руками, а дал, в частности,

подборку хороших цветных слайдов с картин Николая Рериха и его сына Святослава – микрокопии фотоархива В. Шибаева, секретаря Николая Рериха в период его жизни в долине Кулу (Индия). Были копии и с неопубликованных в то время в России «Писем Елены Рерих», статей и очерков Николая Рериха и многое другое. Помогали нужными материалами и мои новые друзья – Игорь Калинин и Петр Лабецкий. Впечатлениями от Новосибирска, успехами и неудачами в новой для меня обстановке я делился со своим Учителем в Эстонии. Но особенно меня радовали ответы Павла Федоровича на мои письма.

«Может быть, в мае в Новосибирск заедет один мой знакомый, – сообщал он мне вскоре после первых Рериховских чтений. – Знаю я его не особенно близко – он один раз приезжал ко мне и время от времени пишет. Человек он, безусловно, ищущий, но несколько недостаточен в интеллектуальном восприятии. Собирает все книги, которые только можно достать, но осваивает маловато. Переснял у меня «Чашу Востока», но когда начал читать, то до конца не дошел – сжег. Решил, что эта книга «соблазн от нечистого». Впрочем, всему свое время – «твердая пицца» не всем сразу по зубам, но на всякий случай предупреждаю вас, если он к вам обратится. В Сибирь он едет первый раз и, возможно, с ним нужно будет просто побеседовать, подержать человека в его исканиях...

Громадное вам спасибо за книгу Вернадского. Не думаю, что он знал Живую Этику, но с Учениями Востока, безусловно, соприкасался. Я давно мечтаю серьезно Вернадским заняться...

Всегда с радостью помогу в собирании нужных вам материалов... Посылаю вам бандеролью книгу Зильберсдорфа «В поисках правды». Думаю, что в книге Вы сможете найти некоторый систематизированный материал, который облегчит вам более глубокие поиски в первоисточниках...

Недавно получил письмо от С.Н⁴. У него очень много работы, поэтому в ближайшем будущем он вряд ли сможет нас посетить. С новым премьером у него прекрасные отношения, так что перемены непосредственно их не затронут» (май 1977).

С 16 по 21 июля 1977 года «дикарем», с небольшим вещмешком за плечами, я совершил намеченное еще в Таллинне паломничест-

во по святым для меня рериховским местам от Новосибирска через Барнаул и Горно-Алтайск до Тунгура. Сейчас, порывшись в архивах, я нашел слайды о своих поездках по Алтаю.

Трудно выразить красоту Алтая словом. Надо смотреть. И поплыли воспоминания – ностальгия. Это от того, видимо, что слишком засиделись мы в городах, а чуть выползешь, как таракан, из своей кирпичной или бетонной щели за раковиной на подоконник, так и – Боже ты мой!

Волны гор вдоль дороги. Туч касаются сосны.
Рюкзаки за плечами тяжелы и несносны.
Дней двенадцать в пути – но еще нам идти.
Проводник узкоглазый знает дело толково.
Мы шагаем за ним вдоль пологого склона –
На крутых виражах рюкзаки словно гири.
Наконец – и привал. Здесь – часа на четыре.
И Катунь там – внизу, словно нити ладоней.
И в шагах десяти из алтайских предгорий
Незнакомая Дева у палатки распятай.
Среди нас пропотевших, усталых, помятых
Лишь она пахла небом и сладкою мятой.
Ее пальцы держали картофельный клубень –
Так, наверно, шаман держит звонкий свой бубен.
Мы внимали глазами, мы внимали губами
Как она наливала жаркий чай из бадана.
Это хрупкое чудо на вершинах – Откуда?

Господи, поездил я и по Европе нашей и по Азии – довелось мне как-то перегонять две спецмашины из Москвы в Новосибирск.

Да, российские просторы не сравнить ни с какими зарубежными «интересными местами». В пермском лагере что успокаивало – за колючей проволокой лес, зеленой волной уносящийся в голубую даль зауральских гор.

Посмотришь на эту красоту – и отойдет на время от сердца тоска и боль за разломанную жизнь.

И вроде бы не так становится страшна и клетка, в которую посадили тебя, отгородив от мира колючей проволокой.

Мир-то, оказывается, вот он, здесь – в сердце моем.

И пока бьется сердце – живет в человеке надежда, а вместе с ней и он сам живет рядом с небом, облаками и умудренным временем лесом. А весь Урал – сокровищница уникальных пейзажей, душевного трепета и духовного восторга. Величественные панорамы долин и поднимающихся над тучами горных вершин.

Или на Алтае – не хватит холста и красок, привезенных с собой, чтобы запечатлеть таинственность и внутреннюю сосредоточенность Ябаганского, Кырлыкского или Аккобинского перевалов. Не говорю уже о неопишуемых очертаниях и изгибах сливающихся в экстазе горных рек.

Какая радуга во все небо встретила меня у села Абай – словно вселенская лютия играла, завораживая красками и звоном заснеженные вершины. Неопишуемо и разноцветие ковра Уймонской долины. Не забыть и ущелье Курагана, и Кочурлинский белок в районе Тюнгюра. Здесь особенно красива Катунь. Отсюда и рукой подать до двуглавой Белухи. Один только Чуйский тракт на обычном рейсовом автобусе по богатству и колориту ощущений перевесит все Турции и Канары, одной веревкой перевязанные.

Удивляюсь я, в связи с этим, на наших новых русских. Едут за границу, платят деньги, а смотришь снятые ими «видюшники», и что? Радуются они там, у иностранцев, и плещутся в искусственно созданных для взрослых купальнях с детскими «прибабасами».

По желобу съедут на пузе в корыто, да нырнут с круглого пяточка туда же – и все удовольствие. Здесь их в автобус, там за ручку, тут в припрыжку, дальше – в присядку. Хлоп-топ – куча денег. И – пошли вон. Гони следующих.

Оказавшись отрезанным от Академгородка, помимо бесед с молодежью в институте на оккультные и эзотерические темы, я начал налаживать контакты с интересными людьми в Новосибирске. Самостоятельно подготовив на «дозволенном» уровне цикл лекций, сопровождающийся показом слайдов о жизни и творчестве Николая Рериха и его семьи, я выступил с этим циклом в «Обществе знаний». Получив затем удостоверение нештатного лектора этого общества, по вечерам, а иногда и в дневное время, стал ездить по учреждениям Новосибирска. Оказалось, что эта тема имела спрос и заявок на цикл лекций было более, чем я ожидал.

Постепенно вокруг меня образовалась группа людей, проявивших интерес к более полному знакомству не только с жизнью и творчеством Рерихов, но и с книгами «Учения Живой Этики».

В связи с этим я стал подумывать о создании, по аналогии с Академгородком, секции «Индийский путь» при Доме ученых Новосибирска, планируя привлечь к этой работе своих знакомых. При организации такой секции я и мои новые единомышленники прекрасно понимали, что пропагандируя Живую Этику, мы, тем самым, пропагандируем новый Российский, а не Индийский путь, памятуя сказан-

ное в Учении: «В Новую Россию Моя первая весть». Но в то время так прямо ставить эту проблему было еще нельзя.

«Ваша инициатива с секцией в Доме ученых может дать хорошие результаты, – писал Павел Федорович, – но, как показывает опыт, лучше начинать не с официальных предложений и организационного оформления, а с подготовки людей.

Если образуется круг достаточно глубоко заинтересованных и дееспособных людей и внутренне все созреет, то и структурная часть секции образуется... Как и во всем – главное люди, и очень важен подход молодых» (июль 1977).

В самом же Академгородке я налаживал личное сотрудничество с лидерами уже в то время конкурирующих и конфликтующих между собой рериховских групп – с Натальей Дмитриевной Спириной и Алексеем Николаевичем Дмитриевым. Я упоминал уже, что еще на Рериховских чтениях Павел Федорович представил меня Наталье Дмитриевне. Она стояла у истоков Рериховского движения в России, вела широкую и многоплановую общественную работу в этом направлении, была членом совета Музыкального салона и картинной галереи при Доме ученых Академгородка. Несколько позднее в статье «Когда звучат краски», опубликованной в газете «Вечерний Новосибирск», я писал о ней и ее учениках:

«В тот вечер малый зал Дома ученых Академгородка не вместил всех желающих. Стояли вдоль стен, теснились в проходе и у дверей... Отзвучала сюита Дмитрия Шостаковича на стихи Микеланджело. И в тишине зала мягко, но мощно вспыхнули стихи Вознесенского. А на экране, как бы вырастая одно из другого, сменялись изображения фресок Сикстинской капеллы...

Пластика художественных форм дополнялась героическими ритмами Пятой симфонии Бетховена. Единство музыки и поэзии, образа и ритмики, словно волшебный кристалл, завораживал зрителей необычностью этого симфонического синтеза: Шостакович – Микеланджело – Вознесенский... Нравственное совершенствование человека, его устремленность к прекрасному – основная нота в творчестве Натальи Дмитриевны Спириной... И эта нота, по ее словам, полнее всего звучит в гармоническом сочетании звука, цвета и стихотворного ритма... «Известно выражение «краски звучат», – говорила Наталья Дмит-

риевна. – И оно не случайно. Синтез искусств, как и синтез наук – это веяние нашего времени. Один род искусства как бы находит свое продолжение, свое развитие в другом...».

С благодарностью принял я от Натальи Дмитриевны машинописный сборник ее стихов под названием «Капли» – капли ее души, пронизанные светом и устремлением к горным высотам духа. Несколько раз я бывал у нее в гостях в небольшой, но уютной квартире. Тщательно и последовательно она отслеживала и собирала все публикации, которые появлялись в нашей стране или за рубежом о деятельности Рерихов или в связи с ними.

После чашечки хорошо заваренного индийского чая с песочным печеньем, за овальным столом под абажуром я с удовольствием разглядывал имеющиеся в ее архиве аккуратно подклеенные статьи из журналов и газет о жизни Рерихов, и особенно – присланные Зинаидой Григорьевной Фосдик⁵ альбомы с прекрасными репродукциями и слайдами с картин Рерихов. Особенно созвучными моей душе были картины Святослава Рериха: «Добрый самарянин», «Я иду одиноко», «Отшельник», «Вечный зов», «Слова Учителя», «Воззри человечество», «Пиета» и «Возлюби ближнего».

Вообще, вся комната Натальи Дмитриевны была пронизана ароматами Индии и Гималаев.

Но после нескольких наших встреч, к моему глубокому огорчению, она дала мне понять, что не может принимать в своем доме человека, который поддерживает отношения с неуважаемым ею господином Дмитриевым. Наталье Дмитриевне не нравилось, что помимо Живой Этики соратники Дмитриева серьезно изучали труды Георгия Гурджиева и с увлечением занимались тантризмом.

В группу Алексея Дмитриева входили хорошо знающие свое дело люди. Были среди них педагог-математик, интересующийся философией, микробиолог-генетик, геолог-кристаллограф, ядерный физик-теоретик, закончивший консерваторию и интересующийся филологией и лингвистикой, электронщик, экономист и археолог.

Алексей Николаевич познакомил меня с интересной семьей Ключниковых, проживающих в Новосибирске, глава которой, Юрий Михайлович⁶, был журналистом и поэтом, супруга – художником, а сын, Сергей Юрьевич, рассматривал материалы Живой Этики с точки зрения психологии, которой он серьезно увлекался.

С легкой руки Натальи Дмитриевны я познакомился с прекрасным и интересным человеком – руководителем камерного хора Ни-

колаем Качановым. Вскоре его гостеприимная квартира на какое-то время стала местом моих встреч с творческой молодежью, ищущей духовного обновления – композиторами, поэтами, певцами и музыкантами. Конечно же, некоторые из них после нескольких задушевных бесед дальше шли своим путем, но были и те, с которыми мои отношения продолжались и укреплялись, переходя затем во взаимное сотрудничество. Так в мою жизнь надолго вошли солисты Новосибирского камерного хора Наталья Анатольевна Егорова, Лилия Леонидовна Королева и Игорь Петрович Гельман, а также начинающий композитор, студент консерватории Борис Лисицын.

По вашим устремлениям отмерим
Квадрант пространства ваших дел и мыслей.
Так, устремленье – главный скипетр ваш,
Исходный пункт, начало результата.
В нем выход к ритмам времени иного –
Иных созвездий и миров иных.

«Конечно, в Академгородке образовались свои методы работы, – писал Павел Федорович, – сформировалась своя группа довольно разнородных людей, еще недостаточно тесно спаянных между собой. Им нужно еще решить немало своих внутренних проблем сотрудничества. Если в Новосибирске, при том же Доме ученых или иным образом, сформируется группа серьезных исследователей, доказавших готовность работать над тематикой Рерихов, то и контакты с Академгородком наладятся легко. Вы правы в том, что новые знакомства должны налаживаться естественно, обычно карма подготавливает их, так что с этим торопиться не следует...

Не сетуйте на меня, дорогой Геннадий Владимирович, за перерывы в переписке. Подчас меня очень «заедает» со временем, сейчас даже вынужден был отложить в сторону «Духовную биографию», хотя и считаю, что это для меня главная работа. Было бы хорошо и вам заняться этим, в дальнейшем можно бы было проделанную работу объединить» (август 1977).

Наполненный впечатлениями от путешествия по Алтаю, пораженный его красотами, с одной стороны, и нищенским существованием алтайцев, с другой, я изложил эти впечатления более-менее упорядоченно на бумаге в виде небольшого рассказа, которому дал

самое простенькое и незатейливое название – «Алтайские зарисовки», не придавая им особого значения, но, тем не менее, желая услышать мнение о них от дорогого мне человека.

Оставшись без матери и отца, которые умерли в период моего пребывания в зоне, я воспринимал теперь Павла Федоровича не только как своего наставника, но и как самого близкого и родного мне человека. И попутный ветер, дующий с духовных высот Козэ-Уузмыйза, для меня был в то время очень и очень кстати.

«Сердечное вам спасибо за слайды и за письмо, – писал Павел Федорович. – Ваше описание путешествия по Алтаю – готовый очерк. Читали его с Галиной Васильевной с истинным удовольствием. Образно, красочно и информативно. По существу никакой редакторской правки не требует, но, по существу же, вряд ли кто из редакторов без правки пропустит. Контрасты испугают своей реалистичностью...

Я почти месяц был в Ленинграде и в Москве. Закончил проверку верстки сборника «Н.Рерих. Жизнь и творчество»...

Как и всегда, у С.Н. очень много работы. Много и разных трудностей... » (сентябрь 1977).

В октябре 1977 года я перешел работать в Региональный научно-исследовательский гидрометинститут в отдел вычислительного центра. Здесь я познакомился с Олегом Ивановичем Лысковым, который затем также стал последователем Учения Живой Этики.

В это же время, поощренный Павлом Федоровичем, я стал наращивать свой литературный опыт на маленьких рассказах, фельетонах и стихах, которые, конечно же, предназначались, в основном, сотрудникам отделов, собравшимся в обеденный перерыв у того или иного «круглого» пульта с несколькими стульями.

Я люблю тебя жизнь, – выводили аккорды баяна.
И в избе у стола треск лучинушки вторил ему...
Баянист, баянист, поиграй нам немного пиано
Про рябину с Урала, да прошлую нашу войну.
Поиграй, баянист, про тропинку в бору отсырелом,
По которой мы шли в свой последний решительный бой.
Пел баян – и летел каждый палец вдоль клавиш умело,
Словно тройка неслась по военному тракту домой.
И дорожная пыль оседала на наши ресницы.
Эх, баян, веселей свою звучную песню играй.
Мы на резвых конях далеко унеслись от столицы,

Чтобы сеять хлеба, возрождая разрушенный край.
Где лежала тайга, где не слышалось шума людского,
Мы с тобой, баянист, из бетона пекли города.
Твоя песня была нам поэмой грядущего дома.
Твоя песня жила, как и родина наша жила.
Я люблю тебя жизнь, – выводили аккорды упрямо.
И им вторила песнь, в молодых отзываясь сердцах.
Баянист, баянист, поиграй же немного пиано,
Чтобы им не забыть, что вершилось на наших глазах.

Стала появляться и лирика.

Закатилось лето за дома.
В красную рябину завернулось.
А твоя таинственная юность
Словно среди ночи синева.
И твоя рука в моей руке.
И глаза в глаза через объятия.
И твое сиреневое платье
Как закат вечерний на реке.
Аромат духов твоих пьянит,
Ворожит, как фея в преисподней.
В этот час не ранний и не поздний
За окном лишь дождик моросит.
Шепот листьев влажных сквозь стекло.
Вечной тайны тяжкое похмелье.
Поцелуи... Вера и сомненья...
И объятий жарких серебро...
Где ж мы были в призрачной тиши –
В наважденьях этих пережитых?
Много дней испуганно забытых
Все же позабыть ты не спеши.

«С громадным удовольствием прочитал письмо от вас и фельетон, – писал Павел Федорович. – Владение пером – большое дело. Прекрасно, что у вас в этом отношении открылась возможность совершенствования. За нею обязательно появится возможность и реализации накопленного, т.е. откроется путь к публикациям. Это очень может пригодиться в будущем...»

Любопытен приведенный вами в очерке разговор с молодым художником на выставке. Интересен и обмен мнениями с Алексеем относительно двух изданий «Общины».

Для уточнения скажу, что оба варианта составлены самой Еленой Ивановной, также и разбивка на параграфы. Изъятия и

добавления текста были сделаны только Ею. Сами по себе эти Книги выражают одну и ту же Истину, но рассчитанную на разное восприятие разными людьми...» (декабрь 1977).

Свои успехи и неудачи в пропаганде творческого наследия Рерихов среди вновь подходящих я мысленно соизмерял с тем, как бы в таких случаях поступил на моем месте Павел Федорович.

«Пишу вам в знаменательный День Учителя (24 марта) и шлю свои лучшие мысли, – отвечал Павел Федорович на очередное мое письмо. – Мало знать и понимать Учение, к тому же степень знания и понимания всегда относительна, и здесь нет предела. Важно познанное применить в жизнь, претворить в себе⁷. И вот на этом пути претворения вполне закономерно выявляются наши несовершенства, с которыми требуется бороться. Их нужно осознать и победить...»

С.Н. сейчас в Софии с большой выставкой картин своих и Н.К. Жду от него сообщения о дате прибытия в Москву и готовлюсь сейчас к встрече, на которой много вопросов нужно решить. Если на какое-то время с ответами буду задерживаться, значит – в поездках» (март 1978).

Постепенно мои литературные опыты стали давать пусть маленькие, но результаты. Мне были вручены почетные грамоты за первое место в выставке смотра-конкурса «Народные таланты» за серию фотографий и цикл стихов «Беспредельность». Новосибирский областной оргкомитет наградил дипломом первой степени за авторское чтение и дипломом второй степени как фотолюбителя за творческие успехи и пропаганду народного творчества.

И наконец, в газете «Советская Сибирь» появилась моя небольшая заметка «Картины художников Рерихов в Болгарии».

«Прежде всего, я хочу выразить радость по поводу того, что у вас ширятся контакты, – писал Павел Федорович, – и таким образом возделывается почва для будущей деятельности...»

На годы не сетуйте. Процесс накопления и поиска у меня лично проходил, например, еще дольше. Отбросьте все сомнения о каких-то своих «неудачливостях».

Все на пользу и все придет в положенный час...

Побеседуйте с Ибрагимовым⁸ на алтайские темы. Он живет не

в Новосибирске, но проездом обещал зайти к вам» (май 1978).

Благодаря Павлу Федоровичу, в мою жизнь надолго вошли два самобытных и интересных человека – кемеровский поэт Александр Ибрагимов и его жена художница Анна. И за несколько же лет мне удалось сформировать в Новосибирске пусть небольшой, но все же некий круг духовно ищущих молодых людей, каждый из которых имел свой голос, вел свою партию в том оркестре, который называется устремлением Духа.

Ручаемся за пламенное сердце,
Сознательно слагающее Путь.
Пылающее сердце, как орган,
Мельчайшие оттенки отражает
Космических созвучий.

Павел Федорович, чутко улавливая внутренний ритм моей духовной жизни, всячески ободрял меня, давал рекомендации по тем или иным направлениям моей совместной работы с духовно ищущими людьми. Находясь на расстоянии в три тысячи километров друг от друга, я, тем не менее, ощущал его совсем рядом.

«Я провел три недели в Москве, из них две вместе со С.Н., – писал Павел Федорович. – Все это было очень замечательно, но достаточно трудно. Много всего скопилось.

С.Н. конкретно поставил вопрос о возобновлении работы в «Урусвати». Чтобы вы были в курсе дела, посылаю вам коротко изложенную им позицию. Болгары ее полностью принимают, будем надеяться, что и мы не отстанем...

Получил вашу публикацию от Спириной. Это замечательно, что вы начинаете публиковаться. Больше пробуйте писать. Очень вам рекомендую заняться близкой к вашей работе деятельностью – охраной природы...

Ваша тема «Живая Этика и Христианство» – тема большая, которая будет решаться десятилетиями, а может быть, и столетиями. Быстрого выхода в печать с нею не предвидится. А вам нужно завоевывать реальные позиции...» (июнь 1978).

«Вносить принципы Живой Этики необходимо в любой области, в любой каждодневной работе, во всех без исключения научных дисциплинах, – отзывался на мои вопросы Павел Федорович, – поэтому очень нужны контакты с их представителями, осо-

бенно с молодежью. К сожалению, в Академгородке, как, впрочем, и везде, нет единства, разбились люди на группировки, некоторые из них, похоже, немало вреда приносят, но попадают и хорошие люди, думаю, что Петр Петрович Лабецкий. Он был в Москве и привез подарок от Окладникова для С.Н. Как мне показалось, короткая встреча со С.Н. произвела на П.П. сильное впечатление. Так что там, где можно, поддерживайте и налаживайте хорошие контакты. Действуйте везде по принципу «более длинной линии», т.е. старайтесь больше дать, больше заинтересовать и меньше идти на столкновения, которые, как правило, позитивных результатов не имеют.

Нужно действовать методом радости свободного познания, радостным восприятием всей жизни, полным признанием индивидуального подхода к духовному раскрытию Бытия, частью которого мы являемся. Между дисциплиной духа и палочной дисциплиной казармы – непроходимая пропасть...

Оберегайте в чистоте область своего духовного продвижения. Допускать каждого к своему «святая святых», конечно, не следует, но сотрудничать на широких дорогах жизни приходится также широко» (август 1978).

Наряду с Учением Живой Этики, мне, действительно, не давала покоя тема «Живая Этика и Христианство», о которой я советовался с Павлом Федоровичем. Именно ради завершения ряда основных тем, волновавших меня в то время, я и начал свою «писательскую» деятельность. И газетные публикации были всего лишь пробными страницами для будущей книги по проблемам арканологии, которая постепенно зрела во мне.

Кроме того, не покидала и задумка написать повесть о лагерях, поскольку (опять же волей Судьбы) весь мой лагерный архив оказался у меня дома – в Таллинне. Получилось так, что через три месяца после перевода заключенных из Мордовских лагерей в Пермские лагеря, меня, Владлена Павленкова и еще двоих эзков отправили в Пермскую тюрьму.

Ожидалась амнистия в стране, и нас четверых, чтобы мы по этому поводу в лагере «не мутили воду», органы КГБ решили убрать на время из этого «злачного места». Но пока нас не было в Мордовской зоне, туда прибыли поездом мои чемоданы, поскольку меня и Владлена⁹ везли в Пермскую зону не вместе со всеми заключенными

ми и их багажом – в «столыпине», а несколько позже – без багажа, в наручниках и самолетом.

Теперь же, получив мой багаж, лагерное начальство, не зная точно куда и зачем повезли нас четверых, прямо с вокзала отправило эти чемоданы с вещами в Эстонию – на адрес жены, без всяких разъяснений ей по этому поводу. Освободившись из заключения, я сразу же обработал так чудесно попавшие в мои руки свои же тюремные и лагерные записи. И через год предварительная версия книги под рабочим названием «Зона» была готова. Но от этой заготовки до нормальной повести надо было еще пройти расстояние немалое. К тому же, в то время дальше архивов КГБ книга, если бы она была написана, вряд ли дошла бы.

Походы по рериховским местам Алтая, строительство музея Рериха в алтайском селе Верхний Уймон, начатое группой Алексея Дмитриева, лекции по каналам Общества знания, всякого рода переписка с единомышленниками – все это также настоятельно требовало четкости слова и отточенности пера. Учítывая все это, я и стал нештатным корреспондентом газет «Советская Сибирь» и «Вечерний Новосибирск». Вскоре у меня возникла идея о публикации серии очерков об Алтае и Рерихах, которую редакции газет одобрили, подкрепив свое одобрение соответствующими командировками.

И летом 1978 года я вновь посетил теперь уже знакомые для меня алтайские предгорья. Осенью появилась в газете и первая статья этой серии под названием «Свет рериховских гор».

«Утром с группой туристов мы выехали на Усть-Коксу, – делился я с читателем своими впечатлениями от поездки по Алтаю. – Осилив Ябаганский перевал, остановились в Усть-Кане... «На горных кряжах лежат красные комиссары, – записывал здесь Николай Константинович в своем дневнике. – Много могил по дорогам, и около них растет густая трава». На вершине Кырлыкского перевала традиционная остановка – у горного источника. Вода в нем иссинепрозрачная, ароматная, ледяная... Плотной стеной висят горы. «В скалах, стоящих над Карлыком, чернеют входы пещер» (Н. Рерих). Пещеры видны из окон автобуса. Ребята-спелеологи сверяют их по своим картам, намечают маршруты. Когда-то алтайцы прятались в этих гротах от набегов иноплеменников. Перемахнули Синий Яр и Громатуху... И лишь только солнце выкатилось из-за гор, мы уже

вышли к берегу Коксы. Воздух дрожал в первых лучах света. И «неслыханная прозрачность тонов» (Н. Рерих) делала мир призрачным и чудесным...

Из-за поворота дороги как-то вдруг распахнулась навстречу долина Уймона, засверкали снега Курагана. Где-то здесь по межгорным котловинам и плоскогорьям Уймонской и Катандинской степей проходили пути от России до Инда, здесь встречались дороги великих кочевий... На берегу Чарыша палаточный город. Из Новосибирска и Иркутска, с запада и востока страны идут туристы на Алтай и с Алтая, «пересекаясь» здесь на ночлеге. Допоздна беседы у костра... И зримо представляется теперь нам путь Николая Рериха в страну гор, в страну солнца» (сентябрь 1978).

Откройте двери в изумруд лесов.
И окна в небо синее откройте.
Звенит струна в сиянье золотом,
Пронизывая Бездны Мировые
Стрелой Времен.

«Вышел сборник «Н.Рерих. Жизнь и творчество», – уведомляя меня Павел Федорович. – Достать его чрезвычайно трудно. Сможете ли в Новосибирске для себя раздобыть? Я сейчас боюсь обещать. Как редактор и участник, я получу только авторский экземпляр, а что удастся получить и удастся ли вообще сверх этого – пока не знаю...

Вопрос «Кто был Иисусом Христом» – слишком сложен. Ведь эзотерически «Христос» и «Иисус» – не равнозначные понятия. Иисус – земной аспект Космического Христа. Исторически Иисус близок эпохе принятой церковью, хотя, вероятно, Он ходил по Земле десятками лет раньше принятого нами летоисчисления со дня Его рождения. У нас все еще недостаточно собрано материала об Общине ессеев, откуда, безусловно, христианство берет свои корни и связь с которой Иисуса – несомненна...» (октябрь 1978).

Конечно же, свои реальные позиции в Рериховском движении нам приходилось отстаивать и завоевывать не только в дружеских беседах с единомышленниками, но и в начавшихся уже тогда идео-

логических столкновениях с теми, кто не только не принимали Живую Этику, но и были ее явными противниками. На мои сообщения по этому поводу из Новосибирска Павел Федорович запрашивал подробности.

«Рад был узнать из письма, – отвечал он мне, – о вашей активной деятельности. Конечно, вам придется сталкиваться с разными людьми, разными степенями сознания, устремленности, целенаправленности и даже искренности, хотя, казалось бы, последняя степеней не имеет. Но, как сказано, живем мы среди людей, а не среди ангелов.

Множественность исходных точек всегда необходимо иметь в виду, только в таком случае есть надежда разобщенную множественность направить к Единой Цели. На этом пути часто придется встречаться с противоборством бессознательного невежества и сознательного искажения. Тут могут влиять и разные по характеру факторы.

Например: ортодоксальное христианство, западничество Бенуа и его советского апологета Зильберштейна, уже выступавшего против Н.К., современные европоцентрические идеи, философский рационализм, волюнтаризм и, если да, то уточните – какого толка? Могут быть и совсем неожиданные причины, как-то: личные столкновения с не очень компетентными и очень ограниченными «поклонниками» Н.К.

К сожалению, таковых немало. Ведь чем обширнее Храм, тем больше на его паперти юродивых. Не исключено, конечно, и совмещение нескольких перечисленных факторов. Если мы их умело прощупаем, то сможем и лучше ответить. Рад был, что в своем ответе таким попользованиям вы очень хорошо опровергли некоторые допущенные искусствоведам Б. Андреевым ошибки и лживые утверждения. Помните «Ловцу, входящему в лес»: «Из преследуемого сделайся ты нападающим. Как сильны нападающие и как бедны оправдывающиеся. Оставь защищаться другим. Ты нападай»... Если чем-то я смогу быть вам полезен в этом деле, то рассчитывайте на меня...

С Новосибирской конференцией, похоже, все налаживается. Так что осенью, возможно, свидимся» (февраль 1979).

Однако несколько ранее этого времени одна из групп рериховцев Академгородка распространила разработанный ею «Меморандум Международного Правительства», что сразу же приковало внимание органов госбезопасности не только к ним, но и ко всему Рериховскому движению. Началась его «усушка и утряска» – и не только в Сибири. Опасаясь обысков в Академгородке, мои единомышленники везли мне в Новосибирск не разрешенные еще к публикации ксерокопии или «манускрипты» на хранение – на всякий случай.

Некоторые из них до сих пор так и стоят в моем книжном шкафу.

Вот сейчас я просмотрел, в частности, данные мне тогда «Первоначальные сведения по оккультизму» Папюса и особенно мне понравившиеся «Древние мистерии», где титульный лист выцвел и год издания, как и само название, были уже неразличимы. Первый лист выцвел потому, что это были не совсем книги, а – хорошо исполненные фотокопии, у которых сложенные пополам листы фотобумаги хорошо проклеены, аккуратно обрезаны и вставлены в плотную суконную обложку, а по корешку все это обшито кожмитом. Получились толстые, но прочные сооружения – действительно «фотокниги», а не как у меня – просто пачки фотобумаги.

По делу «Меморандума»¹⁰ никого не посадили тогда, но нервы потрепали многим кандидатам и академикам. В связи с этим в начале апреля я получил от Павла Федоровича открытку:

«Очень давно не имел от вас весточек. Знаю о новосибирских делах, надеюсь, они обошли вас стороной.

Сообщите» (апрель 1979).

А в первых числах мая на мой срочный ответ пришло уже большое и подробное письмо от Павла Федоровича, в котором он детально анализировал ситуацию в Академгородке и ее последствия.

Кратко, конечно, не называя фамилий, могу лишь уведомить тебя, мой дорогой Друг, о содержании этого письма.

«Насколько мне известно, – писал Павел Федорович, – «Меморандум» сильно повредил Читениям. Объем их значительно урезывается, все доклады подвергаются проверке в соответствующих учреждениях. Ко мне тоже проявили повышенный интерес в смысле идеологии моих работ и их отношения к ЖЭ¹¹... Попаду ли я на Читения – сейчас еще вопрос. Похоже, что Прибалтику сильно урежут или вообще «зарезут». В центральной печати после «звонка» из Новосибирска сняли одну запланиро-

ванную и уже готовую к публикации статью о Н.К. «Меморандумом» я был возмущен до глубины души. Я не посягаю на право каждого высказывать свое мнение и нести за это ответственность.

Но если при этом происходит разрушение с трудом воздвигаемого строительства – то это уже не «героизм», не «активность», не «смелость», а, в первую очередь, предательство со всеми вытекающими отсюда последствиями...

После ухода от нас в 1960 г. Ю.Н.¹², пришлось заново закладывать фундамент дела Н.К. Я смею утверждать, что мне лучше, чем кому-либо, известно, с каким трудом это делалось, какие препятствия приходилось преодолевать. Чего стоила только книга серии ЖЗЛ¹³, пробившая дорогу другим изданиям и оказавшая решающее значение в праздновании юбилея¹⁴. Я первый начал публикации о Н.К. в научных изданиях и прекрасно знаю, на какие сваи опирается фундамент той широкой популярности имени Н.К., которая в необыкновенно короткое время была достигнута. Доскональное изучение всех трудов Е.И.¹⁵ и Н.К., как опубликованных, так и неопубликованных, их переписки, личное общение с Ю.Н. и С.Н. вооружили меня не только, в меру моих возможностей, усвоенными Знаниями, но и методами их использования. И второе не менее важно, чем первое.

Энергией атома одинаково можно стимулировать и жизнь, и смерть. Именно по этой причине, при их незыблемости, меняется методика их внедрения в жизнь. Меняется во времени, меняется регионально, меняется с учетом накопленной кармы человечества и Планом Владык, который тоже приходится корректировать в результате свободного, но несовершенного волеизъявления человечества.

Вот почему в ЖЭ на первое место ставится расширение сознания и соизмеримость. Именно ни того, ни другого не наблюдалось при составлении и предъявлении в официальные инстанции «Меморандума», что и привело к разрушению, а не к строительству... Содержание же его говорит лишь о самообольстительной претензии на «всезнайство» в деле руководства эволюцией человечества, на готовность взять такое руководство в свои

руки и на некую «исключительность», достигнутую своего рода монопольным правом «сношения с Космосом»...

Посылаю вам полный текст «Писем»¹⁶. Третий том «Т.Д.»¹⁷, может быть, удастся переснять. Смог также получить «Разоблаченную Изиду» в русском переводе... По затронутым вами в письме вопросам хотелось бы побеседовать лично» (май 1979).

В августе 1979 года уже по заданию редакции «Вечернего Новосибирска» я вновь оказался на Алтае – в селе Верхний Уймон.

И 9 октября, в день 105-летия со дня рождения Н.К. Рериха, вышел мой большой очерк с четырьмя фотографиями под названием «Музей на ладонях гор».

«Они сидели на обтесанных бревнах плечом к плечу у пылающего костра, – писал я в очерке. – Сушили еще не просохшие после дождя фуфайки и брезентовые куртки. Было за полночь. У этих парней и девчат из Новосибирска стало традицией собираться у огня, когда тело гудит после многотрудного дня, когда языки пламени, выхватывая из темноты очертания лиц, как бы соединяют их воедино. А начиналось все с пустыря, что раскинулся черной мягкой землей по правую сторону от фасада старенького бревенчатого дома Атамановых, в котором пятьдесят три года назад останавливался Н.К. Рерих со своей женой и старшим сыном Юрием для изучения истории и культуры Горного Алтая. И тогда такой же тесной стеной окружали горы это село. И тогда на ладонях своих они держали мощные сосновые срубы верхнеуймонцев.

И уже год каждое утро эти ребята, подпоясав фуфайки, в кирзовых сапогах, а если зимой, то и в валенках, выходят на стройплощадку, орудуя лопатой и топором, пилой и рубанком, возводят фундамент и стены, а теперь вот и крышу. Рядом со стареньким домом вырос и обретает форму мощный двухэтажный сруб с пристройкой – будущий музей Н.К. Рериха¹⁸. Начинаясь с нуля, на одном энтузиазме почти, эта стройка вписывается сегодня в жизнь села на равных со строительством новых жилых домов и производственных помещений.

И все же здание будущего музея отличается от них тщательностью стыковки бревен и отделки помещений, отточенно-

стью и завершенностью, пронизанной любовью к художнику и мыслителю, общественному деятелю и ученому, жизнь которого стала для них зовущим примером.

И это особенно понимаешь, когда читаешь в книге отзывов: «Уймон прекрасен не только как город будущего, но и как могучая мастерская для преображения себя. Пусть же эти горы, люди и «бревенчатый Храм» будут вечным магнитом, устремляющим к совершенству».

Приложил человек руки свои и уехал, а память о нем осталась в его делах, в его устремленности, передающейся как эстафета от одного к другому...

Здесь нет суббот и нет воскресений. Нет ограничения рабочему дню. И платой является только харч. Нет ограничений и на отдых у костра в течение ночи. Они спешат «закрыть» дом окнами и дверьми и поставить печь хотя бы к октябрю, к открытию в Новосибирске Всесоюзной конференции, посвященной жизни и творческой деятельности семьи Рерихов, в честь столетнего юбилея со дня рождения Елены Ивановны Рерих – жены и друга Николая Константиновича, постоянной спутницы во всех его начинаниях. И не удивительно, что сюда приезжают семьями, следуя примеру великого подвижника и гуманиста...

В долине Верхнего Уймона, на ладонях гор встает этот новый дом – еще одно звено в союзе России и Индии, союзе Алтая и Гималаев, о котором мечтал Николай Константинович. Недаром на стене в доме Атамановых была роспись – «красная чаша», чаша единения, чаша синтеза. И есть что-то символическое в том, что именно новосибирцы, являясь основным связующим звеном строительства, наполняют эту духовную чашу новым современным звучанием...» (октябрь 1979).

«Сегодня получил вашу посылку и письмо, – уведомлял Павел Федорович. – Большое спасибо. Алтайский Камень водрузил на письменный стол. Очень красив!...

Бандеролью посылаю работу Князевой¹⁹ и списки²⁰. Князева проделала очень нужную для нас работу, но вообще знаки на картинах Н.К. не засекал. Думаю, что у него имеются где-то пометки относительно их введения. Во всяком случае, он писал

об этих знаках Зинаиде Григорьевне, но З.Г. в архиве Музея не может этого письма найти. Вообще – зарубежные архивы дают нам еще много находок.

Хотя приходится сознаться, что и свои архивы (например, Третьяковская галерея) еще плохо изучены...

Рад вашим писательским контактам. Это чрезвычайно важно. У вас вырисовывается четко выраженная собственная творческая линия и свое поле деятельности. Многие другие будут для вас на этом поле только помехой. Точно также и вы будете для кого-то просто неприемлемы в аспекте сотрудничества.

Так всегда было, так, к сожалению, и сейчас есть...

На определенных этапах материал для строительства подготавливается по различным методам и отдельно. Если мы пытаемся и кирпич, и цементный раствор, и деревянные детали, и скобяной товар делать под одной крышей и придерживаться одних и тех же методов и режимов, то добротного материала нам не видать. Наш этап – это еще только изготовление материалов. Отсюда столько разногласий. Каждый считает свой рецепт универсальным, но только из кирпича, только из цементного раствора, только из деревянных деталей – дома не построить. Н.К. явил нам необыкновенно мудрый подход к этому противоречию житейского характера. Он умело направлял изолированные друг от друга потоки на колесо одной и той же мельницы... Относительно рериховцев в целом я бы посоветовал им забыть слово «рериховец», и начать заниматься серьезно и хорошо своим делом. Каждое хорошо сделанное дело само по себе относится к «рериховскому...» (ноябрь 1979).

25 ноября 1979 года я предложил редакции газеты «Вечерний Новосибирск» ответ на статью В. Пивкина «Ненужный крен», опубликованную в этой же газете 19 ноября.

Отклонив мою положительную статью о состоявшихся в Новосибирске вторых Рериховских чтениях, газета поместила заметку кандидата архитектуры, критикующего и Рериха, и рериховцев за чрезмерное, как он считал, увлечение им.

«Что же делать, – отвечал я автору статьи, – если, действительно, Н.К. Рерих, и здесь я цитирую самого Пивкина: «худож-

ник, создавший более семи тысяч картин; ученый разносторонних знаний, неутомимый путешественник, поэт, общественный и культурный деятель».

Можно к этому добавить, что во всех этих сферах Рерих проявлял не любопытство, а высокий профессионализм. А. Эйнштейн, Л. Милликен, Л. Бройл, Р. Тагор, С. Чаттерджи, С. Радхакришнан, Д. Неру, Н. Вавилов и многие другие сотрудничали на равных с Николаем Константиновичем.

Рериховский институт «Урусвати» обменивался публикациями с 285 институтами, университетами, музеями, библиотеками и научными обществами разных стран мира. В журнале института публиковались материалы по археологии, этнографии, лингвистике, философии, ботанике, фармакологии и геологии. Институт выпустил целый ряд монографий, посвященных древностям Тибета. И вполне естественно, что творчество Н.К. Рериха привлекало и привлекает особое внимание, а сам Николай Константинович, опять же цитируем Пивкина: «вызывает искреннее уважение и восхищение».

Обширность творческого диапазона Н.К. Рериха, – писал я далее, – тем более уникальна, что в его титаническую работу была вовлечена вся семья Николая Константиновича. Его жена, Елена Ивановна, – автор и переводчик ряда книг по философии, этике и религии Востока. Старший сын, Юрий Николаевич, – талантливый исследователь Тибета и Монголии, этнограф и лингвист, досконально знавший несколько восточных языков. Младший сын, Святослав Николаевич, – художник с мировым именем, видный специалист в ботанике, орнитологии и кристаллографии.

Найдем ли мы еще в истории XX века подобный феномен такого плодотворного, многогранного и бескорыстного творчества целой семьи, такого служения человечеству, такой преданности своему делу? И если уж быть до конца объективными, то именно родина Рериха позже всех отдала ему дань уважения и признания. Только в октябре 1964 года, в 90-летие со дня рождения и спустя 17 лет после его ухода от нас, имя Рериха впервые прозвучало в нашей широкой прессе. Тогда наша страна узнала

только Рериха-художника. Сегодня Рерих открывается нам и как ученый, писатель, как общественный деятель...

В противовес В. Пивкину, попытаемся приписать свою оценку Рериховских чтений и «гостям искусствоведам из разных городов страны» (Пивкин), приведу лишь отрывок из письма искусствоведа Ленинградского русского музея Валентины Павловны Князевой, которая писала мне: «Приветствую вас из Ленинграда, где на меня нахлынула масса всяких музейных дел и забот. Но «Рериховские чтения» до сих пор для меня – самое яркое событие за последние годы, самый радостный праздник».

Что здесь можно еще добавить? В Живой Этике есть хорошая фраза: «меньше читай, но размышляй». Иногда именно простых размышлений и не хватает новоявленным «апостолам», за малыми кустарниками не различающими белоснежных Вершин, устремленных к Владыкам Миров.

«Доселе Я говорил вам притчами, – разъяснял Иисус своим ученикам, – но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами, но прямо возведу вам об Отце».

«Живая Этика» и есть одно из прямых Провозвестий об Отце».

«Посылаю вам, – отвечал Павел Федорович на мое письмо, – «Указатель по Письмам Е.И.», «Происхождение религий» Эншлена, «Рукописи мертвого моря» Амусина, «Пещеры у Мертвого моря» Штоля, «Палестинский сборник», «Тайную Доктрину» (том III). «Надземное» пока в работе...

Возможно, вам напишет Юрий Владимирович Линник²¹ из Петрозаводска. Я говорил ему о вас, и по его просьбе дал ваш адрес. Он в последнее время провел несколько прекрасных передач по телевидению и, вообще, много полезного делает...

Не слышали ли Вы что-либо об Алексее²²: Я писал ему, но ответа нет. Как в воду канул...

К Саше Ибрагимову прислушивайтесь. Он очень талантлив. Сужу по его стихам. В нем чувствуется творческая жилка. Где он сейчас и что делает?

Привет от меня новому Путнику Владимиру²³. Громадное спасибо за материалы Ларисе, они гораздо полнее, чем те, которыми я пользовался. Соответствующие поправки внесу.

Игорю²⁴ передайте от меня большую благодарность за книгу и Камень, который теперь висит перед моим столом, а под ним полученный из Индии маленький Будда под деревом Озарения. Они так гармонируют друг с другом, что как будто специально друг для друга и сделаны. Очень тронут его вниманием.

Передавайте Игорю²⁴ и Пете²⁵ мои наилучшие пожелания в их поисках своего пути. Если они даже не будут одинаковы, они не будут исключать друг друга.

Помните: «На каком бы Пути ни приблизился человек ко Мне, на том Пути я благословлю его, ибо все Пути принадлежат Мне» (август 1980).

Готовься к новым и делам, и мыслям.

И к новому звучанию огня

В сознании и в сердце устремленном.

Зажгите факелы, чтоб осветить дорогу.

Сердца зажгите, чтоб по ней лететь.

Письма 7. У порога Храма

11 августа 1999.

Уже вечер. После солнечного затмения, которое очень красочно и подробно показали по телевидению, все остальное время дня смотрел в окно – на проносящиеся по небу облака, на дорогу перед домом, по которой снуют светливые машины, на двухэтажку «Бытовых услуг» прямо перед моими окнами через эту дорогу. За «Услугами» расположился базар – наши «развалы», напоминающие «супермаркеты» под открытым небом. Еще дальше – многоэтажки, и за ними – колея железной дороги Москва-Петербург. И если шагнуть за эту железную трассу, то здесь и сосновый бор, куда иногда хожу я с Севой на прогулку, но случается это крайне редко, поскольку с утра я берусь за свое «гусиное перо».

Моим «гусиным пером», на самом-то деле, является уже вышедший из моды компьютер с памятью 340 мегабайт. Если же сравнить его с компьютерами, имеющими в несколько раз большее быстроедействие и память, измеряемую в гигабайтах, как у детей новых

русских, то читатель и ты, мой Друг, согласитесь, что я, действительно, пишу это письмо «гусиным пером», поскольку письмо – это же не суперигрушки, требующие для себя много места в памяти компьютера и особого сервиса на экране дисплея.

Весь сервис письма – в голове пишущего.

И все же мое «гусиное перо» много удобнее шариковых или гелиевых ручек и рукописных листов бумаги, требующих большой траты времени, терпения и сил на замены одних испорченных листов на другие, на стирания и дополнения текста, на разного рода вставки и заклейки и многое другое, от чего в полной мере освобождает «гусиное перо». Но самое главное при этом – освобождается мысль, поскольку она не вязнет уже, не зависает в неразборчивом почерке, в медлительности написания слов на бумаге обычным способом, не спотыкается особо в поиске ранее напечатанного.

Теперь же, если от этого лирического отступления оттолкнуться или встать на табуретку, чтобы расширить горизонт, то станет очевидно, что сутью движения человечества по винтовой лестнице цивилизации, иначе сказать – целью и смыслом человеческого «сервиса» является постепенное освобождение сознания от рутины материального быта во всех сферах духовной жизнедеятельности.

И как удар грома вызывает соответствующую реакцию нашего тела, так и движение мысли вызывает в нашем сознании соответствующую ей вибрацию (звук и образ), которую утонченный организм способен воспринять и зафиксировать в своей памяти.

Вот для раскрытия способности человека воспринимать эту вибрацию (энергию) мысли, оформленную в звук (слово) и в образ (символ), и должны быть направлены основные усилия мировой науки, культуры, философии и религии. Поскольку это не что иное, как окно в четвертое измерение пространства-времени, это – выход на следующий виток спирали нашего земного Бытия.

Как шар хрустальный, падая с высот,
На множество осколков разобьется –
И трудно их затем соединить
В единую сверкающую сферу,
Так и Миров Сознание распалось
На множество сознаний, утеравших
Величие свое и чистоту.

Так вот, сегодня за окном за целый день ни со стороны Москвы, ни со стороны Петербурга, ни из-за деревьев соснового бора так и

не появился Конец Света. Он либо сам скончался где-нибудь по пути, либо запутался между шпалами на длинной дороге. И поскольку, как и все, я ожидал Конец Света и намекал об этом сыну, а Конец Света не случилось, Сева подал мне «Заявку», в которой говорилось о том, «што геннадий гаврилов уволен с работы небесных и вообще отстранен гениралом с поста командующиво а типерь афигера всеволода поставили на должность». Под документом, как положено, залихватская роспись и печать – теперь, видимо, Концу Света не поздоровится.

– Но если ты «вопще» снял меня со всех постов, то кто же будет командовать чистотой в квартире? – спросил я.

– Новый командующий Всеволод, – улыбнулся он.

– Тогда, Всеволод, возьми тряпочку и протри на своей полке пыль, и в ящиках стола не забудь навести порядок.

Выйдя с Севой в предполагавшийся момент Конец Света на наш «сервисный» базар за продуктами, я будто попал на съемки исторического кинофильма. На широких ступеньках лестницы магазина, словно на паперти, молодой парень, играя на баяне, зарабатывал свои хлебные деньги. В двух шагах от него на костылях стоял юный калека с гипсовой ногой, перевязанной белым бинтом, а на шее табличка: «Помогите. Живу один и не кому помочь». У ларьков на ящиках уже традиционные бабульки с семечками и чесноком. Ближе к базару – полупьяный бомж с кепкой, брошенной под ноги прохожим. Много стало появляться и распухших от постоянного «подпития» русских женщин, продающих товары заезжих людей «кавказской национальности».

Дом наш кооперативный, парадные оборудованы переговорными устройствами, но они не преграда для бомжей, забегающих распить бутылку на лестнице и здесь же помочиться, не преграда для молодежи, собирающейся группами около квартир своих одноклассниц или друзей. И повсюду грязь, окровавленные шприцы – такая вот «романтическая» достопримечательность «демократических преобразований» в России. Не о таких, конечно же, «преобразованиях» и не о такой «перестройке» в нашей стране мечтали диссиденты 60-х, когда сажали их в тюрьмы и лагеря, высылали из больших городов, помещали в психбольницы. Опустили Россию так, как и предположить не могли романтики «перестройки».

12 августа. Вчерашнее солнечное затмение сегодня завершилось обычным ураганом «Торнадо» у побережья Америки. Как и

всегда, ветром вырывались столбы, рвались линии электропередачи, со свистом слетали крыши с домов, обгоняя поднятые в воздух машины. И как всегда – человеческие жертвы.

13 августа, пятница. Дорогой Друг, в этот темный для оккультистов день хочу поговорить с тобой о светлом. Памятуй о том, что

Чистая молитва доходит.
У подножия Христа
она расцветает серебром, –

я, прежде чем написать сегодня первую строчку письма к тебе, омылся такой чистой молитвой. И стараюсь это делать каждый день прежде, чем нажимаю кнопку включения «гусиного пера».

Мой рабочий стол – это уголок справа у окна, как это было и у Павла Федоровича. Разве что наша комната несколько больше.

У стены над столом на полках книги, которые чаще всего бывают необходимы. Это, в основном, разного рода справочная литература по математике, астрономии, физике, химии, кое-что по эзотеризму.

Здесь же – «Библия», «Тайная Доктрина», «Живая Этика», «Роза Мира». Передо мной, в свободном пространстве стены, репродукция с картины Святослава Рериха «Возлюби ближнего».

О Христе любовью ревнуя,
Христу радость несую.

Рядом в овальной раме – Учитель Мориа.

Моя Любаша родилась 9 октября – в день рождения Николая Рериха. В свое время Галя писала о ней мне в лагерь:

«Один раз она выскакивает из ванны и сразу задает мне вопрос: «Мама, где мой папа живет?» – а в глазах такое нетерпение, даже щечки покраснели. Я сказала, что ты в Перми живешь, и приедешь, когда мы пойдем в школу. Теперь Любаша пошла играть в футбол. Играет сразу за две команды и совмещает роль комментатора».

Как бежит время. Любина дочь Светлана (моя внучка) в сентябре пойдет уже в третий класс. Сева (мой младший сын) почти на два года моложе своей племянницы Светы. Родившегося еще в Таллинне Святослава мы назвали в честь Святослава Рериха.

В общем-то, он у нас «иностранный подданный», земляк Виктора Нийтсоо из «ближнего зарубежья».

Но вернемся к ранее прожитому. Случился у меня в новосибир-

ский период жизни весьма интересный и знаменательный сон, символическое значение которого до сих пор полностью не осознано мною. Может быть у тебя, дорогой Друг, возникнут соображения по этому поводу?

Ясный день, но тревожно и напряженно на холмах, тянувшихся до горизонта, словно гигантские волны. Внутри холма длинные помещения, разделенные перегородками, образуют единый комплекс мощных и таинственных строений. И ни звука в заброшенных пролетах, сквозь которые я пробирался с большим трудом. Только лязг металла глухо отражался от стен, когда я отодвигал висящие в беспорядке части заброшенных механизмов, чтобы пройти мимо них. Одно, другое, третье помещение – мертвое и серое однообразие и лязг, лязг железа, словно на давно погибшем корабле, некогда покинутом аргонавтами навсегда. В четвертом зале оказалось светлее. Свет лился сверху и дрожал, переливаясь в громадных полотнищах, развешенных на веревках. Но самих веревок не было видно. Красные и желтые, зеленые и синие полотнища полоскались на ветру, издавая глухие хлопки, словно выстрелы пушек. Обойдя их все, я вышел навстречу солнечному лучу и оказался на вершине холма, отвесная сторона которого представляла собой одну из четырех стен гигантского зала без крыши.

Стены и пол зала были выложены гладкими квадратными плитами, которые, отражая солнечные лучи, светились ярко-желтым сиянием, равномерно заливающим окружающее пространство. Далеко внизу еле различалось какое-то движение и доносился гул множества людей. Я прыгнул и стремительно начал падать. Толпа расступилась. Но у самых плит пола снова взмыл вверх и полетел к противоположной стене странного зала. Эта стена так же была вертикальной и без уступов. Почти на самом ее верху были укреплены три сверкающих символа.

Слева от меня окруженное золотым сиянием возносилось изображение Будды. Справа – в искрящемся голубом ореоле обозначался Лик Иисуса Христа. В центре триптиха, радугой переливаясь от темно-красного к ослепительно-белому, как бы дрожало в лучах заходящего Солнца изображение египетского Германубиса с тройным кадуцеем в правой руке. Подлетев к триптиху, я взял в руку изображение Германубиса и снова ринулся вниз.

Встав на плиты ослепительно-желтого пола, я быстро пошел к воротам, которые обозначились в стене справа от меня. За мной следом двинулись люди, одетые в плащи, с пиками, знаменами и плоскими мечами в руках. Пройдя бесконечно длинным коридором, мы вышли на обширное поле. Оно не было ровным – небольшие холмы вздымались

над ним и справа и слева. Из-за холмов навстречу нам двигались конные и пешие воины. Солнце палило. Разноцветные одежды людей и потные спины коней как бы светились. Желтый песок слепил глаза. Обогнув очередной холм, мы двинулись по узкой тропе.

От быстрой ходьбы мой желтый плащ развевался словно знамя. Топот тысячи ног и ржание сотен коней сопровождало это стремительное движение по волнообразной поверхности залитого солнцем пространства.

Миновав еще один холм, мы остановились. Группа воинов преградила нам Путь. Двое из них, вздыбив коней, ринулись к нам. Я взмахнул Германубисом – и они замерли в трех шагах от меня. Мои воины в плотных кольчугах и шлемах подвели за уздцы трех рысаков – черного, коричневого и гнедого в белых яблоках. Я вскочил на гнедого – преграждавшие путь разомкнули строй и, пропуская нас, справа и слева стали присоединяться к нашему воинству.

Вдали за тремя холмами черною тучей грудились неведомые нам всадники и пешие. Стремительно мы понеслись к ним навстречу.

И еще не различая лиц, находящихся вдали, сердцем я ощутил, что это не враги уже там, за холмами, а наши соратники и сподвижники.

Вас было девять – праведных и верных,
Обет принявших посвятить себя
Познанию Надземных Откровений.
Так и сегодня – силу приложи
И рук своих, и разума земного,
Чтоб данное тебе не умалить.

В этот период времени развивались события, связанные еще с одним знамением Судьбы.

И как в Таллинне в двух шагах от меня оказался человек, с которым я встретился на другом конце города и который повернул всю мою жизнь, представив меня П.Ф. Беликову, так и в Академгородке я познакомился с человеком большой духовной силы и устремленности, квартира которого в Новосибирске оказалась от моего дома на расстоянии всего лишь в четыре трамвайные остановки.

И пришло время, когда он счел нужным дать мне в руки сокровенный эзотерический материал – рукописи Всеволода Белюстина, которые, в общем, можно было бы озаглавить как «Солнечная Религия Космоса», так и «Круги Разума Гермеса». По своей значимости и глубине эти рукописи можно сравнить разве что с «Тайной Доктриной» Е.П. Блаватской. И вспомнив сказанное ранее:

От Девы Мы указываем – жди
Посланника от Нас..., –

мне стал понятен смысл моего «отчаянного», как говорили друзья, переезда в Новосибирск. Именно арканологических аспектов «Кругов Разума Гермеса» мне и не доставало для серьезного подтверждения правильности направления, в котором я двигался при разработке того математического аппарата, который предварительно был мною озаглавлен как «Алхимия структурных чисел». Если же говорить более романтично, мою тему можно было бы озаглавить как «Структурное творчество вселенной», поскольку в духовном смысле слово Алхимия и обозначает – духовное творчество.

И теперь все мои наработки по этому поводу обрели смысл и свое место в намечающейся уже тогда книге, которой я мыслил завершить свои многолетние духовные поиски.

Тогда же стало и очевидно, что для оформления в книгу идеи единого подхода к изучению земного и Надземного, помимо науки мне необходимо более подробно ознакомиться и с религией земной, чтобы быть способным рассуждать о Религии Надземной.

По этому поводу была у меня непростая переписка и с Павлом Федоровичем. Приведу лишь одно его письмо на эту тему.

«Некоторые фактологические данные об Иисусе Христе, как мне кажется, специально не уточняются. По общепринятым христианством данным, Его рождение состоялось 25 декабря, но есть сведения, что Он посетил Землю лет на 70 раньше. Если объявить сейчас точную дату Его пребывания на Земле, то произойдет гораздо больше вреда, чем пользы. Христианство и так уже знало несколько крупных расколов, и можно себе представить, что будет, если окажется, что и сама личность Христа далеко не то, что мы себе представляем²⁶. Поэтому-то полезнее давать предположительные данные о Христе, в нескольких вариантах. Можно упомянуть об Учителе Справедливости²⁷, например, и, как это делала Блаватская в «Евангельском эзотеризме», следует сказать об Иисусе из Лидды, распятом задолго до общепринятой даты. Можно включить и описание жизни Иисуса в Тибете, но опять таки лучше в виде легенды, указав на то, что легенды заключают в себе и долю истины...» (октябрь 1980).

Занимаясь изучением Учения Живой Этики, работая с «Письмами» Елены Ивановны Рерих, готовясь к лекциям или беседам по этой тематике, я часто пользовался «Алфавитным указателем терминов» к книгам «Живой Этики», составленным Павлом Федоровичем. В своих письмах ко мне он неоднократно сетовал, что этот Указатель весьма неполон, что это лишь первая попытка такого рода, и хорошо бы сделать серьезный и достаточно полный указатель.

И я решил попробовать реализовать пожелание своего земного Учителя. Долго я мысленно перебирал – кого же из своих молодых новосибирских друзей привлечь к этой работе. И мой выбор пал на спокойного и добросовестного, немногословного и обязательного Владимира Слободанюка. Ясно, что для осуществления такого проекта требовалось не просто внимательное прочтение всех книг Живой Этики, но и скрупулезное размышление над тем – какое именно слово или словосочетание из того или иного параграфа той или иной книги включить в указатель, чтобы в его оптимальном объеме вобрать все наиболее существенное из Учения.

Вскоре, однако, выяснилось, что для пользы этого дела нужны были мои более частые встречи с Володией. И в ноябре 1980 года я перешел работать в группу вычислительного центра института ВНИПИгаздобычи, которую он возглавлял. И весь следующий год был для нас как годом плодотворного общения, так и годом интенсивной работы над алфавитным указателем. И такое тесное сотрудничество между нами предопределило мое особое и доверительное отношение к Володе.

Ширилась и «кружковая» работа с людьми, которых, как и меня, интересовали духовные проблемы нашего земного Бытия. Постепенно увеличивалось число гостей, приходящих ко мне на чашечку чая. Иногда же меня приглашали для бесед с ищущей молодежью к Николаю Качанову на чашечку кофе. Но у Коли болел сын, и он все-раз подумывал о переезде в Америку к родителям жены в надежде, что, может быть, там им удастся излечить его от диабета. В связи с этим Николай Качанов строил планы своей будущей работы совместно с Зинаидой Григорьевной Фосдик – директором музея Н.К. Рериха в Нью-Йорке, мечтал побывать в Ауровиле (Индия) в общине Ауробинта Гхоша. И если сын поправится, то дальше им планировалось возвращение в Сибирь и поселение на Алтае.

В феврале 1981 года они уехали²⁸. И «Качановские посиделки» постепенно переместились в мою малогабаритную новосибирскую

квартиру. Но не только молодые люди интересовались в то время Живой Этикой. С особой теплотой вспоминаю я Зельму Робертовну из Риги. На Рериховских чтениях в Новосибирске она выступала с сочиненной ею музыкальной поэмой «В горах Рериха». Посылала эту поэму Святославу Рериху, и получила от него одобрительный ответ. Затем она написала «Гимн Гималаям».

«Все это я посвящаю Учителю Мориа и Рерихам, – писала она в сопроводительном письме к присланной мне кассете с «Гимном», – а все другие могут понять и иначе. Но я молилась и просила простить меня, если что не так. Писала же музыку и слова от всего сердца и старалась все лучшее, на что способна, вложить...» (январь 1981).

«Здравствуйте, дорогая Зельма Робертовна, – отвечал я в одном из писем на поставленные ею вопросы. – Темы, о которых стоило бы поговорить не для писем. Я же вас постоянно в сердце держу. Рад вашим успехам и той неукротимой энергии, с которой вы вершите свои духовные дела...»

Продолжая начатую в прошлом письме тему, хочу уточнить, что, конечно же, многие миллионы лет нашей земной жизни Великие Братья человечества ведут нас по пути эволюции. Ведут именно все человечество – по множеству путей, понятных и совершенно непонятных нам.

Хотим мы того или нет – наше движение вперед по Спирали Жизни все же происходит. Нам своевременно даются Учения, Указания, на Землю в узловые моменты ее истории нисходят величайшие гении человечества, пророки, крупнейшие деятели науки и искусства, философии и религии.

Дано человечеству много, но понято и принято нами – почти ничего. Вот в чем проблема...» (июль 1982).

Происходило все большее духовное сближение и взаимопонимание между мной и поэтом Александром Ибрагимовым, с его женой художницей Анной, с солистами камерного хора Новосибирска Лилией Королевой, Натальей Егоровой и Игорем Гельманом, с руководителем камерного хора в Красноярске Александром Черепановым, с будущим композитором Борисом Лисицыным, с электронщиком Олегом Лысковым. По мере своих возможностей я старался отдать им все, что имел и в сердце, и на книжных полках.

Они же поддерживали и вдохновляли меня своей молодостью, энтузиазмом и искренним желанием принять и постичь Премудрость Мира. И так же щедро делились со мной результатами своих творческих поисков и достижений.

Всегда радовал меня своими стихами Александр Ибрагимов.

Еще в 1980 году он переехал с женой Анной из Кемерово на Алтай в село Мульта. В то время рериховские подвижники создали в алтайском селе Чендек «Школу искусств», в которой Анна, каждый раз пересекая пешком Уймонскую долину, взялась преподавать уроки живописи. В январе 1981 года Саша, приехав в Новосибирск, привез свои новые, еще не напечатанные тогда поэмы: «Звезда в Звезде», триптих «Родина. Сын. Поле Куликово» и цикл стихов.

А в мае состоялась встреча с Анной Ибрагимовой. В этот раз она была особенно светла, открыта и радостна. С интересом рассматривал я эскизы ее новых картин.

Ранее намеченная нами тема «Я и Господь единое есть», из сферы замыслов легла на бумагу, обрела зримость, форму и убедительность. Особенно хорошо звучали в этом контексте ее картины «Любовь», «Женское начало», «Дарение», «Дар Христа». Нежность красок и нежность образов особенно одухотворяли лица, звучащие на зов Беспредельности.

Много неожиданного рождала талантливая рука Анны. Конечно же, было обсуждение эскизов и беседа от сердца к сердцу. Быстро промелькнули во времени несколько дней нашего общения. И память сохранила надолго взаимопонимание и взаимотворчество.

«Между всеми расстояние – любовь», – философски подытожила Анна нашу встречу. В дневнике же она писала:

«Теперь я сама – только сама должна очищать сердце, чтобы улавливать знаки Высшего повсюду. Благодарна всем, кто шел в эти годы рядом зримо и незримо и за уроки через них...».

Вскоре я получил от нее и несколько писем:

«Бесконечно тянутся нити, словно золотистые паутинки, соединяющие наши души. Приедешь – будут гореть свечи, светиться сердца. Свято чувство! Прими меня, Господи!...» (апрель 1981).

«Думаю обо всех с любовью. Чувствую твои посылки помощи сердцем – благодарю тебя! – писала она. – Сегодня рисовала «Течение сознания». Так ведь и есть на листе – гармония. Еще

начала «Раковину вечного времени». Через тело время, как вода, принимает свою форму – и восхождение, и нисхождение...» (август 1981).

Наши дискуссии с Анной и Сашей часто касались вопросов существования сил добра и зла.

– Если и есть силы зла, – говорил Саша, – то лишь как результат человеческого невежества, и зло не может распространяться за пределы планеты.

– Человеческое невежество, конечно же, мощный фактор, задерживающий наше продвижение по пути эволюции, но есть факторы и надземного плана, мешающие нам двигаться по этому пути более целенаправленно и плодотворно. В Живой Этике, – уточнял я, – есть весьма ясные на этот счет строки:

«Закрывание глаз на существующее зло и на его породителя низвергает человека еще ниже... Если бы открыть кажущееся стройным существование, то каждый дух ужаснулся бы разложению основ... Человеческое разумение не постигает, что разложение на духовном плане гораздо мощнее, нежели на физическом. Перевес сил разрушения несомненен, но трансмутация духа и очищение пространства и человечества дадут новое преопределение» (ЖЭ).

Несколько месяцев спустя я узнал, что в сентябре Саша и Анна, временно покинув Алтай, вернулись в Кемерово – ждала Анна ребенка. На этот раз они хотели сына. В ноябре уже с «животиком» Анна еще раз приезжала в Новосибирск. Смотрели ее новые акварели: «Шестикрылое пространство», «Танец Искры Божественной». Особенно мне понравилась очень пластичная и вдохновенная картина «Прими меня, Господи». Хороша была и акварель «Купель Господа», посвященная дочери. И на душе Анны снова было легко и радостно, после некоторого периода упаднических настроений, возникших в связи с алтайскими проблемами. Дело в том, что Алтай не принимал «чужаков». Быт алтайцев был весьма и весьма далек от тех духовных высот, на которые хотели «поднять» их молодые и интеллигентные подвижники. И первое «хождение в народ» постепенно утрачивало свой первоначальный душевный подъем и желание биться «головой о стену».

Но неудачный опыт – тоже опыт и, может быть, придет время, когда Вселенская Радуга, духовно соединяющая собой вершины Ал-

тая и Гималаев, зримо засияет всем своим семицветием и на Алтайских просторах.

Особые отношения складывались у меня и с Лилией Королевой. Вот держу в руках две фотографии. На одной – Лилия в составе камерного хора, в длинном темном платье с широким белым воротником. И всегда она была обращена куда-то вглубь себя. Даже когда Лилия была одета по-спортивному – в брюках и вязаной кофте, с теннисной ракеткой в руках. На другой фотографии эта самоуглубленность ее не пропадала. Порой мне казалось, что лишь длинные до пояса волосы составляли ее плоть, все же остальное было прозрачно и невесомо. Как-то в папке своих стихов я нашел строчки, которыми можно было бы оттенить эту утонченность Лилии.

На подушке лежат неприбранные
И груди касаются ласково
Твои волосы, тайной призрачной
Обволакивают как сказкою.
Пряди тонкие я в ладонь беру,
Упиваясь их мягкой свежестью.
Я губами к ним прикоснусь, прильну
К этим локонам с детской нежностью.
В этих локонах – в них вся женщина,
Как в ладонях рук ее линии.
В твоих локонах твоя женственность
И твои очертания милые.

– Я вижу руки свои как бы в ослепительном сиянии зеленых всполохов пламени вокруг солнечного диска, – рассказывала она мне в одной из наших бесед. – И руки как бы переплетаются с лучами солнца. Потом я вижу несколько таких солнц рядом. И сверху как бы фиолетовая дорога, как бы луч, устремленный ко мне. И воздух светится. И руки, протянутые к солнцу, срастаются с этим светом. И горят. И чувствую я, как тело мое начинает изгибаться в такт неведомым ритмам. И я уже будто лечу в неведомое.

Иногда же она поражала меня нахлынувшим вдруг на нее пессимизмом. Как-то с утра было у меня тягостное предчувствие, а в середине дня пришла Лиля. И такая безнадежность была во всей ее фигуре, в ее глазах и жестах, такая боль, что не оторваться ей от земли, не достигнуть заветного, что сердце мое сжалось в отчаянии.

– Уж тебе ли так думать, Лиля, отрешенной от всего мирского?

И долго мы еще говорили на эту тему. У нее же в сознании, как заноза, продолжала сидеть все та же мысль.

– Вот я голос недавно слышала: «Немного тебе жить осталось, девонька». И потом – все гробы и гробы снятся в последнее время. Умру я скоро.

– Ну что ты, Господи, – пытался я ее успокоить. – Знаешь, как в одном анекдоте: бабушка сидит на приеме к врачу и, слушая очередную историю болезни от находящихся с ней в очереди женщин, каждый раз вразумляет болящую: «Съела, небось, чего-нибудь, милочка». Так и ты – не съела ли чего-нибудь?

Желанным гостем в моем доме была и Наташа Егорова.

Есть у меня и ее фотография, на которой Наташа исполняет сольную партию в камерном хоре.

Вся в белом, одухотворенная и растворенная в музыке, она, кажется, вот-вот, словно ангел, оторвется от земли и, взмахнув крыльями, сольется с синевой безбрежного неба.

Зима на дворе. И дорога в снегу.
Троллейбус застыл в середине маршрута.
Куда-то торопятся люди, бегут.
И я тороплюсь – и мне нет уюта.
Бегу через мост – ведь троллейбусы встали.
И речка внизу заспешила на юг
От наших забот и от наших печалей,
От этих снегов и разбуженных вьюг.
И взгляды людей словно ветер холодный.
На резкий вопрос – так же резок ответ.
Ноябрь на дворе – не улыбочивый, злобный.
Ноябрь на дворе – с ним одиннадцать бед.
И вдруг на перчатку, прижатую к носу,
Чтоб он не замерз на ветру, не застыл,
Зеленая бабочка села без спросу.
Зеленая бабочка – небыль и быль.
Откуда она в одеянии светлом,
Листочек живой – и надежда и вера...
А люди бежали, гонимые ветром, –
И не было людям до бабочки дела.

Вот такое настроение вызывала у меня Наташа – чистая и хрупкая девушка, летящая к Свету.

В апреле 1981 года проездом в Москву заехал в Новосибирск из Красноярска руководитель камерного хора Александр Черепанов лишь ради четырех часов нашей беседы. Это большой показатель человеческой устремленности. А как часто мы не находим времени, чтобы навестить друга, живущего на соседней улице или на рас-

стоянии двух-трех троллейбусных остановок. Всегда легкими и радостными были мои встречи с Сашей.

«Хочу стать чище и лучше, – писал он. – Это так трудно. Мои недруги, живущие во мне, лезут – и много нужно приложить усилий, чтобы их укротить...» (июнь 1981).

«Задумываюсь о путях и задачах церкви, – делился он со мной самым для него сокровенным. – Какое у них будущее? Ведь там пел хор, произносились слова мудрости. Возможно, теперь мы должны понимать Храм, как храмовость в нас самих и как мир вокруг нас, где «небо как колокол, и наш дом – наш Храм, и наша жизнь – наш обряд...» (сентябрь 1981).

Как просто и правильно. Жизнь человека на планете и должна быть Обрядом Посвящения себя Космосу.

«Мы должны стать не выслушивающими и соглашающимися с Учением, но действенными творцами в выполнении начертаний», – призывала Елена Ивановна Рерих.

Были среди моих посетителей и москвичи-кришнаиты. Они знакомили меня с основами своего Учения – давали книги, приносили магнитофонные записи Богослужений.

Внимательно я прочитал и данную ими «Книгу индийского мышления», написанную их Учителем Свами Прабхупадой, и его же «Вне времени и пространства». Мне нравилось, как они восхваляли Кришну, как чисто и искренно были преданы Ему. Нравилась чистота их жизни и самоотверженность служения.

Я понимал своих гостей вполне, поскольку еще в лагерях ознакомился с «Бхагавад-Гитой».

«Всей душой приветствую ваше устремление, – писал я одному из миссионеров. – Побольше бы таких преданных и телом, и душой, и духом. Но Господь Един. И все Пути, какие бы ни были они, ведут к Нему. Под множеством человеческих наименований – одна и та же Сущность Единого. И для меня одинаково свят как Путь христианина, так и Путь кришнаита. Благо им, если они видят источник своего Света и не затаптывают ногами светляков, идущих рядом. Но печально, если человеческое неразумие возводит только свой путь, только свое понимание Господа в Абсолют, оплевывая все остальное. Я осознаю смысл ва-

ших задач и, если так можно сказать, представляю себе вашу Миссию. Но у меня несколько иной путь к Владыкам Мироздания. От всего сердца желаю и вам идти своим путем Светло и Чисто. Да хранит вас Кришна на путях ваших» (декабрь 1981).

Обо мне же ходили по Новосибирску разные домыслы. Говорили, в частности, что многие в городе интересуются йогой и антропософией, иглоукалыванием и массажем, гипнозом и эффектом Кирлиан, дзен-буддизмом и тантризмом. И все представители этих направлений как-то общаются между собой.

А вот этот Гаврилов стоит от всех в стороне – кустарь одиночка. И только узкий круг лиц соприкасается с ним. «Уж не сыроед ли он?» – делились догадками одни. «Не знаем, но, вроде, лечит наложением рук», – сплетничали другие. Однако, ни ложки гнуть взглядом, ни ожоги вызывать на теле, ни шаги глотать, ни лечить наложением рук я не стремился. Но каждому было открыто сердце мое – входи, стучащийся. Щами жирными не накормлю и плова не будет, но чая стакан и бутерброд утолит голод путника.

Чудо же само рождалось в каждодневности обихода. Заболевал, например, маленький Светик (теперь-то – большой ростом Святослав) – температура там у него, простуда или еще какая-нибудь напасть. Тогда на ночь я клал его с собой в постель. А утром он уже бегал, играл, катался по комнате на велосипеде. Любил и со мной посидеть рядом, когда горела в комнате свеча и играла духовная музыка. Тихо-тихо сидел, будто и не было его в комнате.

Теперь же, если заболевал маленький Севочка, то и его я брал с собой на ночь в постель, или перед сном носил на руках. Он же положит голову мне на плечо, да сам и поет колыбельную, пока не заснет. Утром, смотришь, опять вприпрыжку носится по квартире. В таких случаях он, обычно, говорил, что «у меня, папа, настроение, поплюсилось» – поправился, значит.

Постепенно и Павел Федорович выходил из болезни, длящейся уже более года. И хотя после паралича его рука действовала еще неважно и тело было недостаточно послушно, он, тем не менее, уже на час или два в день снова подсаживался к письменному столу и продолжал работу над «Духовной биографией». Готовился Павел Федорович и к встрече со Святославом Николаевичем, планировал поездку в Болгарию.

Мне же особенно хотелось вновь побывать в Козе-Ууэмыйза, снова увидеть своего земного Учителя, услышать его голос, побе-

седовать с ним или просто посидеть рядом.

В период моих переживаний о судьбе Павла Федоровича меня особенно поддерживали мои друзья Игорь Калинин и Петр Лабецкий. Тесно общаясь с ними по многим вопросам эзотеризма, я просто отдыхал душой, когда они были рядом – сильные и уверенные, одухотворенные мужчины, одним словом – сибиряки, на которых можно было положиться вполне во всем, что было для меня важным и значимым.

Каждый из нас шел своей дорогой и, в то же время, как могли, мы поддерживали друг друга на ее порою неожиданных ухабах и поворотах. И как правило, именно в семьях возникали вдруг такие ухабы у пытающихся жить не в русле общепринятого обихода.

Много может человек пережить и вынести, если он «как все» – всем тяжело, ну и я потерплю немножко. Но кто же захочет каждый день жить рядом с полем «рентгеновских излучений», например.

И на память приходят Евангельские строки:

Я пришел разделить человека с отцом его,
и дочь с матерью ее.
И враги человеку – домашние его.

И вот это последнее, воистину, так. Если нет в семье общего духовного стержня – семья начинает трещать по всем бытовым швам.

– Я тебя не трогаю и ты не лезь ко мне со своими дурацкими идеями, – борется одна половина с другой за сохранение исконно выбранных для себя прав – привычек, комфорта и развлечений.

– Да ты же ненормальный! Все книги твои порву, – напрягаются отношения у других.

– Только ради ребенка и живу с тобой, – струной натянулись отношения у третьих.

Яростно сопротивляется окружающая среда, если духовно устремленный человек вдруг решил выскочить из нее. Тогда виснет эта среда на его плечах и руках, не давая ему и шаг шагнуть в сторону Надземного Света.

Вот и у одного моего знакомого сложно в семье. Шутка ли – трехкомнатная квартира, места навалом, а он свой сокровенный «кабинет» устроил в стенном шкафу в коридоре. Узенькие полочки там сделал для книг (ксерокопии, фотокопии, малогабаритные издания), пристроил стол-пяточок в уголок, табуреточку махонькую. Залезет туда, зажжет лампочку или свечу – и дышит воздухом духовной свободы. Таких условий бытия у меня даже в лагерных карцерах не

было. Но, может быть, здесь я и ошибаюсь. Скорее всего, таким образом этот мой знакомый в то время просто подальше убирал от посторонних глаз свою «нелегальную литературу». Знал я «приятелей», которые еще и в дом не успеют войти, а уже начинают шарить по всем его углам и полкам – «нет ли там чего-нибудь поджаристо интересенького».

У другого моего друга, рассудительного, заботливого и любящего отца, – семья не сложилась. Оказался он не «французом», не «альфонсом» – обычный книжник:

– Да пошел ты со своей макулатурой.

А следующий соратник по духу – совсем у жены отбился от рук. «Как было хорошо, – думала она, – был мужик как мужик, бутылочку в праздник можно было раскупорить с ним, телевизор в обнимку посмотреть, туда да сюда по гостям пройтись, а теперь – читает, читает, читает... – дурак ненормальный».

Почему-то супруги друг друга реально и не представляют совсем. Может быть, действительно, собственного мужа в домашнем халате женщина не может считать иначе, как только частью своей косметички, а общую с ним постель – как удобное зеркало в своей сумочке.

Защищаясь от нового, человеку кажется, что он горой стоит за общее благо, но большей частью за этой яростной «борьбой» скрывается лишь защита своего чисто бытового интереса. Поэтому для сохранения и единения семьи общая для всех ее сочленов духовная вибрация крайне необходима.

Помню еще в Таллинне, когда я только начал соприкоснуться с Учением Живой Этики, когда брал у Николая Речкина, а потом и у Павла Федоровича первые книги на эту тему, я, понимая, что женщинам недосуг читать все это, да и желания особого нет у них, сам читал жене целые фрагменты из многих книг, заинтересовавших меня, – на кухне, когда она готовила, в комнате, когда занималась домашними делами, или на совместной прогулке, с тогда еще совсем маленьким Святославом, рассказывал ей о наиболее интересном и значимом в прочитанных мною книгах.

– Вот, послушай, что пишет Клизовский, – говорил я ей.

– Как здесь здорово сказано в книге «Озарение», – обращал я внимание жены в следующий раз.

А в Новосибирске Галя уже сама внимательно читала «Тайную Доктрину» Блаватской, которую и мужики-то с трудом осваивали. До сих пор у меня хранятся сделанные ею выписки из этой книги. Когда

же Игорь Калинин дал нам рукописные конспекты книги Б.Л. Смирнова «Мистерии года» – известного индолога и переводчика с санскрита знаменитой «Махабхараты», то Галя эти конспекты, а их было пять тетрадок, дополнила своими десятью тетрадками, сделав еще выписки из ксерокопии книги Смирнова, в которой проводился анализ мистерий различных религий, сопоставленный с единой Мистерией движения Солнца по Зодиаку.

«Все религии культурных народов – читаю законспектированное ею тогда, – так или иначе связывают свой ритуал с годовым солнечным циклом. В различных религиях связь годового солнечного цикла с годовым богослужебным циклом выражена не с одинаковой ясностью. Нет надобности углубляться в этот вопрос, поскольку и без того очевиден особо выраженный параллелизм в религиях Озириса и Кришны. Христианство, органически претворив и синтезировав древние великие религии, в частности, религии Осириса, Адониса, Диониса и Митры, восприняло и параллелизм их астрального, в частности, солнечного и культового циклов. Все великие (двунадесятые) праздники Христианства, например, можно легко связать с зодиакальным положением Солнца, причем пребывание Солнца в двух координатных точках эклиптики (точке зимнего солнцестояния и весеннего равноденствия) отмечаются двумя самыми великими праздниками – Рождеством и Воскресением Христовым».

А сколько гостей бывало в нашей новосибирской квартире, когда днем, например, я разбирал с Олегом Лысковым непонятные ему места из «Агни-Йоги», а вечером отвечал на вопросы Игоря Гельмана по книге «Зов». Через несколько дней Владимира Слободанюка знакомил с «Письмами Елены Рерих», за ним – Наташа Егорова пришла, и читали написанные ею стихи. Потом, смотрит жена, в субботу с какой-то молоденькой девушкой муж в своей комнате беседует час или два. То, вдруг, в платочке зачистила какая-то к нему из церкви. Через неделю – Анну из Кемерово встречает, через другую – кого-то на Алтай провожает. Или после работы дела у него – с кем-то встреча на чьей-то квартире. Или поехал к Ключниковым, или – в Клуб книголюбов, или – в Дом ученых.

Какой же женщине понравится такой «проходной двор» в ее доме и такие мужнины «посиделки» с чужими для нее людьми, и поездки его неизвестно куда. Галя терпела, вероятно, многое, что не

нравилось ей, но все же давала мне возможность общения с моими единомышленниками и им не мешала встречаться со мной. Для мужчины, занятого «своим делом», такая жена – находка.

И хотя годы спустя многое изменилось между нами, но до сих пор на стене ее комнаты, помимо репродукций с икон, есть и портрет Елены Рерих. И через этот портрет Галя обращается и советуется с ней в трудные для себя периоды жизни. «Иконы – хорошо, – говорила она, – но Елена Ивановна мне ближе».

Понемногу идеи Живой Этики стали входить и в нашу общественную повседневность. Так или иначе, но эти идеи уже начинали звучать на всю страну в таких, например, кинофильмах, как «Через тернии к звездам», «Синяя птица», «Молчание доктора Ивенса», «Солярис», «Сталкер», «Петля Ориона». Звучали они и в произведениях «Барьер», «Гадкие лебеди» и других. К этому времени уже были опубликованы книги «Николай Рерих. Письмена» (В. Сидоров, 1974), «Жизнь и творчество» (Сб. ст. о Н.К. Рерихе, 1978), «Зажигайте сердца» (Н. Рерих, 1978), «Избранное» (Н.К. Рерих, 1979). Журналы стали предоставлять свои страницы для обсуждения проблем сверхфизического существования человека, о передаче им мыслей на большие расстояния, о лечении наложением рук. Ученые серьезно занялись изучением энергетических излучений (ауры) как отдельных частей, так и всего организма растений, животных и человека. И я надеюсь, что придет время, когда мир земной и мир Надземный станут для человечества единым Миром, в котором каждый из нас осознанно, с надежной и любовью вслед за псалмопевцем Давидом произнесет:

Без Тебя, Боже, одинок и бессилён я.
Вне Тебя, Господи, я ничто –
Распыляюсь и исчезаю я.
Из Бездн взываю к Тебе –
Веди меня какими волишь Путиами.

Как-то читая «Слова и речи» митрополита Николая, я нашел очень созвучное моему сердцу:

«Господь Спаситель сказал: «Пребудьте во Мне, и Я в вас». В этом вся сущность христианства, в этом цель и крещения нашего, в этом цель нашей жизни».

В период 1981 года, в поисках своего подхода к церкви Христовой, помимо Библии и ее Нового Завета меня интересовали и дру-

гие источники, описывающие земную жизнь Иисуса Христа. Особенно же притягивали разного рода исторические документы. И Павел Федорович, как я уже отмечал, очень помог в этом, выслав мне «Палестинский сборник. Литературные памятники Кумранской общины» (Л.1979).

Разумеется, я переснял этот сборник, прибавив тем самым в свой архив еще одну толстую «фотокнигу», на первом листе которой видна даже печать – «Из книг Беликовых, отд. Б, №363». Затем появилась и «фотокнига» «Апокрифы древних христиан», которая у нас официально вышла только в 1989 году.

Попала в руки и монография Амброджо Дониони «У истоков христианства» (М.,1979). Дошла очередь и до чтения очень своеобразного трехтомника Николая Морозова «Христос» (Л.,1924), фотокопия которого была сделана с книги, данной мне Ларисой Петиной. Более внимательно начал я просматривать его же книгу «Откровение в грозе и буре. История возникновения апокалипсиса» (СПб.,1907).

Из этого обилия литературы «Палестинский сборник» заинтересовал меня больше всего. В нем приводились манускрипты Хирбет-Кумрана и Айн-Фешхи в которых было много указаний о жившем на границе летоисчислений Учителе Праведности или, как его еще называли, – Учителе Справедливости, возглавлявшем общину ессеев.

Ученые обнаружили много общего между этим Учителем и Иисусом Христом в их проповеди любви к ближнему и целомудрии, в ритуальных очищениях и омовениях, в общих трапезах с преломлением хлеба и употреблением вина (виноградного сока), напоминавших Тайную вечерю учеников с Иисусом Христом.

В книге говорилось об отказе Учителя Праведности, как и Иисуса Христа, от собственности, об отрицании рабства и кровавых жертвоприношений.

Здесь есть также призывы следовать законам Моисея в их первоначальной чистоте и разрыв с храмовым культом, вражда Учителя со священнослужителями Иерусалимского Храма и его первосвященником, предсказание гибели Иерусалима за преследование Учителя Праведности, его осуждение, а затем и казнь.

Учитель Праведности умер, по подсчетам кумратологов, в 65–63 годах до нашей эры, а Иисус Христос – около 30 года нашей эры.

Проводил я аналогии и между принципами, исповедуемыми Учителем Праведности в Кумране и Сергием Радонежским в России.

Как писал академик В.О. Ключевский:

«Во всей обители чуялся скрытый огонь, который без искр и вспышек обнаруживался животельной теплотой, обдававшей всякого, кто вступал в эту атмосферу труда, мысли и молитвы. Мир видел все это и уходил ободренный и освеженный».

После 1000-летия царствования на Руси церкви Христовой, хочется вместе с Николаем Рерихом воскликнуть:

«Где же оно – «Не убий»? где же оно – «Не укради»? где же оно – «Не прелюбы сотвори»? где же исполнение и всех прочих протых и ясно звучащих основ Бытия?»²⁹.

«Не без горечи сообщаю, что мне пришлось оставить Архангельск и улететь восвояси, – доверительно писал мой солагерник и многолетний друг Олег Сенин о поисках своего пути к Православию. – Три с лишним месяца при епископе (послушником и иподиаконом) многое мне дали. В чем-то я еще более уверился, а в чем-то отступил от своих первоначальных представлений. Непреложно одно – при истовом и искреннем служении Господу всякий смертный облекается в подобие образа Христова, становясь носителем духа и истины в той мере, в какой он дерзает и обладает способностью к вмещению Божества в себе. Состояние же теперешнего православия плачевно. Золотую форму его почти оставил дух чистоты и бескорыстного служения (март 1981).

Дорогой Друг, 15 мая 1982 года ушел от нас Павел Федорович Беликов. Вспоминая Павла Федоровича, хочу отметить, что никогда после при всех моих непростых жизненных обстоятельствах не довелось мне встретить человека более чуткого, более отзывчивого и более бескорыстного в отношениях с окружающими его людьми – настоящего священника нового времени, настоящего посвященного Новой Эпохи, уже начавшейся для человечества.

Моя переписка с Павлом Федоровичем – целая страница жизни. Он рассеивал мои сомнения, ободрял в промахах и неудачах, терпеливо и ненавязчиво корректировал мой жизненный путь. Подробно и по существу я получал от него ответы на все, может быть, иногда и наивные вопросы, перечитывая которые мне становится неловко за то, что я отрывал его от той громадной работы, которую он вел в деле пропаганды, утверждения и сохранения философского, творческого и научного наследия Рерихов.

Воистину, Павел Федорович Беликов – один из значительнейших апостолов Учения Живой Этики.

В Учении Живой Этики – в Духе и Истине снизошел Свет Христов на землю не только России, но и всего земного мира. Но никто ничего замечать не хочет – все та же «суета сует и всякая суета»³⁰.

Но XX веков назад никто не заметил и Пришествие Иисуса. Да и кто, по здравому-то смыслу, мог заметить родившегося буквально на дороге, в хлеву, среди незнакомых людей. До сих пор церкви не могут договориться как о единой дате Его рождения, так и дате Его Светлого Воскресения. Истории Великих Учителей их дальние последователи превращают в легенды, из-за чего реальное воплощение того или иного Вселенского Учителя теряет всякий практический смысл. Библейские пророки и ясновидцы только и делали, что ожидали и предсказывали воплощение Мессии, конкретизировали и место, и время этого воплощения.

И вот Свершилось – не узнали, не приняли, отвергли, распяли. Не Иуда предал, а священство руками Иуды предало его кесарю, чтобы никто не мешал их благоустроенной, ритуально отработанной до мелочей религии держать в повиновении своих сородичей.

И лишь потом – по крохам, по каплям, один там, другой здесь, по углам и катакомбам – ученики в тайне собрали фактический материал о жизни и деятельности своего Небесного Учителя.

И эти же ученики не только сохранили Его Наследие, но и литературно оформили. Но потребовалось еще несколько столетий, прежде чем зримо – на государственном уровне – обозначилась Церковь, на щите которой уже гласно было начертано Имя Иисуса Христа. Но и здесь из того, что было собрано и изучено об Иисусе Христе, лишь четыре Евангелия, как Магический Камень, легли в основание новой и теперь уже государственной Религии.

Последние же находки рукописей Кумранской общины у Мертвого моря (II в до н.э.– I в. н.э.) до сих пор являются камнем преткновения в толковании их как между церквями, так и между религией и наукой.

Но разве Христос пришел к нам не с новыми нормами этики для человечества: «Заповедь новую даю вам».

Именно это Новое и не было принято изжившим себя старым самосознанием церковнослужителей. Сейчас, как и в первые века христианства, Живая Этика – как Заповедь новая – также только обустроивается в нашем сознании, неспособном еще целостно принять и охватить то, что предложено ему. Отсюда – раздроблен-

ность, шатания и примитивизм среди последователей данного ныне Учения Света.

И как XX веков назад, церковь Христова и сегодня первая поднимает свой иерофантический жезл против нового Младенца.

Исторический опыт показывает, что нужно еще 200–300 лет, чтобы Учение Живой Этики прочно вошло в наше обновленное сознание, поскольку «не вливают вина молодого в мехи ветхие».

Затем обновится и Церковь – и признает «Сошествие Духа Святого» на новых апостолов Христа Жизнодавца.

В этот период времени мои духовные искания шаг за шагом привели к тому, что моя «гуманитарная» новосибирская жизнь стала все больше и больше вступать в противоречие с основной работой на вычислительных центрах.

И в ноябре 1981 года, собрав в папочку гуманитарные «граммоты» и «дипломы», газетные статьи и кое-какие «регалии», я вышел из дома, свернул направо, прошел через арку двора и оказался прямо у центрального входа во Дворец культуры и техники им. В. П. Чкалова, который был также близок от нашего дома, как и дом Николая Речкина в Таллинне. После непродолжительной беседы с директором Дворца культуры я был принят заведующим отделом по культурно-массовой работе.

Наконец-то, расставшись с «железом», я с упоением и творческим энтузиазмом углубился в написание сценариев для всякого рода заводских праздников и вечеров.

Особенно нравилось мне проводить творческие встречи с интересными людьми города, благодаря которым у меня возникали новые знакомства и новое духовное сотрудничество.

Среди этих интересных, талантливых и незаурядных людей следует упомянуть, например, поэтессу Елизавету Константиновну Стюарт. В стихотворении «В зимнем Академгородке» она писала:

Здесь столько сложностей – в открытиях,
Идеях, вкусах и борьбе,
В исканьях истин, даже в быте
И в человеческой судьбе.
Возможности – и невозможность.
И кто-то счастье проглядел.
И всюду сложность, сложность, сложность,
Как непреложность и удел.
Но каждому в окне морозном,
Как в обещанье – «помогу», –

Есть просто белые березы
На просто голубом снегу.

На вечерах встреч с писателями я сблизился с Юрием Михайловичем Магалифом. До сих пор зримо представляю себе наши беседы за чашкой чая в его гостеприимном и очень уютном доме, в его просторном кабинете, в котором не прижатый к стене, а в свободном пространстве стоял большой рабочий стол писателя. А на полу – темно синий, как вечернее небо, палас. Проникнувшись доверием к нему, я дал Юрию Михайловичу на рецензию рукопись книги о тюрьмах и лагерях, с предварительным названием «Зона».

Благодаря моей новой работе, возникла и далее развивалась переписка с Марией Васильевной Сербегешевой, директором Дома культуры г. Мыски (Кемеровская обл.). Это была энергичная и знающая свое дело женщина. Копна бархатно-черных волос обрамляла ее загорелое лицо, которое делали очаровательным темнокarie глаза и в меру припухшие губы. Особенно же меня поражала певучесть ее речи и нежданно глубокий голос, которые гармонично дополнялись какой-то царственной пластикой движений.

Дорогой Друг, я описал так подробно облик Марии Васильевны лишь для того, чтобы отметить, какое все же странное воздействие на мужчин оказывает женская красота, особенно, если они (мужчины) увлекаются литературой или поэзией, рисуют что-то там или просто мечтают, устремив взор в потолок или в кружку пива.

Тогда, еще и не зная ничего толком о заинтересовавшем их предмете, таким мужчинам свойственно, отталкиваясь всего лишь от необычного изгиба женских бровей или губ, от блеска глаз или плавной линии тела, впадать в эйфорию или в экстаз любовного очарования, наделяя носительниц этих линий совершенствами, какие только взбредут в воспаленные мужские головы. И далее – неизбежно следует безоглядное устремление мужчины, но уже совершенно без головы, за своим же воображением, за этой мистикой нашего бытия, нежданно берущей свое начало неизвестно откуда и также исчезающей неизвестно куда. При этом бегущие за химерой еще и лепечут непрестанно нелепые стишки вроде этих:

«И от зари и до зари тоскую, мучусь, сетую.
Допой же мне, договори ту песню недопетую...»
И от костра одна зола. Всё душу растревожило.
Со мной бы милая была – мое бы сердце ожило.
А так – одна тоска и грусть, что колокольни звонница.
Эх, кабы руки протянуть да до волос дотронуться,

Коснуться рдяных губ и плеч, осыпать ее розами,
Да в росную траву увлечь за белыми березами.
Но кони унесли ее за степи и за просеки.
Кабы желание мое, я все на свете бросил бы –
И в степь за нею поскакал, рванув рубаху алую...
Да кто-то крепко привязал мою кобылку бравую.
И плеть забросил за овин, уздечку спрятал в погребе.
И в сумерках брожу один, и сердцем будто обмер я.
И от зари и до зари тоскую, мучусь, сетую.
Допой же мне, договори ту песню недопетую...

И когда от этой любовной мистики мужчина вдруг возвращается в мир окружающих его реалий, то искренно удивляется – а куда же делись все эти линии и изгибы? Но дело уже сделано. И как говорил известный писатель Михаил Жванецкий: «Одно неловкое движение – и вы отец». Зная эту мужскую слабость, женщины в полной мере используют ее в своих целях, резонно полагая, что для продолжения рода достаточно, чтобы мужчина, в общем-то, лишь бы чуть-чуть был благообразнее обезьяны – хотя бы без шерсти.

В феврале 1983 года меня перевели заведующим отделом в Межсоюзный Дом самодеятельного творчества, а через месяц отправили в Ленинград на курсы повышения квалификации. Среди многих культработников, приехавших с разных городов страны, выделялась широтой взглядов Светлана Рехвиашвили из Нальчика (Кабардино-Балкария). Мы обменялись адресами.

«Светлана, здравствуй, – отвечал я Светлане Андреевне на одно из ее писем. – Сейчас у нас холодно, но в тот день, когда ты писала мне (19 мая), была жара – 28 градусов. И все сразу сбросили с себя одежды – оголили тела и сердца навстречу животворящим лучам солнца. Видно, сердце твое направило к нам сюда, в далекий и суровый сибирский край, гигантский шар тепла и света от южного неба, южного солнца, южного сердца. И все звенело у нас в этот день, наливаясь радостью и свежестью. И в обеденный перерыв я вышел к березам, в роуц, расположенную рядом с нашим Межсоюзным Домом.

Первые робкие травинки уже проглядывали сквозь черноту земли, оживотворяя ее зеленым цветом надежды. Березы как бы очистились от весеннего изморози и еще больше отливали белизной под ярким солнцем. Они стояли притихшие, задумчивые в своей готовности вот-вот прорвать набухшие почки и излиться

нежностью листа, ароматом рождения новой жизни, нового откровения. Вдруг между березами я заметил твое платье. Ты то удалялась, то приближалась – призрачная и реальная. Потом подошла ко мне и спросила:

– Куда ты идешь?

– Я не знаю, куда иду. И не знаю, где мой Путь, – ответил я нереальной реальности. – Но, все равно, – пойдём со мной в дальнюю Дорогу.

– Пойдем, – ответил ветер.

И ты согласилась с ветром. Солнце улыбалось нам. И мы улыбались солнцу. Но вдруг ты стала лучиком этого солнца и спряталась в нем. И когда ты спряталась в нем – в своем Вечном Доме, я пошел по тропинке сквера к своему земному дому. Проходя мимо скамейки, я увидел детей, которые резвились в песочнице со своими игрушками. Их же мама совершенно на детские игрушки не обращала внимания. Она была занята взрослыми игрушками – что-то, отрешенная от всего, вязала. Она пребывала в мире петель и узоров, рукавичков и спинок, в мире – таком далеком от меня и таком непонятном.

Воистину, – подумал я, – каждый живет в своем маленьком мирке. И сколько людей, столько и субъективных мирков, рьяно претендующих на объективность. Иногда эти мирки сталкиваются, словно атомные ядра, но почти никогда не сливаются в один мир для двоих. Разве что пламя любви соединит части двух сфер в один эллипсис, да и то ненадолго. Так и живем – у каждого свой игрушечный мир. У детей и у взрослых. Но ведь дети же оставляют иногда свои игрушки, понимая внезапно, что они уже не дети. Иногда и взрослый говорит о другом взрослом: «Он еще ребенок – все еще играет в игрушки». Как дети, так и взрослые иногда понимают, что игрушки – это игрушки, что они не настоящая жизнь, и он, взрослый, уже готов к настоящей жизни...

Просматривая на скамеечке газеты, я вдруг обнаружил:

«Знаете, в народе говорят – лучше зажечь маленькую свечку, чем проклинать тьму... Ты должен думать также о том, чтобы, когда ты потухнешь, вокруг тебя или хотя бы на том кро-

шечном клочке земли, на котором стоишь, не воцарилась тьма». Удивительные слова.

И сказал их удивительный человек – Чабуа Амиреджиби. Одним махом я прочитал большую статью с его размышлениями.

«Он, человек, ведет великую войну только с самим собой, – читал я дальше. – И нет в жизни ничего, что способно изменить лицо и смысл этой великой войны... Предъявлять строгие требования прежде всего к самому себе – только через это можно изменить и других людей, и условия, я имею в виду нравственные условия, от которых в конечном счете все зависит... Ведь у каждого есть своя миссия в истории... Каждый выбирает ту крепость, которую хочет взять. Для одного это соперник, наделенный дарованиями большими, чем он, и гонимый тщеславием, он тратит все свои духовные силы на то, чтобы побороть этого соперника... Но есть и другие – цвет человечества, и они осаждают и штурмуют единственную крепость – собственную личность». Я думаю, Света, что такие люди не играют в игрушки, они не ищут ни славы, ни богатства, а преследуют лишь один Идеал – уподобиться когда-нибудь своему Небесному Учителю, частью которого мы все являемся.

Прочитав газету, я побрел дальше – по пыльным улицам к дому. Мимо проходили человечки с пьяными и обшарпанными физиономиями, безразличные лица и очень мало лиц одухотворенных. Много толпилось людей на улице.

Но было пусто – сумрак в глазах и туман в сердцах...

Вот ушел Павел Федорович – мой земной Учитель. Над моим рабочим столом его фотография. Иногда я обращаюсь к ней за советом. Я просто смотрю в его доброе лицо – и приходит решение. Земной Учитель – ни что иное, как окно. И Павел Федорович помог мне открыть окно в мой же духовный Мир.

Если ты также ищешь свое Окно, тогда найди того, за кем можешь броситься в Неизвестное. Без этого невозможно Высшее Достижение.

В повести «Пламя» Николай Рерих писал: «Мы окружены чудесами, но, слепые, не видим их. Мы наполнены возможностями, но, темные, не знаем их. Придите. Берите. Стройте»...

Не обижайся, Друг мой, что письмо мое напечатано, хотя ты и говорила, что любишь письма, написанные пером. Я ручкой уже давно не пишу – привык к машинке. Но уверяю Тебя, все звучание моей души на этих листках. Не привязывайся к физическому – лети к духовному» (май 1983).

На новой «культурной» работе, помимо сценариев для творческих вечеров, продолжал я баловаться и лирикой.

Для сотрудницы отдела, навеянные клубами дыма от ее сигареты, вышли, например, неожиданные строчки:

За столом среди бумаг и дыма
Ты о чем-то долго говорила.
Нет – не о любви, не о природе,
И совсем не о плохой погоде.
Просто – говорила о делах.
И твой облик ясен был и светел.
Но печаль какую-то в глазах
Я совсем нечаянно заметил.
И хотелось мне спросить тебя:
– Где же ты находишься душою?
Почему с тобою говоря,
Я сижу с тобой и не с тобой?..
За столом среди бумаг и дыма,
Отрешенная, ты медленно курила...

Или вот такие сюжеты появлялись в воображении:

Я не верю твоим словам.
Твоим хлестким словам – не верю...
Я поверил твоим глазам –
Их мерцающим акварелям.
В темноте полуночи они
И доверчивы, и безрассудны.
Обними же меня, обними
И свои позабудь пересуды.
Я не верю пустому их вздору.
Я мертвящим фразам не верю.
Но от пальцев твоих я вздрогну.
От груди твоей захмелею.
Я растаю в твоих объятьях.
В поцелуях твоих замру я.
О, как сладостно было знать их –
Эти возгласы поцелуя.
Я поверил... А что в словах?
Кроме холода рассуждений –

В них зимы ледящий прах
И потухшие акварели.

Но когда я работал еще в Доме культуры и техники, это самое стихоплетство чуть не стоило мне должности. Был у директора день рождения. Собрались у него дома начальники отделов и их сотрудники. Цветы, поздравления. И я с неумытым рылом – с «поэмой» к новорожденному. Ну, вручил бы тихонько под столом – как адрес в раскрашенной папке. Так нет. Дура-ак – возьми вслух, да и зачитай – при всех-то. Кто за язык ташил. Вот и все так у меня в жизни: только наладится что-то, ан нет – какая-нибудь колдобина и попадет под ногу. Тут вот, этот стих-поэма и попалась.

Ах Ты, гой еси, добрый молодец,
Николай, Ты сын Афанасия.
Раззудись плечом, да махни рукой,
Да надень скорей сапоги свои,
Сапоги свои с микропоркою.
И штаны надень ты техасские,
Подпояшь ты их ремнем кожаным.
Ремнем кожаным да узорчатым.
И суконную робу белую
На себя надень дефицитную.
Робу белую в клетку крупную.
В клетку крупную да с горошиком.
По рукавчикам порасшитую,
По груди по всей пораскрашену.
Оберни скорей, добрый молодец,
Ты Никола, сын Афанасия,
Шею белую да умытую
Голубой тесьмой в красну крапинку.
И кафтан накинь ты поверх ее
Из муравленой из синтетики.
И колпак надень на кудрявую
Ты на буйную на головушку.
Расписной колпак с нитью шелковой,
С нитью шелковой со рисуночком.
На плечо накинь на широкое
Шубу новую да дубленую.
И на двор иди о семи верстах.
И дружину там Ты свою скликай
Да хоробрую, богатырскую,
Чтобы шли они и несли к столу
Всяку рыбину из заморских вод:
Щуку крупную, да карасиков,

Рыбу семжинку, да белужинку,
Осетринку чтоб не забыли бы...

И так далее на нескольких страницах – довольно остро. Было там и начальство повыше нашего. Оно и усмотрело крамолу. Все же понимали, откуда такое богатство на столе, – номенклатура-то жила (да и сейчас живет) в другом государстве, чем простой люд.

Ну пригласили тебя, простофилю, за стол – так ешь молча, не выступай.

Неловкое молчание кто-то загладил веселым тостом. А через неделю почувствовал я легкое давление на себя со стороны замдиректора – дородной женщины, привыкшей к «почету и уважению». Но благо, что Николай Афанасьевич был человек хороший и добрый, и не без юмора. Он и поставил все на должное место.

Помню, через несколько лет, когда я не работал уже во Дворце культуры, когда отпустил бородку, которая до неузнаваемости может изменить облик человека, проходя мимо Дворца, жил-то рядом, просто решил посмотреть – как там теперь дела.

Потянуло вдруг пройти за кулисы сцены и вдохнуть какой-то специфический аромат места, на котором живет все же творчество, а не чиновничье шарканье полуботинок и туфель.

Да и так соскучился я по веселому этому народу – культработникам, аж сердце защемило.

Посидел и в пустом зрительном зале, тишина которого для меня была наполнена звуками радости и отдохновения.

И пошел я из зала.

А директор Дворца навстречу – спешил куда-то. Столкнулись на лестнице – я вверх, а он – вниз спускался.

– Здравствуйте, Николай Афанасьевич, – я к нему. И руку протягиваю. А другой рукой сановито бороду поглаживаю.

– Здравствуйте, – ответил он настороженно, здороваясь со мной. Значит, не узнал он меня, – подумал я, и снова к нему с вопросом:

– Как у вас дела здесь? Спешите куда-то?

– Да нет, – ответил, приглядываясь. Все не мог он, видимо, понять: «Из министерства культуры? – вроде не видел такого. Может быть, из Москвы?»

– Планы культмассовых мероприятий по отделам составлены у вас только на месяц или на весь квартал? – продолжил я значительно и серьезно, раз уж так началось между нами.

– А почему на квартал? Никто не говорил, – забеспокоился он.

– Покажите, что у вас там? – вошел я в игру.

Он повернулся и пошел наверх – к своему кабинету, куда я и собирался зайти его проведать. Зашли. Я прямо рядом с его столом – в кресло. Он в стол – план искать. Там нет. Он в шкаф с папками.

– Вот, пожалуйста.

– Так, так, – стал я листать папку, не торопясь, а самого уже смех разбирает. – А у вас, вот, работала, помните, такая Татьяна Николаевна, запомятовал отчество. Года два назад. Она, что?

– Николаевна, да. Может быть, вы всех хотите заслушать? – и к пульту связи с кабинетами руку протянул.

– Да нет, спасибо, Николай Афанасьевич. Вы что – совсем не узнали меня?... – Потом мы долго смеялись. И он приглашал меня снова работать с ним.

– Вот приеду из отпуска, если приеду, тогда можно и вернуться к этому разговору. Место-то найдете, Николай Афанасьевич? Меньше чем вашим заместителем и не предлагайте, – пошутил я.

Разумеется, что в этот творчески бурный период моей «дворцовой» жизни общение с моими духовными друзьями не прекращалось. Постоянно я встречался с ними и обменивался письмами.

«Здравствуйте, Лёня и Таня. Очень признателен вам за приглашение посетить Киев и вашу Белую церковь.

Хотелось бы, конечно, побывать в Софийском Соборе, посмотреть, а если можно, то и потрогать руками и послушать сердцем выбитую на стенах его Алтаря Киевскую азбуку времен Ярослава Мудрого...

К сожалению, на это лето планы у меня несколько иные. Хочу побыть хотя бы месяц наедине с лесом, травой, с громадой синего неба, наедине с самим собой. Иногда имеет смысл остановить бег и оглядеться – туда ли ведет тропа, по которой идешь. После ухода Павла Федоровича это мне особенно необходимо. Так что ни в Таллинне, ни в Ленинграде, ни в Риге, ни в Киеве, как предполагалось ранее, побывать не придется.

Сердце подсказывает мне в это лето побыть одному...

Посылаю вам две свои статьи, обещанные ранее: «Четырехмерный мир и проблемы уфологии» и «Волны мысли и ноосфера». Они для вас. Думаю, что распространять их пока не следует. Во многом они еще сыроваты и для широкой аудитории не подходят. Сказку для взрослых «Сердце огненное», которую я вам по-

казывал, писатели-профессионалы раскритиковали, и я с ними согласен... Пишите. Отговорка, что «нет времени» – несерьезна. Нет необходимости – другое дело. Когда же нам что-то действительно дорого, время всегда найдется.

Я же вполне извиняю любое молчание, не забывая в то же время о вашем существовании» (июль 1982).

«Добрый день, Сережа, – отвечал я очередному корреспонденту. – Чендек и Верхний Уймон хотят посетить в это лето мои хорошие знакомые: Саша Зимин и Лена Кухтова. Они по-своему интересные люди. Приютите их ненадолго, покажите Верхне-Уймонский Музей. Пусть они побродят у вас по чистому алтайскому приволью. О вашем же приглашении постоянно помню, и при случае воспользуюсь непременно. И вы, если будете в Новосибирске, заходите к нам запросто...

Несколько слов относительно арканологии в связи с вашим письмом. Освоение космической символики чрезвычайно затруднено из-за той дифференциации, которой она подвергается, проходя различные слои эпох, культур, традиций и уровней человеческого сознания. И если вы хотите серьезно заняться космическим символизмом, то надо приучить себя замечать его проявления во всем, что нас окружает – в слове и жесте, во всех встречах дня, во всех проявлениях окружающей вас природы.

Мир постоянно говорит с нами, но своим языком. Это весьма непростой язык цвета и звука, аромата и ритма, которые недоступны нашему физическому восприятию. Именно на таком языке и даются человечеству великие Откровения космоса. В малом Знаке природы нужно уметь увидеть, например, ее «предложение», в большом Знаке надо уметь почувствовать целый «рассказ» природы о себе. Это прекрасный путь живого творчества и живого созерцания.

Желаю вам не легкого, а именно трудного успеха на этом пути. Все легкое, как правило, невесомо. Все не пропущенное через сердце остается для нас лишь абстракцией и не живет, а только мертвым грузом лежит в сознании...» (июль 1982).

«Лёня и Танечка, – вновь писал я в Белую церковь, – в прошлом письме я упоминал о том, что в ряду человеческих воплощений

одна земная жизнь – лишь несколько недель в череде воплощений. Отсюда надо и исходить при оценке своих достижений...

Лёня, сейчас вы пишете диссертацию по иммунологии. Но на много ли она продвинется за неделю? Малая крупица прибавится по сравнению со всей работой над ней.

Теперь представьте себе что диссертация – это человеческая жизнь, и просмотрите дальше эту аналогию. В ходе написания диссертации (в ходе человеческой жизни) какой-то добытый вами материал подойдет для нее, но может, однако, не понадобится в дальнейшем. Так вы копите лист за листом имеющийся у вас материал, поворачиваете его и так, и этак, примеряете – стоит ли его включать в окончательный текст. Да и сама исходная тема диссертации во время поисков и примерок материала к ней начинает совершенно по-новому звучать и по-новому восприниматься самим автором, чем это было в начале написания ее первой страницы. А это значит, что день ото дня молодой соискатель взрослеет (ребенок растет), и в этом взрослении его наивное детство постепенно переходит в умудренную зрелость – в духовное осознание им опыта жизни. Осознание своего опыта жизни особенно важно, поскольку он является очередной каплей в ту Великую Чашу, которая и определяет Вселенское Бытие Человека.

Даже если человек, завершая свой очередной земной путь, понял, что эту жизнь он потратил на фантом, на мыльный пузырь, то это понимание само по себе также ценно. В отрицательном опыте жизни есть существенный положительный момент – пройден, испытан и отвергнут путь, по которому в следующем физическом воплощении человек не пойдет, а инстинктивно будет искать иное решение еще не решенной им проблемы.

Поэтому хочу особо отметить, учат не столько книги, сколько пройденный своими ногами Путь жизни, построенный в силу своих способностей шалаши или Храмы.

Большинство же людей идут по жизни бессознательно, и учебником для них становится повторяющийся из жизни в жизнь тяжелый опыт собственных ошибок и заблуждений. Для человечества же в целом – это его опыт насилия, войн, безудержно-

го эгоизма, отрицание всего, что так или иначе не вписывается в обиход его кабинета или спальни, туалета или кухни, которыми, в данном случае, является вся Планета...

Вы правильно пишете, что в книге Валентина Сидорова «Семь дней в Гималаях» написаны такие вещи, о которых можно не услышать за всю свою жизнь. Но ведь Сидоров смог услышать.

Теперь же, после опубликования книги, многие увидели «вдруг» то, что годами безуспешно стучалось в их двери.

Но велика ли заслуга такого вторичного (разрешенного властями) понимания? Но, воистину, нужно и мужество, и устремление, и интуиция, чтобы самостоятельно увидеть восходящую сегодня ступень эволюции и, как на эскалатор, встать на нее...

Лёня, хорошо, если бы Таня стала вашим спутником жизни, а вы – ее. Таня учится на географическом. Попробуйте увязать вопросы иммунологии с проблемами населения земли и взаимопроникновения культур. Почему, например, не срабатывают защитные механизмы аборигенов – и они вымирают при завоевании их эгоистичными и безнравственными иноземцами?

Таня в этом могла бы квалифицированно помочь вам.

И возникло бы духовное созвучие между вами» (март 1983).

«Юрий Владимирович, – писал я Линнику в Петрозаводск. – Приветствую ваше начинание – написание романа. И, если я правильно понял, романа научно-фантастического, в котором будут отображены идеи Живой Этики. В отношении разыскиваемых вами книг из серии «Научной фантастики», в моей библиотеке имеются: «Человек-амфибия» А. Беляева, «Вирус В-13» М. Михеева, «Война с саламандрами» К. Чапека, «Золотой горшок» Э. Гофмана, «Человек-невидимка», «Война миров» и «Рассказы» Г. Уэллса. Любую из этих книг могу выслать вам для работы. Но хочу все же поделиться с вами своим мнением о научной фантастике, имея в виду ваше желание отобразить через нее идеи Учения...

Очень важно, чтобы в научно-фантастическом романе идеи Учения Живой Этики не воспринимались бы читателем, как очередные фантазии писателя, которые, как правило, никого ни к чему и не обязывают особо. Сам роман может быть интере-

сен по содержанию, сложен и современен по композиции, может захватить читателя необычностью сюжета, необыкновенной широтой мировосприятия писателя, но именно потому, что он «фантастический», даже если его действие разворачивается не в иных измерениях пространства, а на земле, – все это, после прочтения такого романа, не заставит читателя отойти от привычного ему образа жизни, от обыденных чувств и мыслей. «Да, интересная фантастика», – скажет он и, зевая, оденет халат и включит телевизор с очередным развлекательным шоу или с фильмом-ужасником, забыв уже завтра, о чем же он читал вчера в этой крутой книжке...

Действительно, очень сложно донести новое до сознания сегодняшнего уровня восприятия, донести так, чтобы сдвинуть это сознание и расширить, чтобы то, что человек прочитал, заставило бы его встряхнуться, остановиться на миг и задуматься о себе, о смысле своей жизни, о ее значимости. И в этом отношении, на мой взгляд, гораздо большего воздействия на читателя достигают не суперсовременные фантастические романы, а просто романы, просто повести, такие, например, как «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «Альтист Данилов» В. Орлова, «Самшитовый Лес» М. Анчарова, «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» Р. Баха, «Степной волк» Г. Гессе, «Барьер» и «Измерения» П. Вежинова, «Гадкие Лебеди» братьев Стругацких. Здесь все на земле, как бы в самой примитивной, самой обыденной обстановке, рядом с обыкновенными людьми и, в то же время, – отрыв от этой обыденности и примитива в Беспредельность, такую же реальную, как стол, за которым читатель ест, как стул, на котором он ежедневно сидит, как жена, с которой спит, ругается, которой изменяет и все-таки любит.

Как бы я хотел, чтобы именно такой роман был написан, написан талантливо и глубоко, в котором смысл Учения Живой Этики выявлялся бы рельефно, естественно и в высшей степени правдоподобно. На этом пути, может быть, и не надо собирать сборники и альманахи под грифом «НФ», которые неминуемо наложат отпечаток на ваш роман, а поискать решение в глубине сердца, найти новый путь воплощения замысла, какой-

то необычный ракурс, сквозь который идеи Живой Этики смогли бы быть представлены и просто, и высоко» (апрель 1983).

«Как все же затянулась эта ваша пневмония, – писал я заболевшему Александру Черепанову в Красноярск. – Однако надеюсь, что она вскоре пройдет. Согласен, что подошло время нового этапа вашей жизни, как вы пишете, этапа «углубления, прояснения и обобщения». Думаю, однако, что смысл этого этапа все же не в том, чтобы «учиться на малых отношениях, поступках, обращая внимание на более тонкие их показатели», хотя и этот момент нужно иметь в виду.

Ваше дело, как мне все более и более становится ясным, заключается в вашем творчестве. Какое было прекрасное начало в выступлении вашего хора на дне Учителя. То, что вы сказали об Учителе и ученике, – и глубоко, и правильно, и эмоционально насыщено. И именно здесь ваш голос звучал и высоко, и естественно. Вы были Учителем для тех, к кому обращались. И вот это состояние, в котором вы находились тогда, и есть ваше, и есть ваш Путь Жизни. Представьте себе – перед вами зал.

И вы говорите – темпераментно, искренно:

Учитель и ученик.
Какая гармония заложена в этих словах.
Какой вдохновенный ритм.
Учитель – как большой колокол,
С которым ищут созвучия малые колокола.
Учитель – как Солнце,
С которым ищут созвучия его Планеты.
И в этом вечном стремлении
Ученика и Учителя друг к другу
Заложена главная жизненная сила.
Ни с чем не сравнима Любовь и щедрость Учителя,
Давшего зерна Знания.
Велика Его Радость,
Когда Он видит стремление ученика
Познать Истину!

Вы чувствуете – это ритм, это стихи. И это ваш ритм, ваши стихи. Специально я выписал отдельно этот вдохновенный монолог, придав ему форму стиха, чтобы вы посмотрели на него со стороны. А дальше у вас – в исполнении хора стихи Тагора,

обрамленные музыкой. И вот за это, созданное вами, большой вам поклон. Именно в такой работе – ваша стихия, ваше предназначение. А ваша запись на радио цикла сочинений Бориса Лисицына? Так и звучат во мне ваши слова, сказанные перед началом цикла. Тот же ритм, что и в аккорде «Учитель и ученик», то же горящее и зажигающее вдохновение, накал души, накал устремления. Хороша и задумка выступить по радио с композицией на темы Живой Этики, с использованием материалов из жизни выдающихся людей, с использованием духовной музыки разных эпох.

Думаю, что вам была бы по силам и пьеса Н.К. Рериха «Милосердие», опубликованная впервые. Хорошо бы ее поставить, как это виделось Рериху – в синтезе музыки и пластики, цвета и действия. Мистерия древних, поднятая до космического звучания настоящего. Посмотрите обязательно журнал «Советская драматургия» №1 за этот год. Если не достанете, я вам вышлю. Идите этой широкой дорогой – она ваша.

Все остальное уложится вдоль нее.

И, пожалуйста, если что неясно в книгах Учения, спрашивайте, не проявляя стеснения...» (июнь 1983).

Дорогой Друг, вечерами, в свободное от мирских игрищ время во Дворце культуры, а затем и в Межсоюзном Доме самодеятельного творчества, влекомый желанием понять и принять религию не только по книгам, но и реально – изнутри, я стал посещать православную церковь, стал присматриваться к ее ритуалам, к ее внутрицерковной жизни. Да и Сергей Радонежский, который в Живой Этике рассматривался, как нравственный светоч земли русской, был сочленом православной церкви, основоположником ее монастырского уклада. И это являлось дополнительным стимулом для моего движения к Храму. К тому же, были еще свежи в памяти мои лагерные мордовские и пермские сны.

Я шел по прекрасному городу, улицы которого были вымощены плитами разных цветов и оттенков. Необычайна была и архитектура зданий, окрашенных в светлые тона золотисто-желтого и голубого. По улицам в ниспадающих до земли хитонах двигались мужчины и женщины. Покрой их тканей был прост и изящен. И каждый из идущих знал, что это не столько улицы города, сколько пути жизни, по кото-

рым спускались они в низины мрака или, напротив, возносились к вершинам Света и Чистоты, Любви и Божественности.

Я вышел на широкий проспект, который сначала ниспадал вниз, а затем, повернув направо, устремлялся безудержно вверх. И там, на вершине, моему взору вдруг открылся величественный Храм. Чудесное звучание а капеллы нисходило оттуда. И я вошел под своды этого Храма. Восторг и упоение экстаза наполнили все мое существо.

Вскинув руки, я начал Молитву – великое Песнопение Господу.

И хор подхватил Хвалу Вседержителю.

Часто в новосибирском периоде жизни во мне звучали молитвой и меня поддерживали и укрепляли на избранном мною пути ясные и светлые слова из Учения Живой Этики:

Владыка, пошли Волю Твою, или дай, или возьми.
С Тобой вместе будем различать мои западни.
Вместе будем усматривать решения вчерашнего дня.
Сыт я сегодня, и Ты лучше меня знаешь
Количество пищи моей на завтра.
Не преступлю Волю Твою,
Ибо могу получить лишь из твоей Руки.

И наконец пришло время, когда я обратился с большим посланием к архиепископу Новосибирскому и Барнаульскому Гедеону, которое заканчивалось словами:

«Обращаясь к Вам, Владыка, прошу Вас принять меня в лоно церкви Христовой «как Христос принял нас во Славу Божию», ибо, как сказал митрополит Николай: «Быть в Нем – значит все силы, все свои чувства: зрение, слух, язык, руки – все это посвящать служению своему ближнему, все это отдать в Волю Божию, чтобы Она, Воля Божья, а не наша грешная, себялюбивая, всегда ко греху наклонная, господствовала в нашем сердце, чтобы Он Сам управлял нашей жизнью и вел по всем шагам нашего пути»... Прошу Вас, Владыка, не отказать в этой моей просьбе» (июнь 1983).

Стрелу золотую на бархатно-черный сменяй
Странника посох.
И символы молний замкни над крестом Зодиака
В белые сферы.
Сделав виток, на серебряный эллипсис входишь
Для вдохновений.

«Преосвященнейший Владыка, – писал я во втором послании архиепископу Гедеоу после краткой встречи с ним, – видимо не смог я донести до Вас то, что хотел сказать и о чем посоветоваться. Я почувствовал, что произошел диссонанс между тем впечатлением, которое оказало на Вас мое первое «послание» к Вам, и тем, как Вы восприняли и меня, и нашу беседу.

В одном фильме был интересный эпизод. В поезде везли раненых. Один из них постоянно просил воды и, порываясь встать, умолял: «Братишки! Воды – горю я, братишки». Иногда ему приносили стакан воды, но, в основном, глядя на его мощное тело и красное лицо, шутили: «Куда ты денешься с такой-то мордой – тебя и палкой не перешибешь».

Утром его нашли на постели мертвым. И притихли все, поняв вдруг, сколько глухого безразличия проявили к человеку, которому можно было как-то помочь. Нечто происходит и со мной...

За малой деталью жизни (по неведению вовремя не обвенчался) неужели не видно моего искреннего и истинного устремления к Господу?... Ваше Преосвященство, как к Посреднику между Господом и землей, я снова обращаюсь к вам: «Отче! прими меня в число наемников твоих».

Владыка, жизнь моя не была легкой и праздной. Трава-лебеда, простая вода и недостаток хлеба были основным рационом моего блокадного детства. И Господь сохранил в это лихолетье. Господь сохранил и тогда, когда влетел в квартиру снаряд, выбил окно, пролетел через дверь в кухню и там разорвался. Стены разворотило, но меня не тронуло и осколком. Не будем говорить о полуголодных и полураздетых послевоенных годах – они коснулись половины России. Но после 8-го класса, пройдя при температуре около 40° медицинскую комиссию при поступлении в летное училище, в этот же день я был на операционном столе. «Еще бы два часа, – сказала доктор отцу, – пришлось бы вам хоронить своего сына». Прорвавшийся аппендицит закрыл мне дорогу в небо. После военно-морского училища – тюрьмы и лагеря, а с ними – сердечная недостаточность и больницы. И лишь воздержание во всем привело к прекращению болезни. Всю свою жизнь не имел я ни лишнего рубля, ни лишней одежды. Стол,

стул, кровать и книги – вот все, что окружает меня в моем доме. Иконы и Крест Животворящий – мое богатство, а не золото и серебро, хрусталь да бархат. Заповеди Иисуса наполняют сердце мое, а не праздные увеселения и бесцельное времяпрепровождение. Но физическое воздержание – это же монашеская аскеза. Таков путь мой, Владыка, который и привел меня к порогу Вашей обители, поскольку сказано Им: «Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником»... Независимо от того, примете ли Вы меня в лоно церкви Христовой, позволите или нет быть пастырем овец Его стада, всегда будут звучать в сердце моем слова Великого Учителя: «Я есмь хлеб жизни; приходящий ко мне не будет алкать, а верующий в Меня не будет жаждать никогда». На Вашу премудрость уповаю, Владыка, памятуя, что «всякий просящий получает, а стучащемуся отворят» (июль 1983).

**Тропа Пути должна дышать озоном
Стремления ко мне. Не оступись –
На горном склоне обойди пороги.**

Собор был полон, но тишина почти звенела, отражаясь в его колоннах, иконах, горящих свечах.

Только голос дьякона, устремляясь к куполу Храма, вливался тугой волной в сердца молящихся:

– Еще молимся о богохранимой стране нашей...

Из алтаря вышел мой духовник отец Владимир и рукой указал подойти к нему. Я взшел на амвон.

И распевно звучал голос дьякона:

– Еще молимся о братиях наших, священницах, священномонахах, и всем во Христе братстве нашем...

Отец Владимир, убеленный сединами протоиерей, провел меня на клирос, представил регенту, сказал ей:

– Владыка благословил его учиться петь и читать на клиросе.

Певуче лился голос дьякона:

– Еще молимся о плодоносящих и добродетельных во святом и всечестном Храме сем...

Клирос трижды отзывался на провозглашенное прошение:

– Господи, помилуй...

И я, как умел, пел вместе со всеми. А через час, когда тишина Храма еще больше сгустилась и напряглась в ожидании, и голос

священника в алтаре за закрытыми царскими воротами произнес:

– Пейте от нея все, сия есть кровь моя Нового завета, яже за вы и за многие изливаемая во оставлении грехов, – на амвон поднялся староста причта и, пошептавшись с регентом, грудью пошел на меня со словами:

– Выйдите с амвона!

Чтобы не нарушать одухотворенной тишины Храма, я молча спустился по ступеням и встал среди прихожан. На клиросе запели:

– Тебе поемъ, тебе благословимъ, Господи...

Видя, что я не вышел из Храма, староста снова подошел ко мне:

– Чтобы больше я не видел тебя здесь...

На следующий день отец Владимир вручил мне ответ архиепископа Гедеона на два мои послания к нему:

«Такой обширной перепиской мне заниматься некогда. Игнорировать церковные таинства и нормы нельзя, а тем более хотя-щему быть строителем тайн. Воцерковляйтесь, учитесь и работывайте дух смирения и послушания, и Господь укажет вам дальнейшее» (1983).

С ответом архиепископа отец Владимир вновь привел меня на клирос. И объяснился с регентом. И со старостой мы пожали друг другу руки – извинился он, думая было, что я самозванец какой-то здесь. Однако, ощущение жесткого «неприятия» у меня осталось.

Был день Успения Приснодевы Марии. И вынесли плащаницу из алтаря. Началось помазание елеем, привезенным с Афона. С клироса я спустился вниз и подошел для целования плащаницы.

Священник помазал меня елеем. И я вернулся на клирос.

– А ты, что здесь делаешь? – обратился ко мне, вышедший из алтаря священник.

– Я... пою на клиросе... – ответил несмело отцу Павлу, – благословите, отче, – и ладони сложил, ожидая его благословения.

– Что-то раньше не видел я тебя здесь, – отстранился он. – Почему на клиросе посторонние? – повернул он свою бородку клинышком к регенту. Та недоброжелательно по отношению ко мне ответила ему...

Я вновь тебя к терпению призываю –
Все сложится для пользы на тебя
Возложенного дела.
Не жди руки на уровне земли,
Которая могла бы быть опорой

На избранном пути высокогорном.
Орел парит на собственных крылах –
И ты пари к Вершинам, опираясь
На собственное сердце.

Письма 8. Послушник

14 августа 1999.

Друг мой, каждодневное обращение к тебе в письмах вот уже на протяжении 10 дней, почти осязаемым и зримым сделали твое присутствие за моим рабочим столом.

Так и ощущаю перед собой твою колоритную фигуру, широкоплечую и высокую, и исходящие от тебя уверенность и спокойствие, внутреннюю собранность и внешнюю солидность, чего мне постоянно не доставало. Сними же пиджак, дорогой мой человечище, ослабь немного галстук, расслабься чуть-чуть, чтобы тело не мешало духу воспринимать то, что я сплетаю для тебя в затейливый узор из слов и предложений, вместе образующих разного рода фигуры из последних 25 лет моей жизни после лагерей.

Я как бы вновь вижу твое открытое лицо, умные и добрые глаза. Очки, как всегда, придают тебе некоторый шарм, который так нравится женщинам. Говорят, ты удачно женился – на новой русской.

– Эге, – заметит мой далекий Друг, – это и не я вовсе, а Игорь Калинин, внутренне собранный и внешне солидный. Или – Петр Лабецкий. Он тоже сибиряк – широкоплечий и могучий.

– Так он же очков не носит, – отвечаю я.

– Ну тогда это Володя Слободанюк – стройный, высокий и спокойный, – наступает мой Друг.

– Хорошо, хорошо, – соглашаюсь я, – как же мне тогда тебя представить?

– Вот уж не знаю. Ты придумал – ты и води.

И представил я себе моего далекого Друга не в теле, но в Духе.

Это может быть и мужчина, и женщина, человек молодой или увлеченный сединами – не это важно. Важно, что сердце моего Друга пылает устремлением к чистой и честной, светлой и радостной жизни в чертогах Храма, имя которому Вселенная.

Дорогой Друг, по настоянию моего духовника отца Владимира, весной 1983 года мы с Галей, оставив позади 17 лет совместной жизни, повенчались. Но венчались мы не так, как венчаются сейчас – прилюдно, с родственниками и приглашенными, с фотоаппаратами, видеокамерами и букетами цветов. Отец Владимир все проделал негласно, при закрытых дверях в нижнем пределе Храма, без каких-либо посторонних лиц, без свидетелей и даже родственников – почти катакомбно.

Лишь две иконки в наших руках были свидетелями – «Неопалимая купина» у Гали и икона «Николая Чудотворца» у меня. Икон с изображением «Божьей Матери» и «Иисуса Христа», которые должны были бы быть у нас при венчании, не оказалось в тот момент в церковном ларьке. Время было другое. И тот, кто хотел более-менее спокойно жить, стороной обходили Храмы.

Это в наше «новое» время всяк норовит со свечой в руке и с усмешкой в глазах свою дань отдать и «церковной» моде. Это сегодня все в крестах поверх кофт и рубаш – и праведный мир, и криминальный. А тогда – даже верующие вшивали крестики в белье, чтоб никто не заметил. И отец Владимир, если беседовал со мной во дворе Храма, то все озирался – нет ли кого постороннего рядом. И даже в Храме не беседовал со мной при народе, а заводил для этих дел в тот самый нижний предел, когда уже пусто было там, когда не было исповедников. И тогда, не опасаясь уже, он и наставлял меня в слове Божьем.

Не от этого ли страха перед кесарем и вся неустроенность на Руси у нас? Русский народ, могучий в битвах с иноземцами, не с сердцем ли зайца предстоит перед любым маломальским чиновником, за два квартала обходит человека в милицейской фуражке и совершенно не представляет себя где-нибудь в суде, отстаивающим хотя бы самые малые данные ему властями права.

Но если и есть такие права, то устроено чиновниками так, что никто, кроме них самих, и не ведает этих прав, гражданам данных.

Не потому ли, что народ видел все и молчал, и массовый террор возможен стал на Руси над самим же народом? Не потому ли приспешники кесаря и рушили церкви, ломали святыни, уничтожали священников, чинили надругательства над мощами святых? Не потому ли и пьет запоем святая Русь, что в этом помрачении рассудка только и может душа вздохнуть свободно.

В сентябре 1983 меня вызвал архиепископ Гедеон.

Лишь к концу дня дошла и моя очередь войти к владыке – в его

просторный кабинет с широким столом. За ним архиепископ – крупный, солидный, как и положено быть владыке. Свободно ниспадающий с плеч подрясник, седые волосы, зачесанные назад, и седая борода придавали крупным чертам лица его благородство и значимость. Он грузно поднялся из-за стола, обошел его и вышел навстречу – благословил.

И таким мелким, таким неказистым показался я себе рядом с ним, что стало как-то неуютно и неудобно мне перед архиепископом. Даже дьякона если взять, – пронеслась во мне мысль, – так по неписаному канону он высоким и мощным должен быть, и с голосом, что если уж воскликнет при начале всенощной «Восста-а-ните-е!» – так свечи в Храме могут потухнуть.

А ты-то куда? – укорил я себя.

После непродолжительной беседы со мной владыка обратился к секретарю и настоятелю церкви протоиерею Дмитрию:

– Ну что ж – надо помочь. Стучащемуся да отворят.

Встали мы. Владыка снова благословил меня.

А через несколько дней мне сообщили, что архиепископ принял решение направить меня для несения алтарно-клиросного послушания в Новокузнецк.

Это был очень умный ход владыки, ход сильной фигурой на его шахматной доске, поскольку, зная, что у меня все же жена и двое детей (15-летняя дочь Любаша и 7-летний сын Слава), он мог бы вполне благословить несение моего послушания и в самом Новосибирске. Лишь девять лет прошло, как я вернулся из лагеря.

И теперь мне предлагалось снова оставить семью на неопределенное время.

Видимо, простое рассуждение подсказывало ему, что если мое стремление к церкви лишь блажь и прихоть, то я, в такой ситуации, не оставлю семью, не поеду в Новокузнецк, до которого не две остановки на троллейбусе, а целая ночь на поезде. И тогда будет все ясно с ним: «Извините, мы предложили, вы отказались».

Я же, попрощавшись с сотрудниками по культмассовой работе, поцеловав жену и детей, собрал в небольшой чемодан самые необходимые мне книги, минимум белья, и в сентябре 1983 года уехал в новую и совершенно неведомую мне жизнь.

Следует отметить, что к поездке в Новокузнецк меня подтолкнуло и событие, которого я менее всего ожидал. И чем-то оно напоминало случай с заводской типографией в Таллинне.

Я упоминал уже о своих встречах и интересной переписке с Александром Черепановым, руководителем камерного хора в Красноярске. Он сообщал мне в письмах, что в последнее время немного приболел. Врачи диагностировали пневмонию.

Его стали лечить. Еще через полгода выяснилось, что у Саши запущенный туберкулез, который лечится иначе, чем пневмония.

Но уже возникли осложнения со здоровьем, психические расстройства от не тех лекарств, галлюцинации, всякого рода бред, который провоцировался и его семейными неурядицами.

В июле или в августе 1983, когда Саша лежал уже в больнице, родственники обнаружили в его бумагах мои письма к нему, в которых речь шла о гималайских Учителях, о йоге, оккультной философии и религии. Как раз в газетах велась широкая компания жесткой критики подобного рода увлечений некоторыми слоями творческой интеллигенции. И со стороны его родственников начался телефонный шантаж с угрозами «найти управу на новоявленных учителей, доводящих своих учеников до сумасшествия». Последовала серия писем его активной тещи в те самые газеты, в которых я числился корреспондентом, дошли их письма и «куда следует» – приглашали меня для беседы в органы КГБ. Положение спасло лишь присланное мне ранее письмо Сашиной жены, где она подробно описывала всю непростую ситуацию, случившуюся с ее мужем.

Я же понял это гонение на меня, как знак начинающихся в моей жизни новых и существенных перемен.

И в октябре 1983 г. я уже находился в Михайло-Архангельской церкви Новокузнецка на алтарно-клиросном послушании.

Не все близкие и друзья приняли такое неожиданное для них мое движение к Храму.

«Что же случилось с Геннадием? – писала моей жене Гале наша общая знакомая Сусанна Петровна Мецерьак-Булгакова³¹ из Старой Купавны. – Кем он будет работать – служить в церкви? Не ответит ли это на бюджете семьи и на образовании Славика. А с Любашей? Скоро она закончит школу, а раньше в ВУЗ не брали детей церковнослужителей. Странно... И жаль его...» (февраль 1984).

«Недавно Геннадий приезжал на три дня, – отвечала Галя Сусанне Петровне. – После месячного расставания он мне понравился, и я ужаснулась своим мыслям о разводе (бродили в моей

голове и такие). Как хорошо встречаться раз в месяц. Только детки еще не встали на ноги. Но я всегда помню, сколько человек вы вырастили, и думаю, что двоих-то я должна поднять. Настроение у меня сейчас действительно хорошее, хотя и трудно и впереди полная неизвестность» (март 1984).

«Я слышала от Коли³³ и Галины Васильевны³⁴ о новой работе Гены. Думаю, что это, наверное, верные слухи, – уточняла из Таллинна Алла Речкина. – Конечно же, трудно иметь такого мужа, который все время ищет себя, но что делать, муж и жена – едины. Только бы не было одержимости – это страшно. Коля был одержим рерихианством. Ему, надеюсь, вся его жизнь, которую он себе устроил после нашего развода, только на пользу, если не озлобится. Еще знаю одного верующего из Фрязино, тоже всем только свое насаждает. Я хочу Костю окрестить, а он сомневается» (октябрь 1985).

«Твое неожиданное письмо и удивило и обрадовало, – писала Люда Андросова. – Я сейчас в твоём городе, хожу по тем улицам, где, возможно, ходил и ты, – Радуюсь новой встрече с Ленинградом, и огорчаюсь, что нет возможности ближе с ним ознакомиться. Рада за тебя, что ты нашел себя, хотя по-прежнему не понимаю тебя...» (февраль 1986).

Мое вхождение в Храм началось с изучения церковно-славянского языка, молитв и песнопений, порядка богослужений.

А в алтаре церкви, будто специально для меня, оказалась прекрасная икона Сергия Радонежского, к которой и обращался я со своей молитвой утром и вечером на протяжении семи месяцев.

Мир Горний не за тридевять земель,
А в синеве разбуженного утра.
Он нотою вселенскою звучит
И в криках птиц, и в ритмах водопада,
И в стеблях трав, и в небе над планетой.
Идите же по звездному Пути –
И сердце, и сознание свое
Отдайте в руки Космоса Живого.

Я летел стремительно сквозь плотное черное пространство. Не было ни точки света – крошечная темнота. Ощущался только полет и чье-то

легкое прикосновение ко мне, чье-то дыхание. Постепенно тьма рассеялась. Вдали обозначились леса – зелено-желтые сосны до горизонта. И синее бездонное небо над ними. Сам же я иногда пронесился сквозь белые облака, охлаждавшие своей влагой мое тело, стремительно несущееся в пространстве. И рядом, то удаляясь, то приближаясь, летела девушка, та самая, поддержку которой я ощущал в темноте. Радость переполняла сердце от необычности полета в голубизне неба.

Такое было сновидение. А через день приехала Анна Ибрагимова из Кемерово. Она вошла в Храм во время службы и, конечно же, наблюдала за мной.

Ведь люди естественнее и непринужденнее чувствуют себя тогда, когда уверены, что никто не разглядывает их, не сидит или не стоит за их спиной, не оценивает со своей колокольни.

Наши квартиры – и есть места уединений от суеты мира.

Если же и в общих комнатах нет ощущения уединения, то ванна или плотно закрытая дверь кухни – желанные места в доме.

Время же сна – самим Богом придуманная одиночная келья для каждого из нас. От невозможности хотя бы немного побыть одному – большинство конфликтов в семьях, поскольку стремление человека к уединению – не какая-то прихоть, а его биологическая и психическая потребность, не менее значимая, чем желание поесть или удовлетворить свои половые инстинкты. Другое дело, что границы этой потребности весьма широки. Я заметил, чем больше человека занимает не окружающая его суета и толкотня, а внутренние переживания и размышления, тем в большей степени развито у него стремление к уединению. Но людям-то именно и интересно подсмотреть человека тогда, когда он как бы сам по себе.

Однако с клироса я сразу же увидел Анну, стоящую у стены рядом с казанской иконой Божьей Матери.

И когда служба закончилась, я вышел к ней – бородатый уже и длинноволосый, в длинном черном подряснике, подпоясанный вельветовым кушаком с кисточками.

– Как ты меня нашла? – спросил я, когда, выйдя из Храма, мы шли по ослепительно белому снегу.

– Получила телеграмму, что ты в Новокузнецке. Подумала, если он не в сумасшедшем доме, то, значит, в церкви.

– Ну и как я тебе в новом обмундировании?

– Ничего смотришься. Борода тебя красит.

– А как твои дела? – спросила она, когда мы приближались уже к дому прихожанки, где была мне предоставлена комната.

– Знаешь, Анна, если откровенно – тяжело мне что-то. Не знаю, в чем дело. Молитвенно радуюсь и, в то же время, – не такой я представлял себе церковь. Отношение прихожан к Господу не таким вышло мне. Больно уж много о себе просят: дай, подай, Господи – и нет конца.

– Так и надо. Как же иначе?

– Не совсем так. Разве вездесущий Господь не знает о том, что надо каждому из нас? Да он лучше нас самих это знает. И потом, о чем просят – чтобы муж не изменял, чирей на носу чтобы прошел, а то физиономия искривилась.

Но для этого достаточно простого сексопатолога и обычного хирурга. Все просьбы-то сугубо бытовые. Нужно что-то – открыли дверь, а Господь у порога. Ну, иди сюда, Господи. Вот это сделай мне, и вот это. Теперь – подожди там, за дверью. Будешь нужен – позовем.

– Мало кто действительно думает, – продолжил я Анне свои пояснения, – о своем Спасении, о Преображении души и тела, как это показал своим ближайшим ученикам Иисус на горе Фавор. Я не говорю уже о Воскресении и Вознесении в чертоги Царствия Божия. Это же все не так просто. За кухонными и любовными проблемами прихожанам некогда думать о столь далеком и туманном для них.

И Анна рассказывала мне о своем житье-бытье. Родилась у них девочка. Теперь к Оле прибавилась еще Елена (Лея).

– У Саши много новых стихов, – продолжала она, когда мы уже пили чай с ванильными сухарями. – Ты часто служишь-то?

– Каждый день. Но это нельзя назвать службой. Служит священник. Остальные помощники ему. Мои дела – в алтаре прибрать, кадило разжечь, да на клиросе постигаю порядок богослужений. После службы читаю акафисты, записочки вычитываю «за здоровье» на молебнах или «за упокой» на панихидах.

– Быстро, однако, ты освоил церковно-славянский.

– Да сам-то язык не сложен. Сложно чтение его сокращенных терминов в богослужебных книгах старых изданий.

Затем мы посмотрели и обсудили ее новые рисунки: «Огненное Распятие», «Небесное Крещение». Ощущался в рисунках полет ее души, устремленной к прекрасному и запредельному.

А еще через час я уже был на вечернем богослужении. И, стоя в алтаре с отцом Василием, протоиереем и настоятелем церкви, беззвучно возносил к Господу и свою незамысловатую молитву, навеянную псалмами царя Давида:

Господи, вот я весь пред Тобою.
И молитва моя летит к подножию Храма Твоего.
Не о себе молю, Господи, ибо знаешь нужды мои.
Но о том молю, Владыка,
Что заповедал Ты мне достойно исполнить.
В нерадении своем каюсь, и в немощи своей каюсь.
И о неразумии своем говорю Тебе, Боже.
В одиночестве и скорби, в смятении и растерянности
Стою я здесь пред престолом Храма Твоего.
Знаю, Господи, на то Воля твоя как испытание мне.
Но не оставляй меня, Господь мой и Владыка,
Когда иссыкает воля моя устоять на Пути.
Слишком труден Путь мой, слишком ноша тяжка.
Неужели и дальше идти в одиночестве мне
Без Слова Твоего, без поддержки Твоей.
Но на все Воля твоя, Господи,
Ибо не как я хочу, но как Ты?

Помню, как еще в мордовском лагере, в один из дней десятидневной голодовки, в каком-то отрешении и забытьи...

Я увидел себя в древнем Храме. Высокие колонны поддерживали уходящий высоко в небо свод. Было просторно и тихо. Я стоял у двери Храма, ведущей в сад. И будто из воздуха появилась около меня Дева, окруженная голубым сиянием. Она подвела меня к большому овальному зеркалу у стены. Зеркало было матовым и излучало неземной свет.

– Смотри! – воскликнула Дева и, плавно поднявшись к куполу Храма, исчезла.

Я стал внимательно вглядываться в матовую поверхность зеркала. И в какое-то мгновение пространство сместилось и стены Храма заколебались. Топот множества ног раздался за моей спиной. Я обернулся. Ко мне бежали люди с обезображенными лицами, наполненными ненавистью в глазах. Размахивая руками, в которых были ремни и цепи, они с угрозами приближались ко мне. Я же тихо молился и призывал Господа, устремляясь всем сердцем к Нему. И люди отступили – будто какой-то вихрь убрал их из Храма. А навстречу мне вышли другие люди. Много людей. Среди них были индийские йоги и почитатели Кришны, иудеи и мусульмане, множество обособленных групп со своими Учителями. Но я шел мимо них к восточной стороне Храма – и молился.

И возникло движение у Алтаря – отверзлись Врата.

Из Врат вышел Старец и предстоящие с ним. На ладонях Старца стоял ларец с Камнем³⁵. Ларец походил на церковь Христову. И Небесное песнопение охватило Храм. И колокола звучали светло и радостно.

Подойдя к Старцу, в котором я узнал Сергия Радонежского, я склонился к его ногам. Лик Владыки излучал Свет и Любовь.

Я розовым Покровом окружу
Летящего в заоблачные Выси.
И плащ ему из радуги накинута
На плечи оголенные, чтоб были
Они защищены от зла людского.
При Алтарях стоящие помогут
Войти в чертоги Храма Моего.

В Храме горят свечи.

– Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков... – начал священник вечернее богослужение.

Народу сегодня больше обычного – завтра Сретение Господа Иисуса Христа.

– Величаем Тя, Живодавче Христе, и чтим Пречистую Матерь твою... – поет хор.

У самых ступеней амвона ближе к клиросу на маленьком стульчике сидит маленькая женщина – лет сорока, горбатая, без рук, на коротеньких ножках. Приехала она на службу из дальних мест, не сломленная горем, не озлобленная на людей, ее окружающих.

Не имея рук, чтобы одеться, раздеться, попить, поесть, сделать все те тысячи дел, которые мы, не задумываясь, делаем руками, она, тем не менее, закончила школу, красиво пишет ногой, вышивает и лишь об одном молит: «Господи! прости меня грешную».

Священник возглашает:

– Яко благ и человеколюбец Бог еси, и тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков...

А на другой стороне амвона под большой иконой Николая Чудотворца на скамеечке сидит другая женщина, с детства пораженная полиомиелитом.

Я видел, как она ползла к церкви на коленях по острому гравию, которым был покрыт церковный двор. На руках ее были рукавицы, простроченные плотно, с жесткой резиновой прокладкой, чтобы не обдирать ладони.

Сколько таких рукавиц пошил я в мордовском лагере.

Думал, для лесоповальщиков шьем, а они вот еще где приладились, да пригодились.

Закончилась вечерня и я, как чтец, выйдя на середину Храма к иконе Спасителя, начал утреню шестопсалмием:

– Слава в вышних Богу, и на земли мир...

А сколько блаженных и одержимых приходят сюда, чтобы поклониться к стопам Господа.

«И ныне послы помощь Твою на предстоящия пред лицом святыя славы Твоя и ожидающия от Тебе богатыя милости» – тихо молился священник пред царскими вратами...

Рекой течет страдание по земле. Но как ничтожно мало понимающих смысл и причины этих страданий.

Служба закончилась. Храм опустел. Прибравшись в алтаре, вышел и я во двор. Было темно, сыро и холодно.

На церковном дворе у входа в невысокое деревянное строение, предназначенное для приезжающих, одиноко стояла та маленькая женщина. Я видел, что, когда люди покидали Храм, она на некоторое время задержалась на ступеньках амвона, дочитывая нужное ей в «Молитвослове». И вот встретил ее у крыльца сторожки. Она не могла самостоятельно подняться по ступенькам. Я подошел, замешкался, не зная, как же взять ее и поднять. А она посмотрела на меня добрым взглядом:

– Романовна обещала проводить, да куда-то запропастилась. Помогите мне, – спокойно сказала она.

Рук у нее не было по самые плечи – разглядел я вблизи. Взяв ее за бока, я поднял женщину и занес в помещение.

Она поблагодарила одними глазами и, переваливаясь из стороны в сторону, прошла в дом. Не на таких ли российских мучениках и мученицах и держится церковь?

«Спасибо за весточку о себе, – отвечал я на полученное письмо одного из своих новосибирских друзей. – Мне не хотелось преждевременно говорить об изменениях, которые постепенно происходили у меня, пока они не определились окончательно... И все это время я очень сожалел, хотя и не говорил тебе об этом прямо, что именно в последние полгода ты усиленно отклонялся от избранного нами Пути, теряя время на свою домашнюю круговерть, которой, как правило, не бывает конца. С другой стороны, я чувствовал, что зерно духа твоего здоровое, и оно, рано или поздно, вернет тебя на нужный радиус и в нужный ритм твоего духовного движения по жизни. Именно на разрыв физического общения я и надеялся, как на соединительную нить между нами в плане духа... Как дальше все сложится у меня –

трудно сказать, но пока я буду нести послушание в лоне православной церкви. Молитвы и песнопения, утрени и Божественные литургии наполняют меня своею благодатью...» (ноябрь 1983).

«Ты все же добился того, к чему стремился, – писал в большом послании ко мне Володя Слободанюк. – Конечно, я думаю, наши отношения не разрушатся... Желаю тебе радости и всего светлого в твоём творчестве» (декабрь 1983).

Но до света и радости мне было далеко еще здесь.

К неопределенности с моим послушанием и возникшим, в связи с этим, минорным настроением, добавился случай, особенно больно ударивший меня по сердцу.

Приехал ко мне с женой из Красноярска Александр Черепанов. Точнее, жена привезла Сашу для встречи со мной. Как он изменился с тех пор, когда мы виделись полтора года назад. Затяжной туберкулез, семейные неурядицы и ранимость характера, смешавшись в один клубок, оставили заметный след на его психике.

Оправится ли он от болезни? – думал я со щемящем сердцем.

Два дня, пока они гостили у меня, я пытался всеми силами вывести Сашу из состояния апатии и уныния, вселить хотя бы искру надежды в его опустошенное сердце.

На прощание я подарил ему Распятие, которое носил все это время на себе, и нательную иконку Сергия Радонежского – самое дорогое, что имел я здесь в чужом городе и в чужой квартире.

Господи! – молился я в алтаре после отъезда Саши, – Помоги ему обрести прежнее звучание и ума, и сердца. Охрани от неверия в свои силы. Огради от отчаяния. Дай руку, чтобы смог он опереться и встать, и продолжить Путь свой по жизни.

«Подошло, видимо, время ответить мне на ваши письма, – обращался я через Володю Слободанюка к своим новосибирским спутникам. – Оглядываясь назад, я еще и еще раз благодарю Судьбу, что она привела меня своей суровой рукой в не менее суровые сибирские просторы. И я признателен ей за встречи с вами и за тот отрезок пути жизни, который довелось нам пройти рядом. И не было между нами отчаявшихся, но были поиски и непрерывное движение вперед. Об непрерывности движения я и хочу сказать вам несколько слов. Большие поэты, музыканты, писатели или ученые не знают перерыва в своем творчестве.

Творчество для них – это их дыхание, их пища, их неземная любовь. Также непрерывен и спрессован во времени должен быть и путь устремленного к высотам Духа. Кажется, что нет ничего особенного в этой истине. Но и в корне дерева нет ничего особенного – в темноте, да в земле, говорить то о чем.

Однако, именно от корня – и росток, и стебель, и плоды.

И только в отсутствии непрерывного движения по избранному нами пути я вижу причины неудач у некоторых из вас. Вспоминаю годы общения с одним из наших соратников, его метания по дорожкам сада, от дерева к дереву, от цветка к цветку. Но сорванное быстро вяло в его руках, теряло свежесть и очарования. За новым цветком устремлялся он – и новые разочарования.

А нужно было спокойно стоять на своей земле и проводить сквозь себя ее живительные соки, и набухать своими почками, и зеленеть своими листьями, и, вырастив свой цветок, наслаждаться им. Но где один цветок, там и два, где цветы – там и Сад, где Сад – там и Садовник. И до тех пор, пока человек в своем неудержимом творчестве не устремился по пути собственной жизни, он лишь ее сторонний наблюдатель, но не ее провозвестник. Растите свой Сад – и Садовник придет.

Именно своей Жизнью начертал Иисус Христос краеугольные камни Нового Завета. Именно своей Жизнью начертала Елена Рерих краеугольные камни Учения Живой Этики. Потому она и Живая, что прочувствована и пережита – и поэтому запечатлена на скрижалях истории человечества.

Я взял большие примеры. Но каждому из нас следует именно соизмерять шаги собственной жизни с этими горными Вершинами, возвышающимися над нами. И как хотелось бы, чтобы не только мои друзья, но и другие последователи Живой Этики от простого накопления книг перешли к реальной работе.

Реализуйте творчески хотя бы часть из того, что имеете, – и вы войдете внутрь Горы, которая называется Вселенной.

И там неожиданно для себя обнаружите вертикальную лестницу, выводящую вас прямо к Вершине. И пусть до этой Вершины будет еще бесконечно далеко, но все же, вам будет дано увидеть будущую скрижаль вашего творчества в чистой синеве

Беспредельности. Именно там разворачиваются Вселенские Мистерии Иисуса Христа, именно там и сегодня звучит призыв: «Не молитесь всяко, но в Духе». Все мы только в начале пути. Но путь наш начат. И сердце огнями своими озаряет дорогу, разум не дает споткнуться о камни, дух трепещет и животворит. И реальные дела ложатся к ногам людей. Есть и, конечно же, еще будут трудности на этом пути. Но разве может не быть их на перевалах, на крутых склонах, среди холода окружения. Награда за труд – синева Беспредельности.

Хочется отметить и последний нюанс, который может оказаться тяжелой гирей на ваших ногах. Эта гиря – утрата перспективы, довольство достигнутым и остановка в пути. Но не может быть в Беспредельности ни довольства, ни остановки, поскольку «От дней же Иоанна Крестителя донныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его»³⁶. Пусть будут на вашем Пути разочарования, пусть будут ушибы и удары Судьбы – не падайте духом, сохраняйте непрерывность вашего устремления, поскольку даже при неудачах при вас остается опыт духовного строительства.

Этот опыт еще сможет принести плод, если зерно вашего Духа будет посеяно в благодатную почву.

Благодатная же почва сейчас у тех, кто в своем непрерывном творчестве шьет «новые мехи для вина нового» – пишет книги, стихи, ставит опыты, открывает горные вершины, снимает кинофильмы, рисует картины, не забывая о своих маленьких субъективных оцущениях.

Стоя над мелочами быта, эти люди непосредственно омываются волнами Света своих Небесных Учителей. Не в темной и дымной келье, а с факелом в твердой руке и с трепещущим любовью сердцем. Это и есть истинная Молитва Христу, истинная дань Его Учению. В этом случае:

«И ты, младенец, наречешься пророком Всевышнего, ибо предъидешь пред лицом Господа – приготовить пути Ему»³⁶.

И неважно, что многие из нас не «хватают звезд с неба», но в тишине творчества они выращивают свой цветок, который со временем может стать и Звездой Зодиака.

И последнее, что следует отметить. У каждого свой путь, своя спираль движения, свой радиус ее оборота. Отсюда и необходимость максимума терпимости, понимания и взаимной поддержки, о чем неоднократно напоминал мне Павел Федорович. Как правило, такое сотрудничество взаимно обогащает, высветливая общие задачи, которые необходимо решать, и пути, по которым сегодня уже можно следовать.

Но гири с рук и ног надо убрать. Эти гири – наш эгоизм и высокомерие. К счастью, у вас этого нет... Взываю в Храме к Силам Света о помощи вам, всем идущим и ищущим» (октябрь 1984).

В январе 1984 года меня вызвали в Епархиальное управление для решения вопроса о рукоположении в сан диакона. Это было уже мое третье посещение владыки Гедеона в Новосибирске.

И каждый раз в Новокузнецке меня спрашивали на клиросе:

– Ну, что – не рукоположили?

– Нет, не рукоположили пока.

Не простой оказалась возня с бывшим лагерником. То ли власти мешали архиепископу, без санкции которых церковь в то время и шага шагнуть не имела права, то ли иные неведомые мне причины.

Зимой же и весной один за другим появлялись странные сны.

В громадном доме, проходя его библиотеки, музеи и служебные помещения, передвижные выставочные залы и вестибюли, лестницы, переходы и жилые комнаты, я искал и не находил кого-то нужного мне. Но вот знакомая дверь, однако она оказалась обитой серой материей и, как мне показалось, была заперта.

А в прошлом сне в двух просторных комнатах за этой дверью женщина перебирала вещи, укладывала чемоданы – собиралась переезжать. Ее дочь, красивая девушка с длинными льняными волосами, помогала сборам. Маленький мальчик играл на большом черном рояле, выдвинутом на середину комнаты.

Сейчас же, открыв дверь и войдя в комнаты, я увидел, что рояль плотно накрыт серой холстиной. Значит, женщина с детьми уже уехала отсюда. Комнату, которая в прошлых снах, была предоставлена мне, теперь занимали незнакомые люди. Залы музея с картинами древних мастеров, египетской и индийской керамикой я с трудом узнавал теперь через двери, в которые мне не позволяли войти. Повсюду укладывали вещи и выносили мебель.

И от подъезда отъезжали груженные вещами машины.

К Пути готовим новому. И залы
Оставишь прежние. И вещи соберешь.
И двери плотно за собой закроешь.
Печаль оставь за стенами души.
Исторгни грусть из Алтаря святилищ.
Перед тобою Звездные Миры
Раскрыли двери.

В апреле 1984 года перед праздником Пасхи, произошла еще одна встреча с архиепископом Гедеоном в его кабинете.

- Ну как, отец, трудишься? – спросил он.
- Тружусь, – ответил, заведомо зная по тону вопроса его ответ.
- Что-то осунулся, похудел. Пост соблюдаешь?
- Соблюдаю, владыка...

И повисло молчание. Каждый из нас понимал, для чего эта встреча. Я ждал решения. Он же уже решил для себя.

– К сожалению, ничем помочь не могу, – подытожил архиепископ наше молчание.

И вся дальнейшая беседа была уже несущественной, ненужной.

Но вышел я из просторного кабинета не с камнем за пазухой, а с каменной тяжестью на сердце.

Сразу после Пасхи мне вежливо указывали на дверь, намекая, чтобы возвращался я туда, откуда пришел.

Имейте дерзость двигаться вперед,
Когда в лесу все тропы перекрыты.
Имейте дерзость действовать, когда
Нет сил и вдохновение разбито
О камни жизни.

Меня выпроваживали в мирскую жизнь, которая также уже хлопнула для меня свои двери.

С сентября 1983, когда я уволился из Межсоюзного дома самодеятельного творчества, по май 1984, когда меня вынуждали снова искать работу в миру, в моей трудовой книжке оказалось пустое место. Тогда церковь не делала никаких записей в трудовых книжках своих последователей. В церкви их просто не было.

И любой работодатель естественно спросил бы меня теперь:

- Так вы что – столько времени нигде не работали?

Если промолчать – можно привлечь к ответственности за тунеядство. Тогда с этим было строго весьма.

- Да он же еще и сидел! – добавят с усмешкой.

Ответить, что поклоны клал в церкви и молитвы пел на клиросе, – недоумение возникнет на лицах, и отстраненно ответят:

– К сожалению, ничего не можем предложить вам.

Таким образом, я оставался без средств к существованию, поскольку как послушнику платили мне чисто символические деньги.

Все эти соображения я и высказал настоятелю Михайло-Архангельской церкви отцу Василию, который наблюдал меня все это время. Он предлагал мне поехать по епархиям, по церквям – где-нибудь удастся пристроиться. Но даже ему, закончившему духовную академию, пришлось буквально до дыр истоптать ботинки, прежде чем он нашел себе место в этом Храме Новокузнецка.

Теперь же – он был протоиереем и настоятелем этого Храма.

Но мог ли я пойти по епархиям без копейки в кармане?

И все же, воистину, управляют нашими Судьбами на Небесах.

Опять помог нежданный случай. Я пояснил отцу Василию, что, вероятно, придется переехать в Калинин, на родину жены:

– Там у ее матери частный дом, небольшой огородик. Что-нибудь и устроится, – подытожил я свое пояснение отцу Василию.

Оказалось, что в Калининской епархии служил архимандрит Виктор. С ним отец Василий учился в академии. Архимандрит же при митрополите Алексии заведовал епархиальной канцелярией. И вспомнилось мне сказанное ранее: «У алтаря стоящие помогут...».

Мы рады устремление твое

Отметить, как основу продвиженья.

Так, каждый камень как струна звучит

В пространстве между небом и землею.

Но струны закрепите на планете,

Чтоб отозвалась каждая струна

На вихрь огня в космическом далеко.

Письма 9. Дьякон

15 августа 1999.

Дорогой Друг, сегодня Сева спросил у меня:

– Папа, а что это за рисунок, который под-
писан «В.Странник?»

– Это очень интересный рисунок, Сева. И
для меня дорогой. Но тебе еще рано об этом.

– Да почему рано? – настроился Сева и
далее отвлекать меня от письма к тебе. – Вот
цветок. А что это за змея? Она что – кусает огонь? Ну объясни.

В двух словах я объяснил Севе, но для тебя, мой Друг, прибав-
лю, что этому символу уже 28 лет.

Занимаясь в тюрьмах и лагерях йогой, я разработал этот символ
для себя как знак духовного устремления. В Мордовской зоне был в
заключении правозащитник Александр Чеховской, о котором я упо-
минал в книге «Спаси себя сам». Он хорошо рисовал и занимался
резьбой по дереву. Саша и вырезал мне этот символ на резине.
Получилась небольшая печать – экслибрис, символический рисунок.

Но в связи с тем, что в лагере обнаружили подкоп и начались по-
вальные обыски среди заключенных, – печать пришлось уничто-
жить, поскольку если есть такая печать, то резонно поискать и печат-
ти на фальшивые документы.

Оставшиеся у меня на бумаге два оттиска перебрались затем с
моим багажом за колючую проволоку – и сохранились.

И вот теперь, через столько лет, символ нашел себе должное
место в «Письмах странника». Он же висит на стене у моего рабоче-
го стола. Так что я общаюсь с ним ежедневно.

Странник – это странствие по жизни и, с обычной точки зрения,
некоторая странность самой жизни. Стремление от земли в Над-
земные сферы и отображается в символе Вечного Странника.

Позвоночник в основании символа – это тело, воплощенное к
физическому бытию. Пламя³⁸ над позвоночником – извечно существ-
ующий в теле вселенский Дух³⁹. Свет этого пламени в своем безу-
держном устремлении в беспредельные глубины Мироздания слов-
но стрелами Молний⁴⁰ вонзается в звездное небо, на котором ото-
бражаются звезды Млечного Пути⁴¹. Змея – символ вселенской
мудрости, в частном случае – человеческий разум, тот рычаг, кото-
рый соединяет воедино внутри каждого из нас Дух и материю, Соз-

вание и тело. Но единство земного и Надземного только тогда космически закономерно, когда этот разум уподобляется лотосу и лилии – цветкам, олицетворяющим собой мудрость, святость и чистоту духовных устремлений человека.

Дорогой Друг, вот пока я описывал тебе этот символ, Сева, пристроившись у дивана, чертил на бумажке какие-то фигурки и заколючки. Интересно все же наблюдать за малышками. Как обезьянки, они обучаются жизни не тогда, когда родители «учат их уму разуму», а в силу внутренней потребности подражать тем, кто их окружает и наибольшее впечатление на них производит.

Поскольку же свое основное время возвращаются наши дети в кругу папы, мамы, сестренки, братика или бабушки с дедушкой, то от них и перенимают они «кто во что горазд». И получается иногда очень интересный коктейль в поведении ребенка.

Вот и Севочка норовит сделать у себя на столе все «как у папы».

У меня стоит техника типа «гусиное перо» – что-то и ему надо подобное. И пристроил он на своем столе магнитофон – «пульт управления», и календарь с микрокалькулятором – «это к офису». У меня карандаши, дискетки и черновые бумажки передо мной. И у него – рядом стоят магнитофонные кассеты, коробочка из-под чая, приспособленная для тюбика с клеем, ворох разного рода бумажек – не успеваешь выбрасывать.

Он только что лег в постель и вдруг вскочил – точно как папа.

– Куда это ты? Давай-ка на место.

– Забыл записать.

– Что записать? Во сколько вставать тебе утром? Я скажу когда.

Но он уговорил меня, что ему «надо записать и не забыть».

Присел к столу, взял лист бумаги и, быстро написав «что надо сделать завтра», успокоенный проделанной работой, снова залез под одеяло.

Оказалось, что завтра ему надо не забыть: «встретица с главным крислидом базы – виктория»; «почистить косеты»; «встретица с бабушкой может быть если получица»; «встреча! с мамой, важный день» – мама наша загостилась у бабушки; «зайти к славе или позвонить» – Слава и Люба, брат его и сестра, живут в другом подъезде нашего же дома; «взять архив у папы» – значит, снова хочет просмотреть собранные отдельно более-менее удачные свои рисунки и записи; «гденибудь добыть листы бумаги» – это его вечная проблема; «поставить новые законы» – здесь я уж и не знаю, что он имеет в виду, может быть, в Думу что-нибудь напишет.

В общем, весь в делах и в сплошных хлопотах. Так и говорит иногда, когда пора уже спать: «Я еще поработаю».

Работник нашелся. Все планирует себе компьютер купить.

В мае 1984 года я приехал в Калинин с личным письмом к архимандриту Виктору. Настоятель Михайло-Архангельской церкви Новокузнецка протоиерей отец Василий сообщал ему обо мне:

«... В период несения им церковного послушания при Храме Гаврилов проявил себя исполнительным, спокойным, трудолюбивым, морально примерным человеком. Являясь образованным и эрудированным, он зарекомендовал себя весьма настроенным к церковному богослужению.

В период своего послушания он с интересом и желанием принимал участие на клиросе в чтении и пении и, благодаря этому, за проведенные при Храме месяцы получил достаточно хорошую подготовку в церковно-богослужебной практике. При этом он уделял внимание и алтарю, записывая для памяти особые моменты священнодействий. Много сделано им выписок из книг по изучению церковного устава.

В настоящей характеристике не могу обойти молчанием совершенную трезвость Гаврилова, непритязательное отношение к материальным интересам, пунктуальность, уважительное поведение в обществе. В то же время характеризуемый показал себя человеком, не заинтересованным в поисках сближения или встреч с посторонними лицами, даже из среды прихожан.

Из разговоров о семье видно его отеческое чувство к своим детям (дочь и сын) и уважительное отношение к жене, с которой состоит в церковном браке.

На основании своих наблюдений по линии духовной и моральной я не имею оснований усомниться в религиозной настроенности Гаврилова или считать его человеком неискренним в желании служить церкви в священном сане».

– Я не пишу и ты не говори, что сидел, – напутствовал меня при расставании отец Василий, – иначе не рукоположат и там.

– Так, как же, батюшка, скрыть можно от владыки? – возразил я своему церковному наставнику.

– Господь знает, – вздохнул он и перекрестился, – люди же немощны, боязливы. А ты должен быть в церкви.

До сих пор с теплым чувством я вспоминаю отца Василия, который воспринимал меня таким, каков я есть, мало прислушиваясь к пересудам и домыслам, которые, как правило, всегда вьются вокруг новичка и, тем более, с такой биографией.

Посмотрев вновь прибывшего на богослужениях в церквях Торжка и Кашина, 2-го июля 1984 года за Божественной литургией в соборе Белая Троица города Калинина митрополит Калининский и Кашинский Алексей постриг меня во чтеца, рукоположил в иподиакона, затем – и в сан диакона.

Указом от 3-го июля меня назначили на должность дьякона в церковь Петра и Павла небольшого города Кашина.

В 12 часов дня 17 июля (1984) я прибыл в Кашин.

Небо было сплошь затянуто белесыми тучами. Вторые сутки лил затяжной дождь. Изредка издали доносились раскаты грома.

При моем выходе из автобуса на автовокзале трижды прокаркал черный ворон. Ну вот и встреча, – подумал я по этому поводу.

Церковь была закрыта. Ни настоятеля, ни псаломщика на месте не оказалось – был не богослужебный день.

Я сел на ступени Храма. А через час неожиданно из-за туч выглянуло солнце. И омытая дождем церковь, мокрая дорога и капли дождя на деревьях – все сразу ожило и заиграло в лучах света.

На следующий день – в день обретения мощей преподобного Сергия игумена Радонежского, что явилось для меня особенно символичным, – была моя первая самостоятельная служба у престола церкви Христовой. А в праздник Преображения Господня исполнился и давний сон о Храме и восхвалении Господа с молящимися.

На Божественной литургии церковь была полна прихожанами. На амвоне, после окончания ектении, после возгласа священника:

– Двери, двери, премудростию вонмем!» – я, повернувшись от царских врат лицом к народу, пел вместе с ним:

– Верую, во Единого Бога Отца, Вседержителя. И во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия... .

Крест властвует над Миром. Преклони

Колена перед символом великим.

Власть Горнюю приемли – невозможно

Без стержня Мир в Одно соединить.

Будь малым стержнем на своей орбите.

Через два месяца после принятия сана пришел очень важный для меня ответ на письмо от Олега Сенина, солагерника по Мордо-

вии, глубоко верующего человека, знающего православие не только снаружи, но и изнутри.

«Был не мало удивлен твоим новым жизненным креном, – писал он, – который, впрочем, еще в Зоне можно было предвидеть. В любом случае я рад твоей решимости служить и служить на таком неблагодарном поприще, как православие. Впрочем, высшее воздаяние и земное наше удовлетворение способны обнадёживать нас даже среди распада и непонимания. Чтобы служить в православии, его надо любить и любить истоиво. В противном случае толки и дразги, скрывааемые церковной оградой, могут отравить горечью разочарования. Так же и без исторического прошлого от корней до ствола невозможно понять этого теперь уже музейно-блистательного гиганта.

Сам я до сих пор люблю и в уме лелею очищенное наследие этой древней церкви. Оно меньше всего в догматике или литургике, но – во вселенском опыте Богопознания и самоотверженного свидетельства об Иисусе Христе» (сентябрь 1984).

«Что писать о себе, – прислала весточку из Таллинна Лариса Петина, – когда в твоей судьбе такие перемены... За высоким напряжением письма поняла я только, как непросто решилась твоя судьба, скольких душевных сил и страданий сопряжено было с такой переменой, вернее – с таким поступком. Ибо перемена случилась давно, а все остальное – лишь поиски соответствующей ей жизненной стези... Да позволено мне будет, милый Гена, по дружбе и расположению к тебе, удивиться способности твоей так отчаянно и решительно менять жизнь, и не свою только!.. Дай Бог тебе душевных сил на сложном твоём поприще, душевного удовлетворения и радости» (январь 1985).

Кашин – спокойный и чистый город. Все рядом – и река, и баня.

Да и весь-то город – двадцать минут быстрой ходьбы из конца в конец. И купола церквей над городом, одна из которых и была работающей. Но и в ней уже осыпались потолок и стены. Как-то раз большой кусок штукатурки гулко рухнул с высокого потолка Храма мне под ноги – не успел я под него лишь шаг шагнуть.

Еще один знак, – подумал я, – убить не убил, а отношение обозначил. Такое вот дополнение к карканью ворона.

И вспомнились слова старицы 80 лет в Новокузнецке, которая перед моим отъездом из Михайло-Архангельской церкви подошла ко мне и, коснувшись длинным посохом моего плеча, сказала:

– Будешь в Калинин дьяконом, но ждут тебя там и большие неприятности.

Одна из таких неприятностей не замедлила проявиться.

Во время Великого поста показалось настоятелю церкви отцу Владимиру, что пропала у него бутылка вина, используемого им при совершении литургии. Алтарница, которую он хорошо знал, я – без году неделя здесь, и настоятель. Больше и нет никого в алтаре. Значит, этот новенький и взял.

Раньше вино стояло свободно на небольшом столике рядом с жертвенником. Теперь же его убрали, схоронили от глаз этого, как его – дьякона.

И почти все сорок восемь дней поста, когда совершались Богослужения и нужно было вливать вино в Святую Чашу (потир), отец Владимир выходил с богослужебным ковшом из алтаря и мимо молящихся шел в другой (зимний) алтарь или еще куда, неведомо мне, наливал в ковш спрятанное там (от меня) вино и осторожно, чтобы не расплескать, тем же путем мимо прихожан возвращался обратно, выливая затем вино из ковшика в Святую Чашу.

Для без вины виноватого такая молчаливая экзекуция, длящаяся во время Богослужений весь Великий пост, многого стоила.

К концу поста внутренне я был уже измотан до крайности – такой позор перед всеми прихожанами церкви.

И лишь разговор с церковным старостой, женщиной довольно суровой, завершил это великопостное «таинство» настоятеля.

В другой же раз, с особым усердием делая в алтаре приборку, я задел спиной семисвечник с лампадками, располагавшийся за престолом.

Одна лампадка выпала из семисвечника на престол – и масляное пятно резко обозначилось на его покрывале.

Вот непутевый, – терзал я себя затем почти неделю, хотя лампадное масло и впиталось все без остатка в насыпанный на покрывало зубной порошок.

На острых гранях храмового быта
Воспитывай терпение свое.
К Звезде своей неумолимо следуй.
И мудрое спокойствие храни
Среди возможных вихрей обихода.

Кроме церквей были в Кашине магазины, в которых что-то можно было купить, если особо не привередничать. Была и музыкальная школа, а также торговый центр, архитектурно похожий на ленинградский гостиный двор. Река Кашинка, проходящая через город, как бы делила его надвое – часть города на холме и часть на равнине. Церковь и мое новое жилье были на холме.

На другом конце города располагалась заводская столовая, в которой я ел один раз в день какой-нибудь гарнир, завершая его компотом. Иногда шиковал, позволяя себе перед гарниром две горсти капустного салата на мелкой тарелочке. Вечером – чай и кусок хлеба. Изредка добавлялось к этому вынужденному пайку что-нибудь и от Храма, если предлагали прихожане свое – домашнее.

В церковном доме мне были выделены две смежные просторные комнаты. Просторной была и кухня.

Третья комната отводилась псаломщику – юноше нервному и самонадеянному, с небольшим креном в психике. Всегда приходил он на службу наодеколоненный, в костюме и белой рубашке с галстуком, сосуществуя в то же время у себя в комнате с постоянно неубранной постелью, кучей газет, скомканных и раскиданных по всем углам, с кусками недоеденной пищи на столе среди богослужебных книг и грудой заплесневелых продуктов в шкафу и рядом со шкафом, которые ему не приходило в голову выбросить.

Дом был финский – современная блочная деревянная постройка, тонкая, звенящая, продуваемая со всех сторон. Вокруг дома – участок болота вместо земли, глина и грязь. Лишь несколько яблонь с вкусными яблоками скрашивали несколько казенное впечатление от моей финской «избушки на курьих ножках».

И первое, что я сделал, войдя в новый для меня дом, – вымыл тщательно комнаты, кухню и коридор. Обмыл туалет.

Раскладушка, стол, табурет, полочка из трех необструганных досок для книг, пиджак и пальто на гвоздиках, вбитых в стену, чемодан в углу – и в звенящей тишине ночи звездная глубина космоса в сердце. Вот все, что заполняло две мои просторные комнаты.

Мир и покой в душе твоей, дитя.
Не мучайся над тем, чего не можешь
Сегодня разрешить в своих сомненьях.
Полет свободный предоставь Судьбе.
И сам свободно двигайся по жизни.
Храни Родник. А воды Родника
Всегда найдут свою дорогу к Морю.

Очисти посох. Пыль стряхни с плаща.
Лампадой сердца освещай дорогу.

В общем-то, курортная жизнь. Однако жена не захотела ехать в Кашин – на новое местожительство мужа:

– Хороший дом, но не свой, – рассудила Галя. – Сегодня он есть, завтра нет его у тебя. Переезжать же с места на место, когда тебе не двадцать и не тридцать даже, поздновато уже. Случись с тобой что – и совсем без жилья и я, и дети. Лучше уж поживу я у матери.

Ее можно понять, если учесть, что, стажив в комиссионный магазин наш громадный старомодный двухэтажный шкафище, мы квартиру в Новосибирске, фактически, бросили – обмен же Сибири на Европу мог бы занять у нас несколько лет.

Так и поселилась Галя с двумя детьми в частном доме матери в небольшой комнате. Были, правда, еще – холодная прихожая, небольшой чулан и традиционный для селян туалет на дворе. Лишь два или три раза в месяц приезжал я к ним взглянуть на их лица.

Так постепенно отец семейства стал превращаться в нечастого гостя. Тем не менее, Галя писала знакомым бодрые письма.

«У нас произошло много событий, – сообщала она. – Напишу вкратце. Сегодня я с детьми прописалась у мамы в Калинин. Любаша поступила в строительный техникум. Сейчас они работают в колхозе. Святослав учится во 2-м классе здесь. Гена живет в Кашине. Работает в церкви дьяконом. Служба идет у него хорошо. Я очень рада за него и за себя, и дети довольны. Святослав только скучает – у него в Новосибирске в школе были хорошие друзья. Будем надеяться, что и в этой школе друзей найдет...» (сентябрь 1984).

Я же в тишине и одиночестве своей более «буржуазной», чем в Новокузнецке, кельи предавался чтению священных писаний, а после молитв душа пела и ум устремлялся в Запредельное.

Не расплескай Любви вселенской Чашу.
Напиток благодатный белой тканью
Укрой от взоров. Розовой вуалью
Трепещущее сердце окружи.
И все сложи в Ларец с акваарином.
Найди в саду, где иммортель цветет,
Часовню белокаменную. В ней
На голубой трехгранной пирамиде

Оставь Ларец до времени. И следуй,
Сомкнув уста, по узкой полосе
До Храма, что белеет на Вершине.
В Него войдя, ты сможешь вновь вернуться
В Часовню, где Ларец захоронил.

Часто вечерами, уже лежа в постели, вспоминал я новосибирцев. Да, расстояние в три тысячи километров не малое, – думал я, – но время отдаляет сильнее пространства.

Вскоре, однако, от талантливого и ищущего Владимира Викторovichа Черченко, преподавателя детской музыкальной школы в Барнабинске, пришло большое послание, полное боли.

«Долго настраивался я на это письмо, – сообщал он, – так как осознаю всю важность нашей счастливой встречи в последний вечер вашего пребывания в Новосибирске. Благодаря сердечным словам участия вашего в моей судьбе, полной хаоса и противоречий, в меня вселилась надежда на исцеление от глубокого кризиса, на истинное духовное сотрудничество... И в самом начале этого пути хочу получить от вас поддержку и помощь, так как больше мне помощи ждать, к сожалению, неоткуда...

*Чувствуете ли вы во мне хоть краем души сотрудника?
Дайте мне беспристрастную оценку и хоть каплю надежды на исцеление. Мое стремление к Знанию для меня все в жизни. Жду скорого разрешения моих сомнений» (декабрь 1984).*

На следующий день я отправил ему ответ.

«Друг, дай руку – мы выйдем из дома
В сад цветonoсный. Не смотри, что зима:
Если сердце пылает любовью – тает снег на вершинах.
Ты постучал в обитель мою – я стук твой услышал.
Ты печален и мрачен – прошу, успокойся.
И присядь на минутку.
Ты смотришь на книги, на картины мои,
И на стол, что завален бумагой.
Мы отсюда уйдем, эти стены оставив.
Ведь любая стена – преграда для мысли.
Ее трудно разрушить, ибо мы сами
Создаем свои стены.

Друг, дай руку.
И мысль свою слей с мыслью моею.
Мы вышли на воздух,

Но мысли твои заперты в стенах.
Ты калитку закрой за собою –
Пусть за нею останутся бури и будни
Души омраченной...
Вот тропа. На снегу она еле заметна.
Друг за другом пойдем, чтобы было удобней.
Подожди, ты прошел – под ногой твоей камень.
Нет, не льдина, а камень, – подними осторожно.
И посмотрим с тобою, что же в нем отразилось.

Я вижу капли крови – это сердце
Кровоточит, стена. И за ним
Клубятся облака. И лунный свет
Сквозь облака струится безнадежно.
И еле различимая дорога
Петляет. И ее узлы, смотри,
Запутанный клубок образовали.

Кристалл поверни. Оботри его грани,
Что снегом сокрыты и неведенья глиной.
Видишь, зерна сапфира в красном рубине.
Это небо, наверно, сгустилось,
Что живет в твоём сердце.
До того вон холма нам добраться бы засветло нужно –
Он скрывает собой горизонт наших знаний и веры.

Взметнулся вихрь – и я увидел лань,
Бегущую по снегу. Из кристаллов
Снежинок радужных ее сплеталось тело.
И перезвон колоколов звучал
При каждом прикасании копыт
К заснеженной тропе. И на холме
Она лучом рассвета обернулась.

В полумраке ночном среди холода видишь ли лань?
В одиночестве видишь ли синие капельки Света,
Что слагаются в гранулы звезд, и в кристаллы цветов.
В одиночестве слышишь ли пение сердца,
И лунного камня сонату, и мелодию Марса,
Одетого в осени желтые листья,
И мессу Восхода над тем Горизонтом,
Что сейчас наполняется Светом?

Гора белела в воздухе. Вершина
Венчалась Солнцем. Розовый рассвет
Пронзал пространство Далей Беспредельных.

И берег Моря золотом песка
Напоминал Созвездья. На лугах
Цветы свои головки раскрывали
Навстречу Свету. Эхо доносилось
С Вершины и окутывало Море
Своими голубыми кружевами.

Рассвету поклонимся. Руки умоем в лазури.
И к зелени трав прикоснемся губами.
Дай руку мне, Друг,
Мы пойдем за цветами, растущими в сердце.

И облако над Морем я увидел.
Оно клубилось вихрем беспокойным.
И в центре клокотал змеиный узел.
И мрачная Луна в клубке светилась.
Так в Небе отразился тот кристалл,
Что ты топтал ногами. И поникли
Цветы в твоих руках.
Одна лишь роза алела там –
Среди цветов погибших.

Кристалл подними высоко над собою.
Пусть наполнит Сапфир синевою своей Небо.
Пусть разрубит Рубин этот узел, что вяжет
Твои руки и плечи мертвой петлею.

И облако рассеялось. И Крест
От Неба до земли пронзил пространство.
И белый Луч светился в вышине.
И красный Луч с лазурью вод сливался.
И сине-голубая параллель
Была как Горизонт твоих усилий.

Из Сада пойдем. Этот символ запомни.
Дай руку мне, Друг, – опять зимний холод,
Тропа снеговая, калитка и дом...
Стряхни с себя снег, и присядь на минутку.
Я чая налью.
Вот хлеб мой и соль
И чаша вина вполовину с водой.

Володя, – продолжал я свое письмо, – все сомнения и подавленность вашу, конечно же, нужно оставить. Вы подошли к прекрасному лазурному морю – к детям. И зажгли над ними свое Солнце. Не опускайте рук, не уроните его, не угасите в сердце

зажженное пламя... Ведь ваше сердце указало Путь. А хитро-сплетения несовершенного разума пытаются превратить этот путь в болото. Слушайте сердце. То, что вы начали в музыкальной школе, и есть ваш Путь... Не топчите драгоценный камень, а поднимите его над головой – и все остальное притянется к нему, как к магниту. Только после этого, имея над собой Краеугольный Камень собственного Творчества, можно смело пускаться в полет по лесам и долам Учения Живой Этики – и не упадете, и не разобьетесь...

Вот то, что вы пишете мне в письме, очень хорошо к вам же и подходит. Пусть и вокруг вас «чуть слышно шумят деревья и опадают листья», а вместе с вами и дети пусть почувствуют «в каждом цветке свою особую музыку», и пусть ваши совместные с ними дни будут наполнены «цветными нотами и гаммами». Тогда дети потянутся к вам, к вашей искренности, к вашей доброте, с интересом присматриваясь не только к вашим словам, но и к делам. Указывая им путь, вы вдруг откроете для себя, что вы идете по пути, указанному вам ими. Ведь они – много чище нас, взрослых. Мы живем в исковерканном и перевернутом мире, созданном нашими собственными пороками и заблуждениями, которых еще нет у детей. «Будьте как дети» – давно уже сказано... Призываю вас к Красоте Творчества, зажженного в вашем сердце. Всегда имейте перед собой бегущую и серебром сияющую лань. И ваше сердце наполняйте колокольным звоном Миров Надземных...

Советую внимательно отнестись к Володе Слободанюку.

Негромко, но по существу, он может помочь. Привет от меня Игорю Гельману и Лилии Королевой» (декабрь 1984).

Я очень хорошо запомнил Володю в наш последний вечер в Новосибирске, когда мы собрались в совершенно пустой только что отремонтированной квартире.

И эта физическая чистота вокруг нас, лишённая всякой вещественной атрибутики, как бы подчеркивала чистоту наших духовных устремлений и отношений между нами. Сидели просто на полу, подложив под себя вещи, которые не были отправлены контейнером, а остались на руках. Собрались все, кто смог приехать. Несколько человек, в том числе и Володя, были новыми для меня.

Мы долго беседовали, обсуждая на прощание множество недоговоренных тем. И намечая планы будущей совместной работы, понимали, что расстояние и время, конечно же, во многом усложнят наше общение. И, в связи с этим, к радости многолюдной встречи примешивалась и грусть от неизбежности расставания.

Как невозможно вновь вернуть в родник
Поток реки, вливающийся в море,
Так и поток сознания твоего
Уже по руслу новому стекает
В пучины океана мирового.
Не бойся одиночества. Запомни –
Умеющие цель свою увидеть
Не будут одиноки на Пути.

«Наташа, здравствуй, – писал я из Кашина в Новосибирск. – Прими от меня, как талисман наступающего нового года, горсть чистого и звонкого снега. Пусть душа твоя будет созвучна его чистоте и его звонкости.

Трудно сохранить белизну снега в грязи окружения – но напрягись и сохрани. Трудно сохранить горсть нежного и робкого снега в зное непонимания – но постарайся. Почти невозможно удержать этот ускользающий, рассыпающийся, вытекающий из ладоней снег. Поставь своей целью – удержать его до последнего кристалла. Горсть снега – это же и глоток живой воды. Испей эту горсть живой воды – и очистишься. И дальше уверенно двигайся по пути своих жизненных странствий.

Твой горестный опыт любви – это, прежде всего, опыт твоей души. Я рад, что ты не сломленной, но умудренной вышла из него. Искренне желаю тебе любви большой, настоящей и творческой. Ищи не только мужчину, но, в первую очередь, человека, созвучного твоему внутреннему миру.

Когда проходит упоение физической любовью, когда дети становятся не маленькими пупсиками, которых хочется целовать во все части тела, а людьми со своими проблемами, запросами и характерами, тогда прорывается из глубин души невероятная потребность духовного общения – Любви Духовной.

Но на это супружеские пары редко когда становятся способными, поскольку в свое время пелена удовольствий физических

застыла глаза, до времени надежно закрывая Горизонты Духа. Не женитесь всяко, но в духе, – так можно перефразировать известное изречение, поскольку Любовь – это и есть высшая Молитва Человека Богу. Мы же, порой, эту молитву превращаем в настойчивое заклинание типа: Господи, помоги мне Васю заманить в постель...

Письмо твое вселило в меня надежду, что ты не потеряешься в круговороте жизни, найдешь светлую стезю и пойдешь по ней. Но эта Надежда, как и первый подснежник, может вот-вот замерзнуть от резких и холодных еще зимних ветров, если не прикроет его вовремя теплый и мягкий снег, если не согреет его любящее весеннее солнце. Ищи свое Солнце, ищи свой Лучик, который будет обогревать и вести тебя по жизни. Пиши мне, если сердце захочет вдруг поделиться переживаниями и проблемами, если разум потребует ответа на вопросы души. По мере сил постараюсь помочь» (январь 1985).

«Вчера был в Калининe, – писал я Володе Слободанюку. – Там уже ждала меня твоя посылка. И все хорошо в ней: книги, статьи, подарки. Спасибо за «Пути восхождения»⁴² и за «Глагол молчания»⁴³. Но вызывает у меня беспокойство неопределенность с Володей из Барабинска. От него долго нет ответа на мое письмо. «Он в Новосибирске находился около месяца, – пишешь ты, – поэтому, наверное, и не получил твоего письма. Дома, наверное, его нашел... Будем писать ему и ждать». Прошу тебя, свяжись с ним по телефону, если у Володи он есть. Если нет – вызови для переговоров по адресу. Много может быть причин его молчания: и конфликтная ситуация в семье, и «горячий темперамент», да мало ли что еще в нынешнее время...

За книгу «Резервы нашего организма» спасибо. Эта книга мне знакома, так же как и целый ряд иной литературы по вопросам питания, голодания и аутотренинга. Есть даже книга «Сто рецептов сыроядения». Всем этим в свое время я занимался очень серьезно, пока не вышел на прямой, но и самый трудный путь постижения Истины и раскрытия Сознания. И все остальное ушло куда-то, как не заслуживающая внимания дорожная пыль, когда путник устремляется к намеченной и зримой ему цели.

Эту цель я указывал по мере сил и тебе. Но, видимо, каждый должен пройти то, что должен пройти... Судьба поставила тебя у подножия гигантской Горы, вершиной своей упирающейся в Бездны Абсолюта. Судьба указывает тебе путь на эту Гору. Есть и проводник, готовый хотя бы немного провести тебя по этому пути. Но нет: «судьба указывает мне капусту, морковку, картошку...». Экспериментировать: собирай у подножия фрукты и овощи – я подожду. Ждать жизнь меня научила. И еще – в местах глухих и далеких я питался так, как не питался, наверное, ни один из «учителей» «диетических методик». Не было у меня ни «пищевой лимонной кислоты», ни «настоя мяты», ни «натурального меда», ни «свежих яблок и моркови». Но была капуста в постных щах, видом и запахом похожая на мелкие доскуты разорванной половой тряпки. И было безудержное устремление – найти и познать. Вот это устремление и сметало все болезни – и не только физические, убирало все складки – и не только жировые.

Замечу тебе, что продолжительность человеческой жизни зависит, и очень во многом, не только от нашего питания.

В «Журнале Московской патриархии» постоянно печатают некрологи. За 90 лет – средний уровень жизни священнослужителей. А работа их у Престола не такая уж легкая, как кому-то может показаться со стороны. После службы приходишь домой – ноги не держат. Но держит и животворит их постоянная молитва, и постоянное памятование о той Высшей Иерархии Божественных Сил, на которую священник и уповаает.

Молитва – самая лучшая и самая изысканная пища человеческого духа. И если дух этот чист – он и мясо укрепит на физическом теле. Дух устремленный даже болезнь пролетит, не замечая ее. Безудержное устремление к вершине Горы мне и хотелось бы постоянно чувствовать в тебе. Не увлекайся мелочами, – неоднократно прошу...

Спасибо за материалы по очередным Рериховским чтениям.

К сожалению, уровень их проведения самый низкий, какой только можно было предположить. Рассматриваемые темы стелются по земле. И если какой-то малый вздох и есть в надзем-

ные дали, то он настолько немогуч и вял, что трудно даже сказать, хватит ли его на то, чтобы Рериховское движение росло и дальше в направлении Живой Этики. Совершенно правильно заметил Святослав Рерих, что все со временем уходит и растворяется куда-то. А здесь – и растворяться-то нечему.

При Павле Федоровиче горел еще огонек и расправлялись крылья. Сейчас же – и крылья сложены, и огонек вот-вот погаснет.

А на встрече со Святославом Николаевичем? – лишь напыщенная важность ведущего, видимо, какого-то ученого, и соответствующий ей «полет» мысли. Находясь рядом с Источником, собравшиеся утоляли жажду водой из привычной им заросшей предрассудками лужи.

Но будем надеяться, что дитя подрастет и, со временем, повернется лицом к Источнику Воды Живой, нисходящему с Горных Высот...

Что же касается православия, то здесь следует различать два момента: многовековой мистериальный опыт церкви, с одной стороны, и нравственное кредо его носителей, с другой. Земные мистерии, так же как и Мистерии Надземные, имеют громадное значение для взаимодействия между собой видимых и невидимых нами сфер Мироздания.

И в этом смысле православие, наряду с католицизмом, является наиболее мощной ветвью иерофантической магии на Земле. Конечно, много в ней искажений как в употреблении символов (ритуальных предметов), так и в их толковании, что значительно нарушает гармоничное взаимодействие между земными и надземными волнами, вызываемыми магическими операциями при совершении тех или иных храмовых мистерий – крещения, венчания и, особенно, евхаристии и рукоположения. Но со временем такое равновесие должно восстановиться... О нравственном кредо носителей православия пока судить не берусь. Поживем – увидим. Мое же вхождение в лоно церкви – шаг не только продуманный, но и глубоко для меня обоснованный...

Еще раз прошу – не замедляй полета над радужным разноцветьем земли. Лицо свое постоянно обращай к звездам...» (март 1985).

«Наташенька⁴⁴, неожиданно и негаданно, наверное, это письмо – так много проехало времени от наших встреч в мою послелагерную бытность до сего дня. Моя судьба существенно изменилась. Оставив мир, я служу теперь дьяконом в Петропавловской церкви города Кашина – это пять часов на автобусе от Калинин, где живут теперь Галя с Любашей и Святослав.

В связи с переменами и мое письмо. Постоянное общение с Библией, особенно в последнее время, вызвало потребность ознакомления с начертаниями некоторых библейских имен и понятий на языке первоисточника. Но все мои попытки еще в Новосибирске достать русско-еврейский словарь успехом не увенчались. Здесь же такой возможности и подавно нет.

В Калинин до библиотек руки еще не дошли, да и книга нужна на все время. И знакомых там по этой части никаких пока. Остается большой город Москва. Помоги, если можешь...

У меня еще свежи в памяти твои всегда содержательные посылки с письмами и книгами в Зону для меня и Юры⁴⁵...

Хорошо бы, конечно, захватить к тебе чайку попить, но когда еще эта мечта станет возможной. В тумане времени смутно различается грядущее» (апрель 1985).

Все же можно сказать, что новосибирское семилетие не прошло даром. Многие были найдены, многие приняты и усвоены. Новые тропы намечены и движение по ним обозначено.

И от этого какое-то чувство удовлетворения наполняло все же сердце в период моего кашинского одиночества. Но стоило вернуться мне в размышлениях на паперть церкви, как наваливались тревожные предчувствия неопределенности и сомнений.

Почему, – начинал я анализировать происходящее со мной, – во время Богослужений душа моя летит к стопам Господа, но пустеет Храм – и в отношениях между людьми погружаешься в омут гордыни и властолюбия, в болото самомнений, взаимных унижений и обид, сплетен и словоблудия – всего того, что каждодневно встречается нам в любом атеистическом или языческом сообществе.

Так и хочется вслед за Николаем Рерихом воскликнуть: Где же благодать молитвы к Тебе, Господи? Где же ее очищающая и облагораживающая Твоих духовных чад Божественная Сила? Где же, Господи, любовь между ближними в земном Храме Твоем?

И лишь волны тепла от друзей, доходящие сюда с разных концов

страны, поддерживали и животворили мою душу.

«Как часто мне не хватает тебя, – писала Светлана из далекого Нальчика. – Твое прекрасное письмо, которое я перечитываю постоянно, действует на меня, как призыв к совершенству, к прекрасному...»

Была в Грузии. объездила все Храмы Кахети. Была в Академии, где учился Шота Руставели. Как будто я сама проникла в ту эпоху. Здорово! Но и тоскливо – все время ожидаю чуда встречи с тобой» (ноябрь 1984).

И с недостижимого уже Алтая (из Кемерово) пришла поддерживающая меня весточка от Саши Ибрагимова:

«Здравствуй, дорогой Брат!.. Закрываю глаза и слышу живое слово, льющееся через наши сердца бесконечно... Всегда!

Через сомнения, боль, иллюзии пробивается цветок Веры...» (декабрь 1984).

«Светлый день, Брат Луч! – писал Саша в следующем письме. – Рад за тебя! Думаю о тебе! Вместе с тобой. Великий Колокол Тишины собирает все звуки... И мы буквы свои несем-слагаем в единое Слово – Жизнь...» (январь 1985).

«Какое прекрасное чувство – Восхождение Духа, – отвечала на мое письмо Наташа Егорова из Новосибирска, – внутренние перемены от того, что ты становишься чище, богаче, добрее, что любовь переполняет сердце ко всему живому. Хочется улыбаться людям, излучая им радость... И что бы ни случилось со мной, как бы ни была тяжела моя судьба, я не сверну с Пути, на который успела встать... Конечно, будут ошибки, будут останки на Пути, пусть будет все, что угодно, но не отступать назад. Это главное...» (январь 1985).

«Как хорошо после долгой и лютной зимы вдыхать запахи долгожданной апрельской ростепели, – писал из Тулы мой солагерник по Мордовии Олег Сенин, адвокат по образованию, поэт по зову сердца и профессиональный проповедник Веры Христовой. – И как всегда, по весне взволнованней бьется сердце, доступнее становится влекущая голубизна жизни. Снова и снова над прозой и мелководьем буден непонятными золотыми буквами про-

ступает неисповедимая тайна Воскресения... Только один раз в году, именно под Пасху, особенно доступной становится связь жизни вечной с нашей верой во Христа из Назарета. Ему Слава и ныне, и всегда, и во веки... Верим, что небо ответит на наши молитвы обильными благословениями...» (апрель 1985).

Вдохну в тебя весеннюю зарю.
Среди зимы огонь любви раздую.
И солнцем опояшу небосвод,
Как белой лентой праздничный цветок
Обвязывают бережно. Надежду
Не утеряй.
Будь чист душой – и сердца плод созреет.
И ягод спелых на поляне Сада
Лукошко соберешь, и все раздашь,
Вернувшись к людям.

Друг мой, это я показывал тебе кусочки своей жизни после службы – в своей келье, звенящей от пустого пространства.

Здесь мое сердце дышало и жило. Здесь мне было светло и радостно. В церкви же своим чередом шла иная жизнь.

– Отче, – обратился я как-то к настоятелю отцу Владимиру, – здесь вот в «Богослужбном сборнике» сказано... А в «Типиконе» таких указаний по этому поводу нет. Как же быть?

– Зачем тебе? – ответил нахмуренно и отстраненно.

– Вдруг придется по службе посмотреть, что и как, а здесь нет ясности.

– Как я скажу, так и будешь делать.

– Конечно, как скажете, отец. Но если рукоположат в священники и буду я один в церкви – спросить не у кого.

– Рано об этом думать, – собирался он уже выйти из алтаря после службы.

– Не понимаю, отче, вашей логики. То вы говорите: смотри, изучай. А начинаю спрашивать – рано тебе.

– Пока ты здесь, не будешь священником.

Не совпали наши характеры. Я не сахар, но и он не мед.

Не легким был мой путь к церкви.

Не легким оказался он и внутри церкви.

«На улице неуютно – сумрачно и грязно. Таков апрель, – писал я в свое 47-летие Светлане в Нальчик. – И хотя в Храме после

Христова Воскресенья второй день Светлой седмицы – душа скорбит... Твоя поздравительная открытка – единственный огонек, прилетевший издалека. Осторожно я раздул его между ладонями. И вот – на моем столе маленький костер, согревающий и успокаивающий.

Какое-то перепахуье сейчас и вовне, и внутри меня. Самоунижение и властолюбие настоятеля тяжело ложится на сердце. Пассивное же мое сопротивление воспринимается как непослушание, как отсутствие во мне смирения – краеугольного камня православия. Конечно, лестью и угодиуничеством все это перекрылось бы с лихвой.

Но не могу я ни льстить, ни угодиуничать. И рукоположение в священники становится неопределенно далеким. Внешний сумрак и внутри меня отражается туманом, порою таким густым, что сам удивляюсь, как еще свеча сердца моего не угасла. Что-то накапливается в душе, какой-то плод зреет... Жену свою и детей вижу два раза в месяц. Чаше ездить не получается – и долго, и дороговато. Но в этом расстоянии между нами – свой свет и своя тьма. Отношения между мной и детьми, лишённые мелких столкновений, наполнились любовью и взаимопониманием.

С женой же – лишь два хорошо знакомых друг другу человека. Что-то важное мы постепенно утрачиваем. И вина, конечно, во мне. «Ты живешь не так, как все, – ненадежный», – определила меня теща. Не смог я дать жене ни должной любви, ни должного взаимопонимания, ни должного благополучия. И чувствую – не будь меня, только вздохнет с облегчением как человек, которому вдруг развязали руки и вытолкнули на свежий воздух.

В погоне за облаками не заметил я, как драгоценный камень земной любви выскользнул из моих рук.

И как найти его теперь в чертополохе жизни?...

Прими, Света, и мой скромный подарок к Дню твоего рождения. Вот веточка вербы на моей книжной полке. К ней приложу я свечу, горевшую в Храме в Вербное воскресенье. Свяжусь их ленточкой из улыбок. И бантик похож на цветок. Пусть полежат они на твоем столе в твой памятный день...

Как твои дела? Чем живет твоя неунывающая душа? На ответ мало надеюсь – разве что к следующему апрелю. Говорю это с юмором, но и с печалью... Молюсь за тебя со всей искренностью сердца» (апрель 1985).

Соизмеряй же малое с Великим.
Нельзя, чтоб тараканы мелочей
Собою заслоняли Свет Созвездий.
Нельзя, чтоб пыль вещей определяла
Звучанье сердца и движенье мысли.
Какая бы погода ни была,
Какой бы снег тропу ни запорошил,
Какой бы град в лицо ни бил ладонью,
Какой бы дождь ни промочил до пят –
Идти ты должен твердо по дороге
И малые события учесть –
Они, как те расщелины на скалах,
Что помогают двигаться к Вершине.

«Мой дорогой Геннадий! – отвечала Светлана. – Последнее твое письмо мне не доставило большой радости, а скорее печаль...

Ты помнишь мою большую тревогу за тебя в связи с твоим уходом в Храм. Может быть, весьма приблизительно, но я имела представление о служителях церкви, и поэтому боялась, что ты будешь ужасно разочарован. От людей, которые рядом, никуда не уйдешь. Желаеть этого или нет, но с ними приходится жить – и это очень сложно. Поэтому так и случилось...

И все же жду от тебя большого письма и хочу, чтобы оно, как всегда, искрилось оптимизмом, радостью и удовлетворением от своей деятельности» (июль 1985).

Земное правосудие – лишь часть
Вселенского Закона. На весах
Все векторы Земли уравновесим.
Так каждый миг земного бытия
Пусть будет устремленьем опоясан.

Письма 10. Священник

16 августа 1999.

Сегодня Государственная Дума благополучно утвердила Владимира Путина новым премьер-министром. Правительственный кризис закончился. Но уже в самом разгаре война в Дагестане с исламистами Чечни. Владимир Жириновский, член думской фракции ЛДПР, ратует за повсеместное введение чрезвычайного положения в стране и укрепление служб государственной безопасности – для наведения порядка в армии, в экономике и в социальной сфере. Политические же землетрясения в России, вызываемые президентом Ельциным, почти всем депутатским корпусом рассматриваются как издевательство над гражданами, над парламентом, над здравым смыслом. Но «Васька слушает и ест». Вот такие дела творятся теперь в Российской империи уже после Конца Света. Я же все донимаю тебя, дорогой Друг, своей историей.

Видимо в том и состоит многогранность проявлений жизни, что наряду с вулканами существует и огонь в камине, наряду с наводнениями – завораживающее пение ручья, наряду с ураганами – неспешная беседа за чашкой чая. А беседа – ведь необязательно пустой разговор. Это может быть и сердечное общение между людьми, или исповедь одного человека другому, облегчающая и душу, и сознание. Тем более, за 60 лет можно один-то раз и высказаться, исповедоваться хотя бы «в жилетку».

Женщины, например, как существа более общительные, чем мужчины, вообще исповедуются друг другу почти ежедневно. Да и в церкви у аналойника больше склоненных женских голов, чем мужских. Конечно, и я бы мог склонить голову перед священником. И он по долгу службы, разумеется, исполнил бы свою святую обязанность, отпустив мне мои прегрешения, вольные и невольные.

Но, с другой стороны, какой же священник согласится выслушивать заведомо длинное покаяние или хотя бы прочесть его письменное изложение. У него, как и на любой работе, время расписано. А после работы – жена, дети, как и у всех нормальных людей. Поэтому на такой подвиг – внимательно выслушать или прочесть длинную исповедь за счет личного времени – способны только Друзья, да и то очень и очень близкие. Однако и близким друзьям необ-

ходимо при этом удобное положение тела и расстегнутый ворот.

Поэтому еще позавчера я усадил тебя, мой дорогой Друг, мысленно, но комфортно, у моего рабочего стола, не обращая внимания на то, что расстояние между нами в пол-России, и видимся мы редко весьма, теперь же и совсем неведомо, когда встретимся и похлопаем друг друга по плечам и спине. Так что лучше уж так рядом посидим, чем совсем никак.

7 июля 1985 года в день Рождества Предтечи Господня Иоанна Крестителя за Божественной литургией в Преображенском соборе города Кимры митрополит Алексей рукоположил меня в сан священника. И после 20 дней стажировки в калининском соборе Белая Троица я прибыл в качестве настоятеля в Спасскую церковь села Сутоки. Это по той же дороге, как ехать в Кашин, но в три раза ближе. Отец Леонид, ранее служивший в этой церкви, по поводу моего рукоположения прислал открытку:

«Христос среди нас! Возлюбленный о Господе брат отец Геннадий. Прими мои поздравления с принятием Благодати священства. Молитвенно желаю тебе здравия телесного и наипаче духовного для усердного со страхом Божиим прохождения своего пастырского служения. Помоги тебе Христе Иисусе с любовью к чадам своим пасти их. Быть, где нужно, и строгим, а где снисходительным к их немощам. Дай Бог тебе разум духовный, в недоуменных вопросах обращаться с молитвами к Господу о вразумлении, а молитву боящихся его он всегда услышит и поможет... Храни вас Христос».

«Наконец-то мое переселение в Сутоки завершилось, – писал я друзьям в Новосибирск. – На новом месте более-менее устроился. Понемногу захожу в нужный ритм духовной работы, создавая вокруг себя привычное состояние из книг, проблем, размышлений и образов.

Можно также отметить, что пройденный мною путь послушничества в Новокузнецке и дьяконства в Кашине не был напрасным. Все пригодилось, каждый камень занял свое место в построении здания. Как отметил бы Павел Федорович: и песок, и глина пережитого прочно соединили эти камни между собой.

Священнические обязанности мои как-то сразу вошли в нужное русло. И хотя еще до моего прибытия сюда здесь произошел

«раскол» среди прихожан на «священниковых» и «схимонаховых», мои отношения со всеми, как мне кажется, складываются более-менее нормально. Послезавтра, два больших праздника подряд, к которым нужно подготовиться: Успение Пресвятой Богородицы и Чин Погребения Божьей Матери. Затем будет полегче. Тогда и сосредоточиться постараюсь исключительно на письме к вам. С учетом его специальной части, думаю, что недели за две управлюсь с письмом...» (август 1985).

Дорогой Друг, что же можно рассказать тебе о Сутоках?

На бугре, над крутым поворотом дороги, среди зеленого великолепия девственного леса, грубо не тронутого еще дымом и топором, над крестами могил, над высокими березами, разлапистыми кленами и мощными осинами, над старым дубом – над всем этим природным великолепием вздымался в Сутоках кирпичный куб Спасской церкви и возносились в небо от белого основания верхней части строения пять голубых куполов, украшенных золотыми звездами, а над ними, словно реюющие в невесомости, сливались с голубизной неба ажурные кресты. Такой предстала тогда перед моим взором после выхода из автобуса Спасская пятиглавая красавица, соединяющая прах земли и извечность Вселенной.

Утра перезвон. Капли чистый почерк,
Неба голубого таинственный разлив,
Птицы в синеве неповторимый росчерк –
То ли был вокруг, то ли миф.

Как и было принято на Руси, небольшое кладбище начиналось здесь прямо от входа в Храм и, огибая его с юга и севера, ниспадало вместе с оградой по холму вниз, к дороге. Окно центральной части алтаря также выходило на кладбище. Перед окном – чтимая прихожанами могила схимонаха Иоанна, жившего здесь некоторое время и скончавшегося два года назад. Простой деревянный крест на могиле, никаких табличек и надписей, но все знали, кто здесь похоронен. И лампадка постоянно теплилась на его холмике в оборудованном для этого фонаре.

Справа от входа в Храм – гранитная стела его первого настоятеля и его семьи. Внуки иерея были похоронены здесь же.

Могилы среди берез и березы среди могил.

В нескольких шагах от ворот ограды, только машине проехать, – сторожка. Это хорошо сбитое из бревен строение, в котором мне была отведена комната, вполне приемлемая: небольшой стол,

книжный шкаф, диван, шкаф для одежды и несколько стульев. Слева от стола, в углу – икона Спасителя. И огонек лампадки высвечивал блеск желтизны ее оклада. А перед столом, на стене висела неизвестно зачем и невесть откуда попавшая сюда большая картина в золотистой раме – несущийся по волнам бурного моря маленький парусник.

Слева моя комната граничила с верандой. Справа – просторная крестильная, из которой дверь и вела в мою комнату. В крестильной – стол, где обычно обедал настоятель церкви. Под домом – громадный погреб более чем в человеческий рост глубиной. Рыли его еще при схимонахе Иоанне, чтобы сделать общую трапезную. И вместе с землей мешками выносили из погреба черепа и кости.

Местное начальство забеспокоилось тогда – что это роют они там, для чего? И вместо трапезной получился просторный подпол для хранения на зиму картошки, капусты, моркови и всего того, что обычно хранят в этих местах запасливые сельские жители России.

Туалет – на улице, между церковной оградой и сторожкой. И вечерами жутковато бывало, особенно при полной луне. Так и казалось, когда сидишь без штанов, что вот сейчас выскочит из-за темной листвы какая-нибудь кикимора и откусит у монаха непотребное ему место.

В сторожке я жил не один. Сторожеу Храма Андрею было отгорожено за печкой в крестильной спальное место. Это – молодой парень, который на скорости в 100 км, вылетев из мотоцикла, до мозга проломил себе голову. Были и еще какие-то переломы. Двадцать с лишним дней лежал он без сознания и чудом остался не только жив, но в здравом уме и хорошей памяти. Все после этого оставив, он стал при Храме не только сторожем, но успевал и на клиросе читать, помогая псаломщице.

Служила здесь одно время принятая мной на работу молодая псаломщица, трагически потерявшая пятилетнего сына и чуть не помешавшаяся рассудком. Был у нее чистый серебряный голос, и дело свое знала неплохо. Но не долго пела она у нас – местная «знать» в платочках и с палочками быстро вынудила ее искать себе Божье прибежище в другом месте. Пришлось взять псаломщицей женщину, не столь даровитую, но из своих – из местных.

Ближайшим же помощником моим в Сутоках являлась алтарница Любовь Васильевна – энергичная женщина, приехавшая из Крыма к своему духовнику схимонаху Иоанну. После его смерти так и осталась она при церкви. Васильевна же и готовила для батюшки, она

же и прибиралась в сторожке «ради Христа» – без оплаты, довольствуясь пенсией.

Спасская церковь имела алтарь с тремя престолами – Спасу (Иисусу Христу), иконе Божьей Матери Знамение и святителю Николаю Чудотворцу. Помогало моему приподнятому настроению здесь и внутреннее убранство летней части Храма – отлично выполненные росписи свода, стен и колонн, икон иконостаса.

Особенно же радовала меня сама служба. Все сам – и священник, и дьякон, и настоятель. Наконец-то, никем не сдавленный, с открытым сердцем я возносил молитвы Иисусу Христу. Уже чаще – два дня в неделю, бывал я в семье, хотя стесненные жилищные условия не лучший вариант для взаимоотношений с женой и детьми.

И Галя рада была, что, слава Богу, окунулась в привычное и давно желаемое – удачная работа по специальности, свой (мамин) дом, дети рядом и, вроде бы, все нормально устроены.

Самое же главное (и это какое счастье) – никто не приходил к ним теперь из мужниных, так называемых, учеников, да и письмами стали меньше докучать. Галя дьяконом и священником и не представляла меня совсем. Один раз была в Кашине в моей проходной двухкомнатной обители. Надышалась там газа – «как вы только дышите здесь», чего мы с псаломщиком и не замечали, пообщалась со старостой и с отцом Владимиром – «и довольно с меня», на этом и закончилось ее знакомство с «работой мужа».

И ни разу не зашла в собор Белая Троица в Калининe, пока я там проходил свою священническую практику. А до церкви-то было – на троллейбусе 15 минут.

Тем более, нельзя было дозваться ее в Сутоки – из Калинина полтора часа на междугороднем автобусе.

Как-то незаметно подступала к Храму затянувшаяся осень – иногда дождило, иногда подмораживало.

В основном же, было тихо и тепло, но и грустно.

Осенняя печаль... И листопад
В безветрии неслышно хороводит.
В пустынном парке бородатый бард
Забывший стих из памяти выводит
Струной гитарной. И березы лист
Трепещет в одиночестве паденья.
И сад любви все более тернист.
В надеждах прежних проросли сомненья.
И гроздь затвердевшие рябины

Висят на холодеющих руках
Своих ветвей. И дремлет в облаках
Забывтый кем-то образ. И морщины
Увядших трав на клумбе опустелой
Мне кажутся небрежною постелью.
Как будто слишком заострил художник
Свой карандаш. Накрапывает дождик.
И тени одиночества ползут,
Нежданно приближая страшный суд.
И падает, и падает к ногам
Чарующее прежде разноцветье.

К осиротевшим осенним деревьям прибавлялась и грусть как бы выступивших из земли могил, одиноко и печально окружающих церковь. И очень часто я бродил и бродил вокруг Храма.

И асфальтированная дорога под холмом казалась мне нереальной нитью, убегающей в никуда. И жизнь представлялась чем-то несерьезным, игрушечным.

И покойники там, в глубине могил, приобретали в это мое хождение по кругу особый смысл, глубокий и вечный, который, как мне казалось, ускользает от взоров живущих.

Я бродил вокруг Храма и всматривался в частокол одиноких крестов. Дети там, и взрослые, и глубокие старики. Что каждый из них унес с собой за пределы земной жизни? Ели и спали, работали и прожигали время впустую, женились и разводились, дрались и мирились, дарили что-то от себя другим или выпрашивали, отнимали и рвали от других себе. Но все лежат теперь здесь – одинаково одинокие и одинаково ненужные еще живущим. Так, придут иногда поправить оградку – и вновь пустота.

Я бродил вокруг Храма и видел тесное переплетение жизни и смерти, малого и большого, злого и доброго. Холм земли на Земле – и чарующая беспредельность звездного Неба. Суета человеческого муравейника – и величие Вселенской Гармонии. Разобщенность людская – и органическое единство природы.

Я бродил среди могил и думал, что же действительно нужно на Земле человеку? Пища – но совсем немного, чтобы тело было способно активно помогать сердцу и разуму прочувствовать и осознать смысл своего существования. Любовь – но лишь в тех пределах, чтобы воспроизвести и воспитать потомство, способное также здраво и целеустремленно идти по жизни. Немного друзей – чтобы не чувствовать страшного и пугающего одиночества в толпе людей.

Особенно – в старости, в телесной немощи. Человек, оставшись один, чувствует себя как бы ограбленным, совсем голым, совсем беззащитным. И этот фактор одиночества и беззащитности – громадный сдерживающий рычаг большинства отношений между людьми, особенно отношений семейных, где люди мучаются, страдают, проклиная неудавшуюся жизнь, но разорвать ее путы, начать сначала – с нуля, мало кто решается.

Особенно женщины, если нет у них реальной замены рвущейся связи на другую, более прочную связь. Часто ненавидящих друг друга мужчину и женщину долго еще держит рядом не вполне осознанная инстинктивная ответственность перед детьми, особенно, если это маленькие крошки. Но, взрослея, дети отпочковываются от родителей и, как правило, только и ждут, чтобы те оставили, наконец-то, их в покое. Сколько трагедий возникает между родителями и взрослыми (особенно, семейными) детьми, если они продолжают существовать под одной крышей. Поэтому дети – слабая опора в старости. Бывает и так, что почти никакая. Так, забегут раз в год поведать – не умер еще?

Жена – другое дело. Она и ровесница, и помощница, и опора для мужа. И он для нее. И если, вырастая из штанишек плотской любви, их сексуальные отношения постепенно обрастают тесной дружбой и взаимопониманием, то, можно сказать, их прочная жизненная ладья построена и совместная старость обеспечена. Но это происходит редко. И страдают обе стороны до тех пор, пока не станут безразличными друг для друга.

Падали легкие и чистые хлопья снега на кресты и могилы, на засыпающую траву под ногами, углубляя собой тишину и многозначительность обнаженных берез и кленов.

И приходили сравнения – есть ли такая же чистота в моих супружеских отношениях с Галей? И все чаще я ловил себя на мысли, что должно взаимопонимания между нами так и не получилось.

Мать, дети, родственники, работа – более прочно связывали ее, чем хрупкие нити отношений между нами. Может быть и сблизятся наши души, а может быть и окончательно разлетятся в разные стороны. Время покажет, – думал я.

И служба в Сутоках казалась мне весьма своевременной.

Я приезжал туда, чтобы лишний раз не мешать жене и детям.

Я мог уединиться там, вблизи могил и крестов, среди берез и кленов, понимая, однако, что эта уединенность хороша, когда есть все же возможность вернуться в места, где тебе пусть и не так ра-

достно, но все же тепло от людей близких, которым ты еще нужен.

А если бы не был нужен – как оказались ненужными своим женам некоторые мои друзья из Новосибирска? Другие же жили еще совместно только из-за опасения остаться одинокими, всеми забытыми в своей неустроенности и беспомощности.

Подобная ситуация складывалась и у меня. Поражало же то, что и у моих друзей была одна и та же причина осложнений в семьях – не так мы жили, как все. Не хотят нынче женщины быть «декабристками». Одна из них сказала своему «непутевому» мужу: «Ты слишком правилен, я же обыкновенная женщина, которая подвержена слабостям, и не хочу жить по-твоему».

Я бродил вокруг Храма и вспоминал Христово:

Не надейтесь на князи и сыны человеческия –
в них же нет спасения.

Это очень глубоко и точно сказано. Люди нередко предают друг друга, часто меняют свои решения и цели. «Человек не хочет того, чего он хочет», – как-то очень мудро заметил писатель Андрей Сивявский. И поэтому, думал я, обходя могилы, – нужно найти себя.

Найти себя – значит найти того единственного Друга, который не предаст и не покинет в трудный момент, который будет всего ближе к тебе, являясь опорой всегда и во всем на всех неожиданных и крутых поворотах жизни.

Видимо, Омраам Айванхов вполне справедливо отмечал: «Все, что мы видим, все к чему прикасаемся, считая, что оно рядом с нами, находится уже далеко от нас. Близко к нам лишь то, что внутри нас».

И если в поисках Друга внутри себя решится какой-нибудь странный странник выйти из города, который не принял его и отверг, то ему останется лишь, «отряхнув прах со стоп своих», поправить на плечах плащ, взять в руку березовый посох и идти дорогой, только ему ведомой, только ему доступной.

Я бродил вокруг Храма. Таяли снежинки на моих ладонях – святая вода Небес. И мысленно посылал я эту живительную влагу дорогим мне людям: Саше и Игорю, Володе и Борису, Наташе и Лилии – всем моим немногочисленным спутникам, на плечи которых я еще мог опереться в своем движении по окружающей меня пустыне.

Зима не зима, но то слякоть, то снег.
Метель не метель, но промозглость сырая.
И ветра по улицам сумрачный бег.

Пикник ноября – околесица злая.
А здесь на стене в позолоченной раме
Под парусом лодка куда-то летит.
И волны бурливые бьются о камень.
И мокрый песок утомленно молчит.
О чем он молчит, зацелованный морем?
И снег за окном. Он-то чем недоволен –
Кружит и кружит мимо стылых берез.
И в окна стучит, и колотится в двери.
Зачем ты беснуешься, злая метель?
Ведь белый мой парус и в пасмурный день
Летит по волнам...

И навстречу метели
Я вышел из дома в промозглую хмурь.
Вокруг суета – круговерть челоуечья,
Ларьков разноликих заморская дурь
И пьяных бомжей боевые увечья.
Машин перехлест. Маята бездорожья.
И серая грязь под ногами скользит...
А снег ноября все кружит и кружит –
И грязь укрывает по милости Божьей.

«Дорогой Юрий Владимирович, – писал я Линнику в Петрозаводск, – наконец-то я получил известие от вас и сборник стихов «Посвящение». Сразу же и прочел. Особенно понравилось: «В Косалме», «Стена» и триптих «Школа снов». Помню, намечалась вами научно-фантастическая повесть (или роман) – движется ли? Сейчас мы живем значительно ближе друг к другу, отсюда и реальной становится возможность встречи. Рад был бы увидеть вас здесь, в Сутоках – в местах, действительно, чистых и русских.

По субботам и воскресеньям я всегда у престола. Также и в будни, если бывает служба. Можно бы встретиться и в Калининне, но там сложность с ночлегом, да и место для встречи все же предпочтительнее около Храма.

И беседовать лучше на святых местах. В сторожке, в моей комнате, ждет вас уютная раскладушка. Разве не интересно провести ночь в пяти шагах от церковной ограды? Разве нет желания вознести совместную молитву в Божественной литургии? Так что приглашаю вас в свою тихую и молчаливую обитель» (ноябрь 1985.)

После томительного ожидания пришел ответ на мое письмо от Николая Речкина.

«Очень обрадовала меня твоя весточка, – писал он. – Спасибо сердечное, что не забыл меня. Я рад, что у тебя свой приход... Вот уже второй год, как я один, без семьи. Это были очень тяжелые годы. Плохо одному... На душе постоянно тревожно – так хочется иметь рядом верного, любящего человека... Сейчас подошли интересные, внимательные и ищущие люди – опять веду беседы о Живой Этике и Рерихах. Помолись за мою грешную душу... Жду твоего совета-весточки» (ноябрь 1985).

«Спешу ответить на твое письмо, – писал я Коле. – Конечно же, я молюсь за тебя. И до сих пор памятливы мне наши встречи. Я благодарен Судьбе, так близко соединившей нас и так своевременно. Наши беседы с тобой, наши совместные поездки к Павлу Федоровичу – никогда не забыть. Хранятся в памяти и дни до моего отъезда из Таллинна в Сибирь, когда у тебя открылась перспектива «главного инженерства» на серьезном предприятии – интересная работа, начальственные высоты с секретаршами, с чаем или кофеем в кабинете. Но пути Господни, воистину, неисповедимы. С больших высот и падение тяжело. Жизнь иногда так крепко бьет, что и понять невозможно – за что же, собственно. Признаюсь тебе, в момент твоего «падения», в момент твоего смиренного сопротивления ему, я отнесся к тебе не просто с уважением, как и в первые годы нашего знакомства, а с каким-то родственным чувством и братской любовью. Зона все же дала мне возможность более-менее правильно оценивать окружающих меня людей. Она же и показала мне, что все слишком относительно в земной жизни: сегодня ты пан – а завтра пропал; сегодня ты в злате и серебре – а завтра башкой в мусорном баке. И никто, кем бы он ни был, не застрахован от головокружительных перемен своего земного существования.

Помню я, как тогда многие «рериховцы» высокомерно отвернулись от тебя. Помню, как затем ты смиренно тащил на себе несколько мелких работ, совершенно не соответствующих твоему духовному и интеллектуальному статусу. И если бы бы-

ло в моей власти все в твоей жизни поставить на круги своя, все вернуть – я бы вернул...

Возвращаясь же к теме семейной, хочу отметить, что, конечно же, в каждодневности обихода почти все ценное обесценивается из-за постоянной близости жены и мужа. Мелькание друг перед другом туда-сюда многое с Высот бросает на землю. И великое становится мелким, а мелкое – непомерно большим.

И, тем не менее, необходимо делать усилия, чтобы это великое оставалось в сердце жить и все остальное контролировало.

И у нас с Галей бывало всякое. Но я не спешил, как это часто происходит, бросив все, уйти к другой – молодой, красивой, все понимающей. В критических случаях я уходил не к женищинам, а в свою работу, сжимал сердце в кулак и летел к поставленной себе цели. И время само преодолевало кризис. Приходило понимание, что остановился своевременно, что ошибки не совершил, что, по большому-то счету, Галя никто заменить-то и не может, ибо уже не что-то мимолетное и кажущееся нас связывает, а суровые нити прожитых лет, и совместный духовный путь, и прежняя физическая любовь, которая, как оказывалось затем, и не утрачивалась, а просто скрывалась под пылью и ветошью быта. Убрали эту ветошь – и снова все засияло чистотой и ароматом былой свежести чувств. До следующей пыли...

Знаешь, думаю я, что самое скверное между женой и мужем – это предавать человека, когда его нет с тобой рядом, когда он в море или в тюрьме. С другой стороны, это типичный случай – измена мужьям или женам, длительное время находящимся далеко друг от друга.

Если же серьезно на эту проблему смотреть, то мужчинам надо учитывать, что женищина прежде всего хочет жить, а не ждать. Но жить для женищины – значит любить осязаемо, физически реально, сегодня, а не через месяц или через полгода, когда суженый-ряженный снова появится дома. Женищина всегда помнит, что с каждым днем ее молодость приближается к старости.

Если же говорить об одиночестве, то замечу, что это чувство весьма часто не исключается и женишьбой. Но чувства одино-

чества нет даже в одиночестве, если сердце устремлено, если есть цель, не позволяющая расслабиться, впасть в уныние, не позволяющая согнуться под тяжестью жизни. К такой устремленности я тебя и призываю.

Тем более, что вновь восстановилась и налаживается твоя духовная работа, по которой, уверен, ты соскучился невероятно. Вот эта Женщина никогда не изменит. И она вернулась к тебе и, прощая все, снова доверчиво прижалась к твоему израненному сердцу, ничего не требуя от тебя взамен. Помнишь из Учения:

*Молись Христу,
Умей найти радость обращения к Творцу.
Нужно приучить себя к достойному поведению
Перед Ликом Иерарха.
Так скажу – нужно облечься в непрестанную молитву.
Такая молитва нужна теперь,
Когда Земля потрясена ужасами.*

Пусть же эти слова постоянно звучат не только в моем сердце, но в наших сердцах. Коля, пойми мое послание правильно. Это письмо-размышление, письмо-совет. Письмо, написанное с болью в сердце за тебя и твою судьбу. Так хотелось бы, чтобы наладилась твоя духовная жизнь и душа распрямила крылья для свободного полета в созидании и творчестве» (ноябрь 1985).

«Здравствуйте, дорогой друг и коллега, – писал мне затерявшийся было Игорь Гельман. – Ведь и вы, и я являемся служителями Культа Ура (Света), лишь с той разницей, что вы – жрец, а я – бард. В песнях моих (их больше 50) меньше стало Мандельштама, больше – Цветаевой, Ахматовой, Волошина, Светлосанова. И я знаю, что здесь не останюсь, как не останюсь и в изучении Учения...» (ноябрь 1985).

«Игорь, получил ваше подробное письмо – и спешу с ответом. Конечно, рад был бы встретиться с вами. Поговорить, и просто посмотреть друг на друга было бы отрадно. Тем более, что такие встречи теперь весьма редки. Благо, все же, что и в этой невозможности судьба предоставляет свои чудесные сказки. Не пришло ли время серьезно подумать вам о выходе на большую сцену. Почему бы не взять на вооружение магнитофонный при-

мер Владимира Высоцкого, создав на ленте ощущение интимности и аплодисментов. Можно делать записи и на концертах...

Как дела у Володи из Барабинска? На его отчаянное письмо я предложил ему совместные проекты по тематике его работы в детской музыкальной школе. Беспокоился, не случилось ли с ним чего в период его апатии.

И вот скоро год, как он пишет ответ... Передайте привет Лилии Королевой. От всей души желаю ей семейного счастья. Но как-то не могу представить Лилию женой и матерью, настолько отрешенной была она от всего этого... Как там наша любимица Наташенька⁴⁶? Думает ли поступать в университет или нырнет в омут семейной жизни? (декабрь 1985).

«Получил ваше письмо и подборку статей, – уведомлял Борис Лисицын. – Статьи мне понравились. Интересный материал... Если будет возможность, то вышлите, пожалуйста, и песнопения, особенно – старинные распевы. Сейчас эта музыка звучит свежо и современно...

В настоящее время я работаю над хоровым циклом на стихи М. Ю. Лермонтова. Один из номеров цикла – «Унылый колокола звон» – дам в стиле знаменного пения. Другой – «Я, Мать Божия, ныне с молитвою» – имеет признаки жанра «Ектении»... В прошлом музыка писалась для Храмов и исполнялась, т. е. происходило постоянное обновление. В нашем веке эта традиция по многим причинам утратилась... Жду весточки от вас» (декабрь 1985).

Письма моих друзей, конечно же, очень помогли мне в Кашине и поддерживали меня в Сутоках. И на проскомидии⁴⁷ в начале Божественной литургии, вынимая частички из просфоры⁴⁸ и полагая их на богослужебную тарель, я взывал о помощи им в их светлых и чистых начинаниях.

– Помяни, Господи, – молился я, – о здравии рабов Божиих: Людмилу, Алексея, Владимира, Игоря, Сергея, Наталью, Александра, Николая, Александра, Игоря, Лилию, Петра, Юрия, Олега, Ларису, Светлану, Марию, Владимира, болящего Александра, Галину...

– Упокой, Господи, души усопших раб Твоих: отца моего Владимира и мать Анну, моего духовного наставника Павла...

И хотя дела мои налаживались – и священнические, и домаш-

ние, – но дух все еще стлался по земле в поисках новых ритмов восхождения.

Не мерь земною мерою. Надземный
Ищи масштаб, чтоб оценить движенье
Невидимое глазом. Но повсюду
Звучит глагол Надземного в земном.

«Дорогой Гена, уважаемый отец Геннадий! – писала Лариса из Таллинна. – Спасибо за память, за добрые пожелания и весточку о себе. Прими мои поздравления с принятием священнического чина, с новым глубоким поворотом в твоей жизни, а также пожелания успехов, терпения, мудрости и мужества, духовных и пасторских радостей на избранном тобою нелегком подвижническом поприще...

Я теперь заведу отделом редких книг в государственной библиотеке. И эта работа неразрывно связана с моей другой жизнью (в свободное время) и не существует отдельно... По роду занятий иногда сталкиваюсь с интересными для меня научными находками, имею возможность много ездить и встречаться с людьми. И за все благодарение Господу» (январь 1986).

Наконец-то через год пришло долгожданное и, действительно, толстое письмо от Володи из Барабинска.

«Я уже полностью справился с заданием, которое получил от вас, – сообщал он. – Подобную поисковую работу очень люблю (ведь я в прошлом – коллекционер), поэтому выполнил ее с возможной полнотой. Но указ ваш я понял по-своему, ибо всегда поступаю так – выявляю для себя суть чужой мысли и расширяю ее соответственно своим возможностям... Живая Этика дает мне массу идей по работе с детьми и самостоятельным изысканиям в различных областях человеческих знаний. Задумок интересных очень много... Сейчас я веду Университет музыкальной культуры при Доме культуры, лекторий в интернате (преподаю сольфеджио), бывают разовые лекции в школах, ежемесячные беседы в профтехучилище (выступления на каждой секции по эстетическому воспитанию детей). Мой открытый урок произвел сильнейший резонанс среди преподавателей – отозвались восторженно. Переполняют идеи, из которых я вы-

разил самую малость. В другой раз мои мысли потекут в других направлениях... Хочу обратить ваше внимание на то, что пока я готовлю материал к уроку – все нормально, но в самый момент его воплощения я часто испытываю какое-то внутреннее сопротивление и апатию. Мне кажется все такой несущественной чепухой – и это лишает меня радости, часто прихожу с работы совершенно разбитый и недовольный результатами. Что же это такое – я еще ни разу не испытал истинной творческой радости! Может быть, сердце стремится к чему-то большему?» (февраль 1986).

В первых числах февраля нежданно-негаданно добралась до Суток Анна Ибрагимова с маленькой Леей и незнакомым мне Вячеславом, солидным бородатым молодым человеком, как я подумал – сибиряком, оказавшимся москвичом. Познакомился он с Анной на Алтае во время своего отпуска, еще в то время, когда Анна и Саша жили в Мульте с надеждой поселиться там на все время – Саше писать стихи, Анне рисовать. Они, поэт и художница, вдохновлялись чистотой горных пейзажей, красотой Уймонской долины и разногласием стремительной Катунь. Но эта же Катунь (туда ее и сюда), видимо, и окружила вдруг романтической пеленой встретившихся случайно Вячеслава и Анну, пока Саша, задержавшись дольше обычного, искал в Кемерово возможности для опубликования своей очередной книги стихов.

Каждая же романтика – на реке ли, на озере, на лугу или просто на лавочке под розовыми закатами – заканчивается, как правило, постельной прозой. К тому же смена партнеров – обычное дело в кругах людей талантливых, творческих, легко загорающихся. Ведь каждая новая встреча – это очередное вдохновение, совсем свежее стихотворение или неожиданная картина.

Пробыли Вячеслав и Анна в Сутоках чуть более двух недель. Хотели посмотреть, как здесь я устроился. Планировали и остаться в Сутоках – служить при Храме. Поселил я их в сторожке, в полутемной комнатке с окном, выходящим на крытую веранду. В этой комнатке обычно останавливались на ночлег по большим церковным праздникам староста церкви Нина и две-три ее подруги из соседнего села. Да и так – эта комната считалась за старостой.

И вдруг – заняли ее «эти бабушкины приезжие, не пойми кто». Да и маленькая Лея, общаясь со старостой и алтарницей на кухне сторожки или в Храме, непосредственностью своей дала ясно по-

нять, что «этот дядя совсем и не папа». И донесли уже до властей, что «живут у бабушки без прописки посторонние люди», а бабушки на лавочках добавляли: «прелюбодействуют». Однако они не прелюбодействовали. Вячеслав развелся с женой и теперь был уже мужем Анны. И она с дочерьми собиралась переезжать к новому мужу в Москву. Хотели они посвятить себя церкви и православию – искали для этого возможности. И для начала – послужить у меня для них было бы весьма полезно. Я же со своей стороны планировал официально оформить Вячеслава сторожем и истопником, Анну же определить на клирос – может быть, и получилось бы у нее читать и петь. Тем не менее, после трудного разговора с администрацией села, пришлось объяснить гостям местные сложности. И Анна долго не могла понять, что же такого они сделали, что им надо уехать, ведь она уже в зимней части Храма и к иконам пригляделась как художница, и могла бы некоторые из них, уж особенно ветхие, обновить или реставрировать.

Да, мирская жизнь и жизнь около церкви – два сосуда, содержимое которых перемешать не так просто – невозможно почти.

В апреле накануне великого праздника Входа Господа в Иерусалим из Новосибирска приехал Александр Зимин. Вечером, отстояв Всенощное бдение, он утром перед Литургией исповедовался, всю службу в радости и благоговении молился со мной в алтаре и причастился затем святых Христовых тайн. А после службы мы бродили с ним вокруг Храма. И он остался доволен тем, что увидел и что почувствовал здесь.

В июле новая встреча – с Игорем Гельманом. И два богослужения прихожане церкви наслаждались его профессиональным пением на клиросе. А между службами – показал я ему окрестный лес и село. Дошли мы и до местной речки Кравивки.

Посидели и у Барского озера.

– Вот у этой осины, – показал я Игорю высоченное дерево у самой воды, – погибли два мальчика-близнеца. Приехали из города на лето к бабушке. И как-то играли здесь. Вдруг внезапно набежали тучи и разразилась гроза. Мальчишки встали под это дерево. Не прошло и минуты – ударила молния прямо в осину. А еще через пять минут – снова чистое безоблачное небо. Похоронили мальчиков справа от входа в церковь.

Вечером красное солнце лежало на облаках, словно на мягких и прозрачных ладонях. И среди зелени смешанного леса шла наша душевная беседа. На следующий день мы уже были в Калининне.

И я записывал на магнитофон новые песни Игоря, которые он исполнял под гитару.

В начале августа добрался до Суток из Новосибирска уже совсем серьезный психолог Сергей Ключников с сестрой Мариной (филологом), которая, как и отец, хотела быть журналисткой, работая пока в заводской многотиражке. Вся их дружная семья планировала переезд в Москву. После службы я с интересом знакомился с новой работой Сережи, в которой он расширял границы и значение психологии с учетом идей Живой Этики.

Недели через две встреча с Володей Слободанюком. Он взял отпуск и приехал, чтобы без спешки совместно рассмотреть требующие решения некоторые вопросы нашей совместной работы. За десять дней, проведенных им в Сутоках, мы многое разрешили.

И, конечно же, молились вместе, бродили вечерами вокруг Храма, гуляли по селу и по лесу.

– Хорошо у тебя, – подытожил он, когда я в Калининском провожал его на вокзал. – Пожить бы здесь. В дьяконы к тебе что ли пойти, возьмешь? Послал я с ним для Саши Зимина ко дню его рождения стихотворение, написав его на обложке книги Валентина Сидорова «На вершинах»:

Будь на Вершине Духа в буднях дня,
Будь на Вершине Духа в гуле строек –
И голубую лентою заря
Чело твое от маяты укроет.
Омоет нежной влагою своей
Глаза твои и закоулки сердца.
Будь на Вершинах мягче и добрей.
Невинным будь невинностью младенца.
Куда ни глянь – повсюду Путь.
Но будь!

Приезжал и Олег Лысков, оставшийся довольным хорошо и с пользой проведенным временем. А в середине октября еще раз заехал Игорь Калинин с молодыми ребятами, которых он привез в Сутоки. Вместе молились. Таким нежданно радостным был почти весь 1986 год. «За радость общения благодарю Тебя, Господи», – не уставал я повторять в своих молитвах.

Марта теплое начало
На ладонях женских рук.
Пусть растают все печали
И ручьями убегут.
Пусть подснежник улыбнется,

Пробиваясь через снег.
Сок березовый прольется
Пусть на радостей букет.
Верба вдруг от сна очнется
И щеки твоей коснется
Первой зеленью листа...
И проявится мечта.

Но в этот период времени появлялись и скорбные вести. Пришло письмо от Лилии Королевой. Сбылся ее давний сон о гробах.

«Был у меня сложный период – писала она. – Слишком много передумано уже и написано дневников – и все равно до каких-то решений далеко. Сейчас я в больнице. Завтра должны выписать. Ребенок мой умер за месяц до родов. Здесь я один на один с собой, есть и покой, и радость за тех, кто рядом кормит своих малышей. Дома будет трудно. Мама с мужем совсем никак. Каждый день она приходит и настаивает на разводе. Домой мне совсем не хочется... Все сложно. А я так устала... Я вам много писала, но все не о том. Главное – я не потерялась и, если бы немного щадили друг друга близкие, сохранились бы и большие силы... Я очень изменилась за это время – и глубже, и мягче, и сильнее стала...» (май 1986).

«Горит лампадка в углу моей комнаты у иконы Спасителя, – писал я в ответ. – И будто светится душа твоя над листками твоего письма, которое лежит передо мной. И от этих двух свечей на сердце тепло и радостно. А на улице пасмурно. И жалобно дрожат на ветру еще не окрепшие новорожденные листья. Воистину пути Господни неисповедимы.

Думал ли я года два назад, что буду сидеть вот здесь, в этой продолговатой комнате с небольшим окном, в двух шагах от прекрасного Храма, в котором я возношу молитвы о близких и дорогих мне людях, возношу их к стопам Владык, в те Запретельные Дали, о которых на земле мы даже смутно не помним.

Думал ли, что вот сейчас в этой келье своей, так же, как и ты там, в палате больницы, я буду остро переживать свое одиночество, и взвешивать, и примерять прожитое, пришивать его к настоящему и кроить обозримое будущее.

Пути Господни! Они свели и развели нас. И память хранит и

тепло, и благодарность за встречи – вечно живые, вечно солнечные и радостные. Мы вместе шли – и друг у друга учились пониманию и терпению. Пониманию другой души и терпеливому осторожному их соединению. Не все получилось хорошо, не все, как хотелось бы, построилось на том паруснике, на котором мы какое-то время плыли вместе. Но все же он плыл по волнам Мечты. И, Слава Богу, это видно уже сегодня, не погиб на рифах судьбы, не сел на мель быта, не пробил днища о подводные камни человеческих отношений. За эту весну сердца спасибо всем вам, мои дорогие друзья. Тепло этой весны, его яркие лучи и сегодня поддерживают меня, когда путь мой стал иным, когда тропа его еще четко не очерчена, когда нет рядом руки друга, на которую можно было бы опереться в скорбные и тяжелые минуты сомнений.

Сейчас я как бы вижу тебя рядом, немного грустную и во многом повзрослевшую. И тепло моего сердца передается твоему сердцу. «Пусть душа ее полнится Радостью! – зываю я к Господу. – Пусть сердце ее перенесет тяготы и тенета жизни, и очистится, и воскреснет, и вознесется».

Пути Господни – это большие уроки наших жизней, это трудные встречи и тяжелые расставания, это неустанное восхождение и взросление. И помоги нам, Боже, на этом Пути не принять пяточок нашего быта за круг Мироздания.

Я чувствую, как рука твоя теплеет. Я вижу, как улыбка вновь высвечивает твое лицо, а сердце наполняется животворящей влагой жизни и тянется к Солнцу. Я поднимаю руки – и с моих ладоней ты, словно птица, легко и свободно взмываешь в Небо. Попутного ветра твоему полету. Попутного ветра твоим парусам. Я же не устану наблюдать за твоим полетом, и залатаю крылья твои лучом Солнца, если вдруг налетевшая буря ранит или повредит их. Если же, устав, ты вновь приземлишься, приземлишься на моей поляне, подойди к моему окну. Я впущу тебя в свою обитель и отогрею твое сердце, чтобы ты вновь смогла продолжить полет. А за окном уже вовсю ликовет Солнце. И причудливые пятна света на цветах занавески. Светла и прозрачна зелень деревьев. Серый песок дороги ослепительно бел.

Тени мягки, расплывчатые и прозрачны. Откинув занавеску, я протянул руки навстречу Солнцу. И собрав в ладони его тепло, с любовью отсылаю тебе этот комочек тепла и света. Испей Живую Тайну Светила. И очистишься. И продолжи Путь.

Шлю тебе благословение и молитву...

Лиля, как дела у Наташи Егоровой? Передай Игорю Гельману, что терпеливо жду от него письма о новых песнях и творческих планах. Я же продолжаю внимательно следить за перестроечными начинаниями в нашей стране. Их можно только приветствовать. Дали бы всходы засеваемые зерна. Но если на глину неразумия или в болото властолюбия и эгоизма упадут они – всходов не будет... Пойду поброжу вокруг Храма, и под сенью его духовной тишины соприкоснусь со всеми вами» (май 1986.)

«Милость Божия буди с вами! Господь посреди нас, – писала мне прихожанка Елена из Кашина. – Отец Геннадий, простите меня, окаянную грешницу. Связала я вам коврик, но он немного неудачный, такой же, как и я. Но на полу он будет лежать хорошо. И за это простите меня. Кто, может, лучше сделал бы, но ведь Господь не всем поровну дает таланты, и кому на что. Я слезно благодарю Господа за все.

Извините меня за беспокойство своим письмом. Я ведь душою тянусь к вам, но, думаю, со мною ему будет трудно. Я тянусь к вам душою чистой, как в юности. Господь знает, простите меня за откровенность. Я, как ко всем, с открытой душой.

Я недостойна, что Господь дает мне. Даже вот пример, что Господь соединил нас в молитвах. Вы молитесь за меня, а я за вас, что тоже не без Бога. Без Бога шага не сделаю и одного слова не скажу. По великой милости я получила благословение в монастыре в Загорске от самого великого старца Илии к вам в чада. Значит, вы для меня самый близкий человек перед Богом...

Пишу и покаянные слезы текут. Простите меня за все, грешную. Может, нужно коврик было побольше сделать, не знаю? Сделаю... В прошлый раз, когда я после службы пошла на автобус от вас, и подхожу, и слышу разговор бабушек о вас. Жаловались прихожане благочинному, что не нужен нам этот батюшка. Недовольны они – зачем батюшка уезжает в Калинин, а мы

привыкли, чтоб батюшка был все время при нас, как всегда у нас было. Батюшка, не расстраивайтесь, пожалуйста, ну пусть и переведут, а так тоже тяжело, когда с вами говорят одно, а не успеют отойти, встают против вас. Крепитесь.

Как я вам тогда-то говорила, давайте молиться, чтоб в Каши-не вам служить. Вы тогда мне сказали, что вас любят тут, а я с первых дней не видела этого. Вот у нас-то, действительно, все любили вас даже дьяконом. Когда вас не стало, некоторые плакали, а я, грешная, не слышала даже службу и пела невпопад. Не волнуйтесь и берегите себя. А может, в Калинин переведут – и будете всегда дома, чем так рваться туда-сюда. А может, на место Вениамина попросите, поскольку лишили если сана его... Не отказывайтесь от меня, батюшка, если переведут» (июль 1986).

Как-то по окончании Божественной литургии, после возгласа: «Со страхом Божиим и верою приступите...», – вышел я со Святой Чашей причащать исповедовавшихся еще до начала службы прихожан. День был особо чтимый, и народу было достаточно много.

Но все равно, как правило, я помнил лица тех, кого перед службой исповедовал сегодня, и человек шесть были на исповеди вчера на Всенощном бдении. Прихожане подходили к причастию.

И вдруг приемная дочь старосты церкви, женщины властной и с характером, тоже подходит. Руки сложила на груди крест-накрест.

– Люба, а ты почему здесь? – спросил я.

– Причащаться, батюшка.

– Но ты же не исповедовалась, – выпрямился я, отведя от ее лица Чашу и лжицу с телом и кровью Христовой.

– Ну и что? – хмуро ответила.

– Ты же знаешь, что к причастию надо готовиться. Всего, как полчаса назад ты вошла в Храм. Значит, ни вечером, ни утром к причастию не готовилась и, тем более, не исповедовалась. Но без отпущения грехов не подходят к Чаше.

– Причастите, – настаивала она.

– Нет, Люба. Когда ты сделаешь все, как надо, приходи. С радостью причащу. Дай Марии Ивановне подойти.

Резко повернувшись, Люба быстро пересекла церковь по направлению к выходу – и так хлопнула массивной железной дверью, что церковь вздрогнула вся. И староста Нина не простила мне отказ

причастить ее приемную дочь.

Несколько дней спустя нехороший сон и совсем настроение испортил. Снилось мне, что в подъезде дома перед входом на лестницу лежало много трупов взрослых и детей. И говорили в толпе, что отравились, мол, здесь газом. Кто-то выдвигал и другие версии. Шум, гам, людская суета.

А вечером в воскресенье после службы последним автобусом я уехал в Калинин к семье, наказав алтарнице, если будут заочные отпевы, то все принять и сказать, что по приезде к следующей службе батюшка сделает все, как положено. Благословленные землячка и венчики на такой случай были мною оставлены алтарнице. Если же к моему приезду на отпев сможет кто-то подъехать из родственников, пусть также подъедут.

Но во вторник пришла телеграмма от старосты с вызовом меня в Сутоки на очный отпев. Приехав в среду, совершив отпев и погребение, я по ранее спланированным делам выехал в Москву.

Вечером в среду в Калинин пришла новая телеграмма, что завтра приедут хоронить одну из местных жительниц. И староста просит меня обязательно быть. Вернувшись в Калинин из Москвы только в четверг, я, разумеется, не успел на похороны, поскольку прибыл в Сутоки, когда уже в самом разгаре были поминки. Сообщила староста и благочинному отцу Иоанну, что отца Геннадия на отпевании умершей не было – гостил в Калининне.

Таковы будни священника на периферии, особенно если семья его живет отдельно и далеко, и заменить священника в крайнем случае некем. Поэтому и уезжал я из Суток редко и всегда с тревожным сердцем.

«В отпуск в этом году, вероятно, не пойду, – сообщал я друзьям. – Во-первых, нужна священнику замена, значит, с другого прихода надо батюшку направить на месяц сюда. Не так с этим просто. И потом – месяц служения другого батюшки приводит затем к полугодовой лихорадке среди прихожан после его отъезда, поскольку новая метла, она и в углу-то стоит не как старая, а уж метет – и говорить не приходится.

Да и все дела у меня здесь – в Сутоках. В Калининне, собственно, и делать-то нечего – тесниться только да теще надоедать. Там – ни места сесть, ни поспать лечь. Одни проблемы. Стол – один на четверых. Второй некуда поставить. «Папа приехал!» –

крикнет Люба, а часа через два решаем уже, кому из нас на кухне спать, а кому в чулане. Поэтому книжки одни привезешь, другие в сумку загрузишь, письма прочтешь, если есть, чайку попьешь – и опять трястись на автобусе полтора часа. Как себя помню, всю жизнь на перекладных – голову приклонить негде. Но в таких странствиях есть и своя прелесть: непривязанность к земному – к вещам, машинам, дачам, магазинам. И все же три года туда-сюда на колесах – изнурительное занятие. Вот, что не любишь, то тебе судьба и навяжет» (сентябрь 1986).

Через иные рощи проходя,
Пересекая чуждые овраги,
Цветов иных вдыхая ароматы,
Иди, как шел, торжественно и ровно,
И нить храни.

В те времена все усугублялось вокруг Храмов еще и тем, что не настоятель управлял приходом, клиром и своими прихожанами, а старосты главенствовали над батюшками, руководствуясь лишь своим характером, усмотрением, разумением или неразумием.

И если какой-то батюшка не приглянулся старосте – заведомо было ясно, что надолго он не задержится на приходе.

Жалобы начинали идти к благочинному день за днем «во имя Господа нашего Иисуса Христа», пока не закопают такого батюшку по самую маковку. И ничего – молчал Господь, не карал ретивых хранителей деревенских культовых традиций и неписаных правил обращения со священником.

Сейчас, конечно, другие времена для церкви, но деревня меняется медленно. Церковь же и совсем меняться не хочет.

Одна прихожанка на скамеечке перед входом в Храм поучает:

– А за непослушание батюшке Божья кара, поняла? Вот, благословил меня батюшка уехать после обедни к себе в деревню, а я осталась еще на вечерню. И упала – попала в больницу.

– Это каковой? Геннадий, что ли?

– Не, не Геннадий. До его еще который был. Полный такой. Вот ее, – показала на сидящую рядом с ней прихожанку, – не благословил отец Петр идти в лес за клюквой сразу после обедни, а она пошла. Четверо их там пошли. И заблудились в лесу, дуры-то. На службу вечернюю и не попали. Перепугались до смерти, пока из лесу вышли-то. А плутали-то в двух шагах от соседней деревни. Не благословил батюшка, вот это уж Геннадий, Марею-то уйти домой, а

просил остаться ночевать с алтарницей. А та, возьми, да уйди домой. Вечером ломились в сторожку двое за водкой. Люба одна была-то. Нашли тоже ларек. Старчик не благословил Андрея покидать церковь, а тот...

– Какого Андрея? – переспросила слушательница.

– Да вот этого, сторожа. Прошел-то сейчас. Вишь, пролом у него во лбу от мотоцикола. Как ушел он за длинным рублем-то, так ихний дом и сгорел, без его-то. Чуть погасили. У тетки еввойной все волосы пообгорели. В больницу попала. Счас-то он возвратился. Вишь, сторожит здесь. А о старчике Иоанне-то и вообще не говорю. Там чуть чего, сразу Божья кара. Вот он тогда Иоанна-то и не послушал, с мотоцикола когда упал. Поняла, нет? Батюшек надо слушать. А Любку-то помнишь?

– Какую Любку?

– Нинкину дочку. Ну, старостихину. Что дверью хлопнула в церкви, чуть с петель-то не сорвала.

– Ну, и чо?

– Чо-чо, горячо. Тоже на мотоциколе разбилась. Насмерть ведь. Ребенок теперь маленький без матери. Вот тебе и чо. Пойду посмотрю я – не погасла ли лампадка-то у старчика, спаси его Господи на небесах. Со старчиком-то лучше было, чем с Геннадием – веселее. Ну да что Бог послал.

А там уже, раз о батюшках вспомнили, про них и беседа до самой вечерни о том, кто из них Леонидов, кто – Геннадиев, а кто пока ничейный, поскольку только два года, как умер старчик Иоанн, к которому и стекались в свое время его почитатели с разных российских мест. Прямо как в старые добрые времена, когда в Константинополе долго спорили о том, кому из святителей следует отдавать предпочтение. Одна часть людей превозносила святителя Василия (Великого), другая стояла за Григория (Богослова), третья почитала Иоанна (Златоуста). От всего этого среди христиан шли распри и склоки (как у нас в Сутоках). Одни называли себя василиатами, другие – григориатами, третьи – иониатами. Как примирить прихожан? Просто сказать: «Успокойтесь, ребята, хватит, сами не знаете, о чем спорите. Молитесь Господу Иисусу. И используйте в мире и согласии для этих молитв данное вам в помощь святителями. Кому что ближе к сердцу». Может быть, так и советовали им, но они, разумеется, ни в какую – насмерть стояли.

И решили тогда иерархи в 1084 году (это ведь шесть веков на скамеечках у Храмов сидели и спорили прихожане), что «митропо-

литу Евхаитскому Иоанну явились во сне три этих святителя и, объявив, что они равны пред Богом, повелели прекратить споры и установить общий день празднования их памяти». Только вот это, наверно, и помогло. Но хороши же шли споры, если их вихри не просто до ближайшего благочинного в виде жалоб на батюшек доходили, а аж до самого Неба поднялись, нарушив благодный и заслуженный покой трех святителей.

«Твой вопрос о церкви и вере весьма не простой, – отвечал я на письмо Олега Лыкова из Новосибирска. – Вхождение в церковь требует много усилий и перемен в укладе привычной жизни, в отношениях семейных, во взаимоотношениях с окружающими, которые будут уже не просто друзьями, а послушниками или алтарниками, дьяконами, священниками или твоими прихожанами. Все это совершенно другой мир, который отличен от того впечатления, которое создается, когда смотришь на все это только со стороны, когда раз или два зайдешь в Храм и до следующего раза – еще через год. Здесь такая же разница в восприятии сути, как между воображением, созданным вокруг любимой девушки, и реальной женщиной – женой и матерью твоих детей. Другое дело, Вера в Творца Мироздания.

Эта вера должна наполнять собой все существо человека, его дела, желания и мысли. Земное же отображение этой Веры, ее церковная догматика и практика, как мы видим в истории человечества, может быть различной, каковой она на самом деле и является. Вино можно налить в разные сосуды, но от этого оно не перестает быть вином. Хотя форма сосуда, его внешняя отделка, конечно, влияют в некоторой степени на ощущение, которое мы испытываем при употреблении этого вина. И повсеместно мы видим множество религий, так же как и множество философских течений, политических партий и научных направлений. И везде между ними споры, распри, грызня в отстаивании своей правоты, своего авторитета, статуса или престижа. Но вино у всех одно. Только одни смотрят его на свет, другие применяют в пылу дискуссий, третьи пробуют на вкус и запах, четвертые просто пьют без всяких затей. И каждый из них получает при этом то, что хочет получить от содержимого, находящегося либо в позолоченном и царственном бокале

(священство), либо в черной рюмочке с белой каймой (ученый мир), либо в изящном роге (творческая богема), либо в грубых формах граненого стакана (простолюдины).

Это и есть отображение Мира Горнего в кривых зеркалах наших переживаний и чувств, в широте или узости наших поисков и устремлений, в направлениях нашего движения в сторону власти или творчества, науки или религии.

И над всем этим, молча взирая на наши усилия, стоит незыблемо Извечная и Единая Истина Мироздания.

Здесь, разумеется, я не говорю о слепой вере бабушек, а имею в виду веру просвещенного священника или ученого, писателя или художника, общественного деятеля или экономиста.

От начала осознанной истории человечества великие подвижники Веры были и величайшими мыслителями своего времени, непримиримыми борцами за Свет и Истину.

Например, на духовном творчестве Василия Великого и Иоанна Златоуста построена вся Литургика современного православия» (декабрь 1986).

«В церкви Христовой, – отвечал я на следующее письмо Олега Лыскова, – у каждого складывается своя жизнь и свои внутрицерковные отношения. Сказано: «Стучите и отверзется вам», – но открываются врата каждому свои.

Мои врата в церковь оказались очень узкими, с острыми углами и тяжелой дверью. Еле открыл. Кроме того, мое пребывание в церкви было не от мира церкви, поскольку среди моих ближайших родственников священников не было, а на доверительное сближение со священниками особо рассчитывать не приходится. В силу этого у меня образовался свой путь как к церкви, так и внутри нее» (март 1987).

В Сутоках, в одиночестве кельи, письма были моим отдохновением, неспешным разговором с близкими мне по духу людьми. Разве скажешь при беседе так, как можно написать.

А со временем, письмо – аура обстоятельств, кусочек жизни, запечатленный на бумаге. Но кроме писем, было нечто, что приходило ко мне редко и всегда неожиданно.

Поздний вечер. Солнце скрылось за линией горизонта...

И прозрачные бабочки появились вдруг над моим столом – большекрылые, желтые и зеленые, иногда красные. Странное появление: зима – и неведомые бабочки с удивительными крыльями-цветами. Вот села на мой белый лист красная бабочка-роза – и душистый аромат окутал келью. Я протянул руку – и бабочка-цветок устроилась на ладони красиво и невесомо. Я дотронулся осторожно до ее крыльев – и увидел на листе бумаги таинственную Незнакомку.

– Пойдем, – сказала она.

Мы встали на белый лист и пошли.

И впереди нас, далеко впереди я увидел Горы, высокие Горы.

И облака у дальних Вершин. И молнии – из конца в конец Неба.

– Смотри, – указал я Незнакомке на эти странные облака. – Там, вдали, зарождается что-то, какая-то Жизнь, нечто таинственное.

– Да, – прошептала она. – Я вижу Солнце среди молний и туч.

Но так редко пробивалось Солнце сквозь эти тучи.

Оно то освещало странную дорогу, по которой мы шли, то эта дорога вновь погружалась во мрак, исходящий от туч. Свет и тьма причудливо чередовались в этой небесной фантазмагории – в ее призрачных картинах и фигурах, которые то появлялись, то исчезали на небосводе.

Моя Незнакомка протянула руку навстречу Солнцу, скрытому за пеленой облаков. И в ее ладони, словно маленькая свеча, зажегся лучик, слабый и робкий лучик света.

И мы дальше пошли к этим Горам, к этим грозным тучам, в которых рождалось нечто, нам неведомое. И лучик света, подаренный Солнцем, светил нам как свеча, как лампадка. А над нами, как бы сопровождавая нас в этом странном странствии среди молний и туч, летали бабочки – неведомые нам души – белые, красные и голубые.

И Дом возник на Пути. И Старец пред ним в белых одеждах.

Праведными были глаза его, тиха речь, значительны жесты.

И сказал нам неведомый Старец:

– Встали на Путь, но сможете ли вы в лодку войти и переплыть пороги Жизни? Сможете ли запрячь колесницу и пустыню преодолеть – пустыню отчуждения, пустыню непонимания? Сможете ли среди людей сохранить чистоту движения и ясность цели? Сможете ли ради Тайного пренебречь явным?

Я знал, что ответить ему, но только еще крепче сжал ладонь своей Незнакомки. Она же протянула ему свечу – свеча горела. Свеча горела, словно Солнце. Но в радужном ореоле пламени будто слезы сверкали, будто кровь текла, словно роза кровоточила.

– Да, – сказал Старец, – это Путь страдания, страдный Путь к Солнцу по кратерам и безводным океанам земных искушений.

И тяжкая Ночь раскинула над нами свои черные крылья. И вместо тропы под ногами зажурчала вода. Не черной и не белой была она, но мутно-темной во мраке Ночи.

Наконец-то мы нашли переправу. По валунам и кочкам пролегла переправа. И Время текло, как вода под ногами. Но нам казалось, что Время застыло, словно свод Небес, нависший над нами. Только стенили тучи в предродовых муках, да метались молнии над Горами.

И лишь тепло моей Незнакомки излучало здесь и Жизнь, и Любовь и Надежду. Мы шли, мы брели, согревая друг друга ладонь в ладонь, по острым камням, по скользким валунам, по вязким кочкам нашего Пути Жизни. И на миг показалось мне, что Она, моя Незнакомка, – это моя Душа, ведомая Духом по долинам и холмам нескончаемой и мне неведомой Беспредельности.

Когда же кончилась вода, возникло пламя. Пламя страстей и желаний рождалось из туч и к нам приближалось. Молнии еще сильнее за сверкали повсюду, и в их огне, в их жутком и завораживающем пламени предстал перед нами Старец в черных одеждах. Страстными были глаза его, волнующими речи, безрассудными жесты.

– Безумцы, – громко смеялся Он, – бросьте свечу. Разве вам мало огня вокруг – огня страсти и любви. Земной любви! Земной страсти! Окунитесь в океан взаимного обладания. Никто из воплощенных Земли не смог еще переступить Рубикон любви, не опалив крылья, не растратив накопленное по пустякам.

– Пустяки! – взмахнул Он рукой, и его плащ вознесся вихрем в пространстве. – В них начало и конец ваших падений. Но падения, безумные падения страсти, – скалил он нам лицо навстречу, – они так желанны, так привлекательны, так завораживающе прекрасны. Эти ваши утехы, – хохотал Он, – поленья в костер бытия моего. И нет им конца... И огонь безумия уже лизал наши ноги. И стала гаснуть свеча в руке Незнакомки.

– Остановись, Старец, – вознес я руку. – Угаси пламя. Ты видишь – ее рука в моей руке. Но не ради единства тел. О единстве Духа моя работа. Одна свеча на два сердца – начало конца падений наших.

– Одна свеча, – глумился Он. – Протри глаза свои, Странник. В ее руке, таких как ты, десять, – и он захохотал безобразно и грязно.

И огонь, опаляющий огонь стал неудержимо поглощать нас.

– Остановись! – снова вознес я руку. – Я знаю это. Да, тело ее еще купается в земных утехах, но посмотри, посмотри, как пылает ее сердце устремлением Духа. Оттого и свеча в руке. Уйди с дороги.

– Ладно, Странник, – Он стал вдруг серьезен. – Еще испытай себя. Видимо, мало ты рубцов заработал за века своих странствий. Видимо, мало Судьба возвращала тебя на страдный Путь.

И в угасающем огне безумия вновь показалось Солнце, Солнце нашей Надежды, освещавшее Путь. И мы дальше пошли, не оглядываясь на пройденное, не обращая внимания на пережитое нами. Позади еще сверкали молнии и клубились тучи, но дорога была чиста. И только ветер шевелил траву и кроны деревьев, что стали изредка встречаться нам в этом безбрежном поле, которое пересекали мы одиноко. И не было птиц на Небе, и не было на Земле никого, кто бы мог указать нам конец страдного Пути по горам и долинам Вселенской Жизни.

Сколько мы шли, и та ли Планета была под ногами, с которой мы вышли, – не знали ни я, ни моя Незнакомка. Но дорога стала сужаться и вверх пошла, в гору. Вот и тропа. Затем – и тропинка. И у самого Горизонта – Луна вдали словно чаша, полная крови. И сам Горизонт – кровав и тяжек. И снова удары молний и гром из-за дальних Гор. И Солнце скрылось – только розовый отсвет лучей над Горой и над нами.

– Стойте, идущие. Река Жизни течет, но достойны ли вы подняться по реке Жизни? – странный Голос раздался, незримый, неведомый нам.

– Не мне судить, Владыка, – ответил я громко навстречу Горам. – Но если пришли, значит дозволено Свыше.

– Кого ты ведешь, Вечный Странник? Не чрезмерна ли смелость на Пути ко Мне?

– Не наша здесь смелость, Владыка, но Соединившего нас. Разве не сказано: «Я ничего не могу творить сам по себе, ибо не ищу воли моей, но Воли пославшего меня Отца»?

– Не рано ли соединились ваши ладони?

– Не знаем ни дня, ни часа. Если ты Страж Порога, отодвинь затворы и дай пройти сквозь Крест Животворящий.

– Иди, Странник, иди, но навечно запомни, что имеете дерзновение входить в Святилище Света Путем Новым и Живым, который Он вновь открыл, содрав Завесу.

И Море заблестело в Горах – горячее Море Слез, упавших на Землю ради Пути к Нему. И Луна – Чаша Крови Животворящей – была перед нами. И было Солнце. Лучи его, словно руки, возносили Вселенскую Чашу Луны навстречу Звездам.

– Вкусите и видите, яко благ Господь, – раздалось с Небес. – Страдный Путь перед вами. Войди, стучащийся.

И ударила молния. Раскатился гром от Юга до Севера. И Гора раскололась надвое с Востока на Запад. И Море Слез пролилось на Землю – то Луна опрокинула свою Вселенскую Чашу. Снова Тьма окутала нас. Стоны и крики навалились на плечи. И погасла свеча.

– Смотри! – воскликнул я.

Там, глубоко внизу, в расщелине расколовшейся надвое Горы, изможденный Путник тащил на себе непомерно тяжелый Крест – на Распятие, на Голгофу.

– Сможет ли Душа твоя нести Крест свой по Жизни, как Христос заповедал? – прозвучало с Небес.

– Смогу, Господи, – прошептала Незнакомка, чуть не падая на колени. И вновь загорелась свеча в ее руке, рассеивая мрак, окружающий нас плотно и жутко. Метались молнии. Сталкивались тучи. Гремели громы. И облака набухали, готовясь к новому рождению нам неведомого. И Ветер Времени вращал перед нами Колесо Жизни.

Поднимались растения из земли – и увядали.

Рождались и размножались животные – и умирали.

Восходили на вершины люди – и падали долу.

И только Крест недвижно стоял, там, внизу, в расщелине Скал – на Голгофе. И Кровь и Вода сочилась из прободенного Ребра Его.

– Снимите с Креста Господа! – пронеслось ветром над нами. – Снимите с Креста...

Мы стали спускаться вниз, чтобы встать рядом с Ним, готовые ко всему, но, самое главное, готовые сказать в конце своего нескончаемого Пути:

– Отче! прости нам, если по неведению, мы не знали, что делали... – И горела свеча...

И снова я различил белый лист на своем столе. И красный лепесток розы был так красив на белом и чистом...

Осторожно, чтобы не спугнуть видение, я записал со мной случившееся... Господи, – подошел я к окну, – уже светает. Скоро на службу. Взяв молитвослов, я стал неспешно читать молитвы.

А вечером после службы, вымыв пол в своей келье, в который уж раз, открыл я черновики по «математике структурных чисел».

Что там получалось нового у меня по сравнению с общепринятыми в каббале процедурами: добавились циклические координаты структурных чисел; проявились интересные многомерные соотно-

шения между ними; выявилось пространственно-динамическое значение отрицательных чисел в символогии и кое что еще. Но обнаружилось также и разного рода философско-математические проблемы, которые нельзя было разрешить без применения специальных компьютерных программ.

Еще до перехода в церковь я долго, но безуспешно, искал людей, свободно владеющих тем или иным языком программирования. Оказалось, что из малого числа моих последователей – было совсем немного людей способных тратить на это время. Из них – некоторые воспринимали мои проблемы слишком оторвано от реальности, другие и вовсе впадали в эйфорию. А нужны были люди, ногами твердо стоящие на земле, но головой упирающиеся в Звездное Небо. Если же такие и встречались иногда, то они, как правило, не были учеными, математиками или программистами.

И еще одно качество было невозможно найти – бескорыстие, являющееся краеугольным камнем для такого рода занятий. Встречались дельные помощники – но за деньги. Я же в качестве оплаты мог предложить лишь то, что могло унести расширенное сознание и любящее сердце. Как у реки – чем быстрее течение, то есть чем больше река отдает воды, тем более чиста она и прозрачна.

«Мы летим в неведомое, – писал я в Новосибирск. – В необозримой Высоте Космоса наша Цель – еле различимая Звезда Надежды. Траектория полета только намечена, и нам самим нужно проложить эту траекторию, как тропу в труднопроходимом лесу. И компаса нет. И еле различимо сияние Звезд, по которым можно было бы уточнить направление полета. Но рядом – планеты и звезды, уже освоенные, ярко переливающиеся всеми цветами заманчивых радуг. И тропы к ним хорошо утоптаные. И удобно идти. Подожди, – говоришь мне ты, – я загляну вот на эту планету. Я притормаживаю движение корабля нашей Мечты и останавливаюсь. Ты выходишь – и правда, интересная была планета. А там, посмотри, какая прекрасная звезда! – Вновь останавливаемся и смотрим. И еще... И еще... И кажется уже, что и лететь-то не надо в ту нездешнюю запредельную Даль, когда совсем рядом, так хорошо, так прекрасно, так умно. Но это – всего лишь салфетка под Вазой, – поясняя я. – И лишь в Вазе – Цветы. Летим же к Цветам Горного Мира! Подожди, – снова говоришь мне ты, – на этой салфетке столько важных

узоров, я не могу лететь, пока не изучу их.

А Звезда Надежды, тем временем, удаляется. Велика Космическая Спираль. Сойти с нее легко, но чтобы затем вновь ощутить ее под ногами, часто необходимо веками многомерно ждать ее возвращения. Только из того зерна, которое посеете на земле, соберете Плоды на Небе, – говорится в Живой Этике. Зачем же сажать овес, когда в твоих руках зерно пшеницы. Те «границы истины», которые ты жаждешь «обтачивать» – это границы салфетки. Лети же к Цветам» (май 1986).

«Друг мой, – писал я другому новоискателю, – но что же ты все боишься: дома – «смущения супруги», на работе – «любопытных». Так же нельзя. Тем более сейчас – в новое время. Три года мы топчемся на одном месте. Конечно, расстояние имеет значение, но не до такой же степени. И потом – разве мы делаем что-либо из ряда вон, что нужно постоянно робко озираться, идти затаив дыхание, бояться шагнуть шаг в нужном направлении. Господи, где же ищущие, где пылающие сердца, где несокрушимое устремление? Или только в кино да в книжках.

Скажу тебе проверенное на практике: «Воистину, не знаете ни дня, ни часа», когда что произойдет с каждым из нас.

Если бы вы действительно поняли, что все в руках Господа, в руках надземных Учителей наших, поняли на деле, а не на словах только, как по-другому пошла бы вся ваша жизнь – насколько богаче, насколько плодотворнее...» (август 1987).

Письма 11. Служение

17 августа 1999.

Дорогой Друг, не хотел больше в письмах к тебе касаться грязного белья нашей политики, но сегодня, как оказалось, годовщина со дня падения государственной финансовой пирамиды, так называемого ГКО – государственно-кредитных облигаций.

Для рядовых граждан падение этой пирамиды, размеры которой были сравнимы с египетскими, оказалось предтечей Конца Света. И если Конец Света человечество смогло все же преодолеть, то население России, на чьей спине монстр ГКО и был воздвигнут, так до сих пор и осталось стоять на четвереньках, принимая ту или иную позу, удобную для правительства, госдумы и президента. Сами же Органы всех ветвей власти и после Конца Света в своих безразмерных карманах и галстуках продолжают шуршать неоппадающей с их ветвей зеленой валютой.

Ну да, Господь с ними – с начальниками. Все одно, ни они, ни их отпрыски не смогут захватить с собой на тот Свет ни свои кабинеты, ни стулья с высокими спинками, ни так полюбившуюся им валюту, поскольку там в ходу совсем иные монеты.

Друг мой, хочу все же еще несколько слов сказать по поводу своей исповеди в письмах к тебе. Такое ощущение с утра, что вчера я недосказал нечто весьма важное для меня. Конечно же, я доверяю тебе накопившееся в сердце, наболевшее в душе, тяжким грузом лежащее в сознании. И не с бухты-баракты затеял я это длинное повествование, когда и без моих проблем вокруг каждого из нас столько накручено в настоящее время, что, дай-то Бог, свою бы беду от спины отвести, не то, что бы еще управиться и с бедой соседа.

И Конец Света, разумеется, лишь кривая усмешка тому, что творится вокруг. Думаю, что происходящее сегодня в России – это конец ее темного прошлого, его последний аккорд. Так уж вышло для нас, россиян, что звучание этого аккорда оказалось слишком тягостно и чрезмерно продолжительно, но 100 лет для страны – это всего лишь один день Ивана Денисовича.

А сердечная телеграмма Игоря Калинина к моему 60-летию, как сорванный с предохранителя курок, произвела выстрел – и, оставив

другие дела, я начал этот монолог со своим незримым Другом.

Но не сразу, конечно, не с апреля, а лишь вот с августа. И пока пуля летела и попала в цель, я взвешивал – стоит ли кого-либо беспокоить своими, в общем-то, мало интересными для постороннего байками. Но потом я подумал – разве мой Друг может быть посторонним? Ближе него есть ли у меня кто? Так и решилось дело по поводу исповеди.

С другой стороны, просматривая написанное как бы с точки зрения читателя, я нашел, что меня бы вполне заинтересовала излагаемая здесь история, поскольку это все же какой ни есть, но опыт человеческой жизни. Причем жизни не совсем обычной. И чем все закончится у автора писем – мне, как читателю, интересно. Конечно, бывают истории и покруче, но это все же «мимуары», как назвал автор свое повествование, а не мемуары или чисто детективное произведение, в которых главенствуют секс и насилие. Здесь – хоть размышляет все же человек о чем-то другом, помимо еды и постели, помимо валюты и тряпок.

В связи с начавшейся в стране «перестройкой», в связи с легким бризом намечающихся радужных перемен в жизни обыкновенных граждан, в связи с солнцем надежды, которое показало край своего розового диска над горизонтом России, в августе 1988 года я обратился к Военному прокурору дважды краснознаменного Балтийского флота с небольшим заявлением о реабилитации по «уголовному» делу, совершенному мною в Эстонии. И пока от Твери до Москвы на перекладных ползло это заявление, поскольку то на том полустанке нет лошадей, то на этом, пока от Москвы до Твери через тех же станционных смотрителей возвращался ответ – год пролетел.

И наконец, в бабье лето 1989 года мне вручили толстый пакет с маленькой справочкой от 25 августа 1989 года, в которой Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР уведомляла, что 18 июля 1989 года Пленум Верховного Суда СССР приговор трибунала Балтийского флота от 7 марта 1970 года и определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 18 июня 1970 года отменил и прекратил мое уголовное дело за отсутствием состава преступления. Второй листочек в этом же пакете сообщал, что в 4-е Управление ГУК МО ССР и в отдел наград Президиума Верховного Совета СССР направлены копии Постановления о реабилитации для решения вопроса о восстановлении меня в воинском звании и возвращении наград. Награды, разумеется, всего лишь – юбилейные, но важен принцип. Таким образом, говоря словами Севочки, можно отметить,

что «небесные» наконец-то решили, что бывшие «небесные» и «крислиды со змеюками» были не правы в том 1969 году, когда обвиняли меня в желании взорвать Россию от Финского залива до Японского моря, когда, «вежливо» переодели в «тонкотканную» одежду, «бережно» препроводили в изолированный от микробов «солярий», а затем – по тернистым дорогам России, также «предупредительно» и «вежливо», подхватив под руки, довели до Озерных курортов и Всесвятских достопримечательностей.

И теперь, двадцать лет спустя, рассматривая этот долгожданный листочек бумажки, переполняла ли меня радость удовлетворения от вдруг восторжествовавшей «справедливости», свалившейся на голову? Конечно же, нет. Реабилитация на самом-то деле ничего не реабилитирует. Да, она «восстанавливает в прежних правах».

Но кому нужны «прежние права» через 20 лет, когда многие сотни тысяч наших граждан как до реабилитации, так и после нее до сих пор остаются при своей неустроенности и нищете. Единственная «радость» – доплата к пенсии в размере половины минимальной зарплаты, да бесплатный проезд в общественном транспорте, когда уже и ехать-то некуда, да и особенно не за чем.

Так что поломанную жизнь свою большинство из «реабилитированных» восстановить уже не успеют, как и более-менее достойную старость свою не обеспечат.

Тем не менее, благополучно на протяжении этих 20 лет получали свои воинские звания и повышения по службе следователи и прокуроры ныне реабилитированных. И перестройка обошла их всех стороной, опасаясь задеть эти важные персоны плечом или нечаянно наступить на начищенный до блеска самодержавный ботинок.

Перестройка внесла перемены и в мою священническую деятельность. В январе 1989 архимандрит Виктор, ставший к этому времени епископом Калининским и Кашинским (вместо почившего митрополита Алексия) назначил меня служить в калининский собор Белая Троица. Нравилось мне в новом владыке истовость его служения, doskonaльное знание им порядка Богослужений и хорошо поставленный голос. Привлекала также активность и заинтересованность епископа в решении непростых епархиальных проблем в перестроечное и для церкви время.

В соборе Белая Троица был хороший смешанный профессиональный церковный хор, но когда в великопостные службы на клиросе пели одни мужчины – священники во главе с протодиаконем Николаем, казалось, что ангелы поют на небесах. Я же при этом

был вынужден молиться молча, поскольку, к моему великому сожалению, мне, не могу вспомнить где, – «слон на ухо наступил». Как так получилось? В училище три года был солистом курсантского эстрадного оркестра. Люблю музыку – классический джаз, Гершвина, негритянские спиричуэлы, но особенно – камерное и церковное пение. Но, видимо, в сырых карцерах и штрафных изоляторах тюрем и спецлагерей я все же застудил левое ухо. С тех пор мне постоянно и отчетливо слышится в нем непрерывное звучание, которое, особенно в тишине ночи, напоминает тонкие переливы где-то далеко-далеко звучащих колоколов.

Владыка предоставил мне жилье в церковном доме, куда мы с женой и переехали от тещи. Во второй половине дома жил дьякон со своими домочадцами. Был и огород. Но как моя половина дома, так и мой клочок земли требовали присмотра и ухода.

Но я все же не терял надежды получить свою кооперативную квартиру, хлопоты по которой тянулись у меня уже третий год. Дай-то Бог, – думал я, – чтобы все же закончились наши многолетние и нескончаемые странствия по городам и весям, чтобы завершились неустройства и житейские мытарства моего семейства.

К этому времени Любаша, которая совсем крохой была, когда меня арестовали, теперь, в свои 20 лет, умудрилась выскочить замуж. Строительный техникум закончила, а институт бросила ради семейной жизни – пришел ее мальчик из армии, такой же 20-летний. Смотрел я на них – дети малые, а уже семья.

Святослав закончил шесть классов. При сдаче экзаменов был у него выбор. Он захотел сдавать геометрию и готовил ее. Но такой желающий в классе оказался один. Разумеется, что для одного человека организовывать экзамен по геометрии не стали. Как и всем, пришлось сдавать ему физику. В связи с этим на подготовку к экзамену по физике остался у него лишь один день. Вот те раз. Что же делать? И возникло в связи с этим у меня ощущение, что выберет он билет о законе Паскаля. Трижды я заставлял Славу штудировать эту тему. Конечно, всерьез он эту мою настойчивость не принимал, и скользил глазами по учебнику, поскольку слишком много было непрочитанного еще. Однако закон Паскаля и вышел, задачку Слава решил – и физику сдал.

И со мной подобный был случай. У Невы на пляже я готовился к химии. При поступлении в военно-морское училище это был последний экзамен из шести, а половина страниц учебника даже не просмотрены. На следующий день я ехал на экзамен – это на трамвае

минут 45 из конца в конец проспекта им. Сталина. И поскольку было очевидно, что все равно не успеть мне просмотреть толстый учебник, я лениво листал его страницы. Но один раздел в книге почему-то особенно приглянулся. Про этилен и будет в билете, – решил я про себя. Так и вышло. По второму вопросу материал был знакомый. Успешно решил я и задачу.

Теперь же, в свободное от служения в соборе Белая Троица время, я продолжал разрабатывать «математику структурных чисел», сверяя и согласовывая ее с доктринами Солнечной Религией Космоса, которая, на мой взгляд, образовывала единое целое с нравственными аспектами Учения Живой Этики. Не забывал я и о переписке со своими близкими и дальними корреспондентами.

«Дорогой Борис, – писал я в Новосибирск, – очень рад был твоему деловому и подробному письму. Конечно же, прежде всего, поздравляю тебя с успешным окончанием консерватории. Все надежды мои сбываются – творческий потенциал твой и работоспособность очень высоки, высока и целеустремленность в достижении цели. То, что твоя опера «Пир» (Пир во время чумы) будет иметь большой успех, не вызывало у меня сомнений ни на минуту. Поздравляю с блестящим завершением этой непростой работы. Учитывая все это, у меня давно лежит тебе подарок: Божественная литургия – нотный сборник православного русского церковного пения. Надеюсь, ты найдешь канонам Русской православной церкви достойное место в своих будущих сочинениях... Ты пишешь о вечерах в Доме композиторов. Выступают ли на них барды? Я имею в виду Игоря Гельмана. Вышел ли он на широкую аудиторию?» (январь 1989).

«Володя, – писал я в Новосибирск, – сердечно благодарю за присланные книги. Если ты себе делаешь такие же, то, вероятно, как-то и переплетаешь их. Мне же шлешь свитками. Но это не талмуды же. Я, право, не знаю даже, что с ними делать, как читать. Памятуя, что ты сделал для меня и 3-й том «Тайной доктрины», за что величайшее тебе спасибо, с ужасом, однако, думаю – это ж она, наверное, будет диаметром со столетний дуб. Ну и дела... Снова читаю Солнечную Религию – неторопливо, подробно, останавливаясь на деталях. Пытаюсь выявить

проявление законов арканологии в конкретных науках.

Так что наша совместная работа над алфавитом – лишь частный случай большой темы...

В связи с переводом в Калинин служить в церкви приходится чаще – неделю служащим священником, неделю требным, затем выходная неделя, если нет больших праздников и если не служит владыка. Но таких дней выпадает мало. В субботу же вечером и утром в воскресенье, как и в Сутоках, служба обязательна.

Но эти перемены меня радуют именно более частым пребыванием в Храме. С усердием вновь взялся я за подробное изучение «Нового завета», богослужебных книг и «Сборников кратких поучений». Особенно же большую помощь оказывают мне здесь семь томов «Настольной книги священнослужителя». Все это необходимо сейчас, поскольку весьма значительно увеличилось общение с прихожанами, которые ждут от священника ответа порою на самые неожиданные вопросы. Да и уровень проповеди в городе должен быть более высоким, чем это было в Сутоках. В нашей епархии есть несколько протоиереев, которых вполне можно было бы назвать Владимиром Златоустом или Николаем Златоустом. Так что есть примеры, которым и стараюсь следовать» (февраль 1989).

«Рад был получить весточку от тебя, хотя и было в ней немало огорчающих меня моментов, – писал я в Петербург своему племяннику Александру Бирюкову. – Собственно, меня давно привлекало то, что ты художник, причем – художник широкого профиля, поскольку оформление разного рода залов требует от тебя разностороннего подхода при реализации тех или иных проектов. Конечно, я понимаю, что твой интерес ко мне носит более практический характер, вещественный, скажем так, нежели духовный. И в этой связи замечу, что в нашей епархии ведутся сейчас реставрационные работы возвращенного церкви разрушенного монастыря. И, разумеется, можно поговорить с владыкой Виктором и о твоём участии в этих работах. Но пришли для начала хотя бы эскизы твоих работ, чтобы можно было наглядно определить возможную сферу твоей реставрационной деятельности здесь.

И вот я думаю, в связи с этим, что может быть, твои золотые руки помогут осуществить и некоторые мои задумки. В этом случае перед тобой могли бы открыться следующие перспективы – своеобразное видение мира и его художественная реализация; духовный рост сознания и, как следствие, творческий рост; становление художника нового типа, видящего мир с высот почитаемых школ древности (Египта, Индии, Палестины) и современности (России); формирование школы иррациональной, метафизической живописи, но использующей в своем творчестве реальные, физически понятные образы и символы. Мой интерес в нашем сотрудничестве – помочь мне символически и профессионально запечатлеть некоторые важные для меня идеи.

Попробуй, например, набросать эскиз следующего наиболее простого символического сюжета. «Прекрасная полубогаженная женщина выходит из пламени оранжевой лилии, разверзшейся на черно-бархатном пологие ночи. Выходит подобно пенно-рожденной Киприде, подобно несказанной Лакими. Лепестки лилии как бы образуют ее одеяние, а бело-алмазные тычинки и пестик, сверкающие нестерпимо-раскаленным светом, украшают ее ноги и грудь страшным и загадочным образом».

Получится ли у тебя передача настроения, ощущение космичности, ощущение глубокого смысла и незримого подтекста. Что-то от иконы должно быть на картине...

Моя знакомая художница Анна, проживающая в Сибири, просит помочь. Она пишет: «Вот с красками туго да кисточками. И фиксатор для рисунков нужен... Кисти круглые, колонковые, номера с 1-го по 6-й... Нужда у меня в материалах об иконописи. Флоренский? А у кого еще об этом – о канонах, о символике цвета, линий, композиций икон. Тема Христа. Жизнь Его. Истина... Условия для творчества у меня очень трудные. Дети, деревенский быт. Страдания – в силу неосознанности».

Ты занимался иконами. С чего-то начинал. Помогии ей решить эти проблемы. Тебе как художнику ближе и понятнее ее просьба. Вышли ей посылку с необходимыми материалами и книгами. Что нужно будет вернуть, она вернет... Высылаю 25 рублей на эти расходы. Мне сообщи, что послал: краски, кисти, какие кни-

ги. Сообщи, сколько я буду должен, если денег уйдет больше... От меня подарок тебе: «Библия» и книга «Ключ к пониманию Священного Писания» (март 1989).

«Люда, дорогой Друг мой, здравствуй, – писал я в Извару. – Вчера был Женский день. Прими вчерашнее поздравление мое с этим днем, прими и мои добрые пожелания тебе – здоровья, как это общепринято желать, и успехов в твоих многотрудных начинаниях. И еще прими от меня букет роз, сотканных из весенних радуг и обернутых в синеву неба, омытых талым и теплым снегом.. Пусть они согреют тебя в ненастные будни, в непогоду людских отношений, в периоды мрачных туч при столкновении людских характеров и интересов...

Хорошо, что пишешь подробно о своих делах. Для меня важна каждая твоя весть из Извары⁴⁹, каждое твое достижение там, твои планы и трудности. Молитвою и мыслями о тебе стараюсь помочь. Самое основное, что хотелось бы сказать в этом письме, – все мысли об уходе из Извары оставь. В любом качестве ты должна быть там. Научным сотрудником – пусть и им, пусть не директором. Идут через тебя «как через воздух» – это их дела, их непонимание твоего предназначения в Музее. Не замечай их спин, но спокойно повернись лицом к любым трудностям, к любым препятствиям, которых будет еще не мало.

Закон трехлетней стены, поставленной перед новичком, непреложен. Затем дела пойдут увереннее и плодотворнее, в нужном русле, в нужном направлении... Твоя основная опора – музей Рериха в Нью-Йорке. Наращивай контакты с этим музеем на всех возможных уровнях сотрудничества: переписка, обмен репродукциями, планами работы, способами организации выставок, тематических вечеров, разного рода экскурсий и всевозможных делегаций, методами и способами издательской деятельности.

Если тебе удастся поднять свою работу на ступень серьезного международного сотрудничества с музеями Н.К. Рериха в тех странах, где такие музеи имеются и действуют, если в этих музеях будут знать о твоей работе в Изваре, как о звене в общей международной цепи изучения и охраны духовного наследия Рерихов, то этот мощный поток творчества и сотрудниче-

ства станет той защитой, той крепостью для тебя, которую не смогут поколебать никакие чиновники от культуры.

Поэтому письма тебе из США, Австрии, ФРГ, Швейцарии и Индии можно только приветствовать...

Главное же, все музейные интриги не должны тебя беспокоить, не должны отрывать внимание от главного – от проблем реорганизации работы музея, от его перестройки... С оппозицией надо сотрудничать. Здесь просто нужно понять, что каждый идет своим Путем. И таких Путей множество. Главное при этом, чтобы путники не клали на перекрестках путей камни, не ставили друг другу капканы, не образовывали непроходимых завалов. Пусть «молодые люди делают то, что хотят».

Время скорректирует их поступки, их понимание проблемы.

Ты также иди своим Путем. Путь твой верен. Сердце твоё настроено на высокую волну Учения Жизни. И это главное. Важно и то, что ты, Людмила Андросова, в этом деле не новичок. Этим и объясняется международный резонанс на твоё назначение научным сотрудником музея Н.К. Рериха в Изваре.

Что касается Людмилы Васильевны Шапошиноквой, то её можно понять. После своей центрально-азиатской экспедиции по маршруту Н. К. Рериха она стала особо известной. Уровень её полета приобрел новый радиус и высоту. И, может быть, простые смертные, да и не только простые, стали еле различимы для её взора. Плохо, если это так на самом деле.

Но смысл Учения Живой Этики, как и смысл Нового завета Иисуса Христа, заключается именно в том, что Великие Учителя всегда нисходили в низшие сферы – к неразумным ученикам своим. Но ты стучись к ней. Думаю все же, что она ответит на твоё письмо, поймет твои проблемы, поможет.

Люда, всегда помни сказанные тебе Святославом Рерихом слова, идущие от сердца, из глубины души: «Я вас вижу, я передаю, я вам верю». Оправдай доверие. Сохрани передаваемое. И еще раз повторю – своей волей не уходи из Музея. В любом качестве нужно работать в нем и лететь высоко, как летишь сейчас...

Из Новосибирска пишут, что там 10–12 февраля был семинар, посвященный 110-летию Елены Ивановны. Проходил он в Доме

ученых Академгородка. Альфред Петрович Хейдок и Наталья Дмитриевна Спирина председательствовали. Читались доклады о творчестве Елены Ивановны. Был прочитан и доклад Хейдока его сотрудницей. Что ты знаешь о нем?... Мир дому твоему. Пусть Господь хранит тебя на Путиях твоих» (март 1989).

«Уважаемая Наталья Александровна, – писал я в Покровскую обитель во Франции, – посланные вами бандероли получил. В последней, четвертой, были получены: «Записи св. А. Ельчанинова» и «Православный катехизис». Большое спасибо за внимание и заботу. Особенно признателен за присланное ранее: цикл книг прот. А. Шмемана, сб. ст. прот. М. Помазанского «О жизни, о вере, о церкви», соч. еп. Феофана «Путь ко спасению», консп. лекций прот. И. Мейендорфа «Введение в святоотеческое богословие». Моим специальным занятиям соответствуют книги: арх. Луки «Дух, душа, тело» и, особенно, книга А. Волохонского «Бытие и Апокалипсис». Был бы вам весьма признателен, если бы в вашей Славянской библиотеке в Париже нашлись для меня, хотя бы на время, серьезные и глубокие исследования по символизму Нового и Ветхого Заветов» (май 1989).

«Валентина Николаевна, здравствуйте⁵⁰. Рад был вашему письму, вашей весточке из теперь уже далекой Сибири. И сразу представился мне ваш дом, и огород, и банька. Увиделась ваша комната и я на стуле рядом с диваном, на котором вы сидите. И тихая наша беседа – о жизни, обо мне, о Маше, о многом другом. Бежит время. Бегут и письма мои к вам. Все реже и реже. Расстояния длиною в года слишком значительны. Но память свежа. И вы своим письмом как бы вновь пригласили меня к себе в гости. И снова я рядом с вами – на стульчике у дивана. Что рассказать вам о своем житье-бытье. Служу, молюсь, молюсь о мире и о земле, о друзьях и родных, о вас и о Маше. И прошу Господа помочь мне на моем нелегком пути. Господь, возможно, слышит мои молитвы. И что нужно – дает мне, в чем нужда – помогает. И в благодарность – моя молитва снова летит к Нему. Как и прежде, много работаю. Книги – и друзья мои, и дети, и жена, и мать. Книги – моя обитель, отдохновение, печаль и радость. Я писал уже, что год был в провинциальном городе

дьяконом, затем три с половиной года – настоятелем Спасской церкви в небольшом селе. Теперь вот, четыре месяца тому, как перевели в Калинин... Привет Марии. Как и прежде, работает директором клуба или перешла куда? Хотелось бы, чтобы все сложилось хорошо у нее. Мир вашему дому» (май 1989).

«Володя, – писал я в Новосибирск, – спасибо за поздравление с днем рождения. И Саше Зимину передай слова признательности за открытку и журнал «Сибирские огни» со статьей Юрия Ключникова «Духовное наследие Родины», в которой он впервые представил России небольшие выдержки из «Писем Елены Рерих»⁵¹, изданных в Риге еще в 1940 году. Статью «Летающая Лела» дай почитать Олегу Лыскову. От него было письмо очень теплое и доброе, в конце марта еще... Встреча с Ильей⁵² в Сутоках оставила хорошее впечатление. Кое в чем он согласился сотрудничать со мной, помочь. Но до сих пор – ни письма, ни помощи. Удивительно... С нашей кооперативной квартирой вопрос определен. Был проведен жребий. И Любаша оправдала мои предчувствия – вытатила номер квартиры на третьем этаже и в первом строительном блоке многосекционного дома. Может быть, в августе-сентябре придется пережить еще один переезд. Тогда на новый адрес переключим и всю нашу корреспонденцию... Мир вам. Света и радости...» (май 1989).

«Люда здравствуй, – писал я в Извару. – Получил твою весточку с милого тебе хутора. Омойся чистыми лучами солнца, освежись ветром перемен, окропи себя чистой водой умиротворения и тихой грусти. Это был хороший урок распознавания ликов. Мало Света вокруг. И говорящие о Свете очень часто пребывают во тьме. Если нет стремления к взаимопониманию и взаимному творчеству, если нет взаимопомощи и поддержки, то о каком свете внутри нас можно говорить? Мешают амбиции, мешают непонимание Истинных Путьей к Чертогам Белого Острова – к Ступеням Вселенского Храма Любви и Служения. Насилие и власть, власть и насилие – основной стержень почти всех земных устремлений, как бы высоко умозрительно они ни простирались. Хитросплетения ума – и молчание сердца... Итак, теперь уже на новом месте начнется новый Круг твоего

Пути к Свету. Где он замкнется и в какой радиус развернется дуга его? Но во всех случаях – моя помощь и поддержка всегда с тобой» (август 1989).

В сентябре 1989 мы, наконец-то, въехали в благополучное гнездо. Но что-то уже безвозвратно сломалось между мною и Галей.

Видимо, она все же не вынесла многих лет необустроенной семейной жизни, пока я продирался сквозь тюрьмы и лагеря, не вынесла и моего столь же длительного и непредвиденно сложного перехода в церковь, который она душою не приняла и умом не осознала.

И вместо совместной радости в нашем новом гнезде началось глухое противостояние между нами. Через некоторое время я поселился в меньшей из трех комнат, преобразовав ее в свою келью.

«Лариса, – писал я в Таллинн, – по новому адресу моему ты, наконец, поняла, что мы, наконец-то, переехали. Теперь все мои книги и проблемы собраны в одном месте, в одной комнате.

И еще одна новость – пришла реабилитация. На эту тему можно многое было бы добавить, но нет желания ворошить не то что прошлое, но и настоящее...» (октябрь 1989).

Где нечто рассыпается, там тотчас
Другое создается строенье –
И жизни новой, и забот иных.
Будь сердцем, полыхающим в ночи.
Будь нотой, пробуждающей к рассвету.
Будь криком птицы в сумраке людском.

Письмо 12. Новое время

18 августа 1999.

Все же Змий Конца Света своими кольцами серьезно задел Землю. Вчера в Турции – небывалое землетрясение. За ночь – около 300 подземных толчков. Дома рушились словно карточные домики. В многомиллионном Стамбуле погибло более 14 тыс. человек, более 34 тыс. ранено. Центр Стамбула в руинах. Горят около 700 хранилищ с сырой нефтью, отравляя воздух на громадной территории. Разрушены средства связи и коммуникации города.

В связи с такого рода бедствиями, хорошо бы подумать над строчками П. Д. Успенского в его книге «Новая модель вселенной».

«Если мы попробуем вообразить, каким должно быть пространство, занимаемое земными объектами, мы придем к очень странному и, на первый взгляд, парадоксальному выводу. Окружающие нас предметы – столы, стулья, вещи повседневного обихода и т. п. – не могут существовать для Земли, ибо они для нее слишком малы. В мире планет невозможно представить себе стул. Невозможно и помыслить об индивидуальном человеке по отношению к Земле... Даже все человечество в целом не может существовать по отношению к Земле. Оно существует только вместе со всем растительным и животным миром и со всем, что было создано руками человека».

Дорогой Друг, в апреле 1989 года к празднику Пасхи епископ Виктор наградил меня набедренником и камилавкой. А в марте 1991, по ходатайству епископа Виктора, я был награжден Патриархом Московским и всея Руси Алексием II наперсным Крестом.

Начавшаяся перестройка в стране вносила перемены и в деятельность церкви. Преодолевая свой многолетний испуг, народ повалил в Храмы. Во много раз увеличилось число желающих принять Православие. Бывали случаи, когда не в крестильной собора Белая Троица, а внутри ограды за его алтарем приходилось батюшкам проводить крещение по 80–100 человек сразу. По особо значимым церковным датам исповедников на Божественной литургии бывало столько, что несколько священников не всегда успевали выслушать и отпустить грехи всем желающим. Священников стали приглашать в школы и институты, на заводы и фабрики, в различные общественные и творческие союзы для проведения духовных бесед.

Само понятие священник стало приобретать новый смысл – светлый, достойный и значимый.

Но в тоже время, из-под белого знамени духовно-православного преображения России все отчетливее стала выглядывать черненькая тень – незамеченное первоначально, но давно привычное для россиян, сугубо потребительское отношение к церкви. Священников, словно официантов в ресторанах, стали манить пальчиками на молитвенное освящение разного рода дел, ничего общего с церковью не имеющих. И если раньше все это не выходило за рамки домашнего очага, то теперь резала глаза помпезность собравшихся,

шикарность обстановки и неуместность присутствия человека, одетого в священнические одежды.

В этот же период времени бывшие диссиденты Владимир Буковский, Леонид Бородин, Витольд Абанькин – мои сокамерники, правозащитник и поэт Анатолий Сенин и др., перевезли останки умершего в лагере Юрия Галанскова на родину. И 23 сентября 1991 г. был траурный митинг в Москве на Маяковке, посвященный Юре, затем состоялось и его перезахоронение на Калитниковском кладбище, где я служил у гроба панихиду по безвременно погибшему другу.

Юра был мне ровесником. Он умер в возрасте 33 лет, в расцвете своего литературного и политического таланта.

Все чаще и чаще в ночной тиши
вдруг начинаю рыдать.
Ведь даже крупицу богатств души
уже невозможно отдать.
Никому не нужно: в поисках Идиота
так измотаешься за день!
А люди идут, отработав,
туда, где деньги и бляди.
И пусть сквозь людскую лавину
я пройду непохожий, один,
как будто кусок рубина,
сверкающий между льдин.
Не-бо! Хочу сиять я;
ночью мне разреши
на бархате черного платья
рассыпать алмазы души...

Так начиналась поэма Ю. Т. Галанскова «Человеческий манифест», которую он часто читал на пл. Маяковского.

«Погода у нас уже сырая. И морозно ночами, – писал Юра своим друзьям из Малой зоны Мордовии. – Правда, в стационаре тепло. Только что половина неба была темная, а половина – солнечная. Красиво. Думал, что пойдет дождь, но он не пошел.

Радуга была во все небо. Генка Гаврилов стал объяснять мне, что такое радуга. Говорит, воздух насыщен, пары, конденсация, линза. Я ему говорю: «Да не может быть, какие пары, какая конденсация, какая линза, когда на небе радуга...».

Вот только что зашел человек и Геннадий Владимирович вопрошает: «Дядя Миша, видели, была радуга?» Я перебиваю и возражаю: «Какая радуга? Никакой радуги не было. Был воздух

насыщен, пары, конденсация, линза. В чем дело, Гаврилов?!» Он улыбается. Лежит на животе, читает всякие ученые книжки... За день он пишет по несколько килограмм цифр и всяких значков. Создает свою «Глобальную логику». Любимое мое занятие – издеваться над ним. Любя, конечно. Вот и сейчас, на ужин принесли селедку. Гаврилов склонился у тумбочки, а потом спрашивает: «А где соль?» Я сразу же вопить: «Дайте Гаврилову соли, он хочет селедку посолить»...

Генка – крепкий парень, бывший морской офицер. В Эстонии, где он служил, осталась его жена и девочка Любаша... На следствии у него началась аритмия. И вот сейчас сердце побаливает, кислотность нулевая, в брюхе что-то болит. Все от волнений и переживаний...» (1971)⁵³

У меня хранится фотография с портрета Юры, написанного заключенным художником Ивановым. Очки кажутся чрезмерно большими на его изможденном лице. Впалые щеки и измученные страданием глаза. Может быть, в этом и была основная миссия моего священства – проводить в последний путь самого близкого мне по духу и характеру человека.

Перестройка набирала обороты. Тут и там, словно грибы после дождя, возникали всякого рода Общества сохранения памяти и Общества возмездия. И мне было направлено, в частности, от Общества мемориал предложение сотрудничать с ними.

«Уважаемый Геннадий Владимирович, – писали из Перми, – 13 июля 1972 года в колонию Пермь-35 прибыл первый этап политзаключенных из Мордовии. В 20-ю годовщину этого печального события мы хотели бы собрать тех узников пермских политлагерей, адреса которых нам удалось установить, и которые, конечно, захотят приехать на столь невеселый юбилей. Пермское отделение общества «Мемориал» начало обширную работу по созданию мемориального комплекса памяти жертв политических репрессий на Урале. В его состав входят архивохранилище документов, аудио-видео записей, исследовательский центр, экспозиции, выставки и др. Мы получили допуск к архивам пермских политлагерей. Решен вопрос о передаче построек и сооружений колонии Пермь-35. Надеемся, что со временем вся колония превратится в памятник советскому тоталитаризму, в

памятник загнанному в лагеря народу.

Мы рассчитываем на вашу поддержку в деле сохранения памяти о самых мрачных страницах нашей истории, что помогло бы и нам скорректировать наши идеи и планы. Вместе с Вами мы могли бы обсудить важные и весьма деликатные проблемы музеефикации колонии Пермь-35, всю нашу программу. Мы хотели бы также побеседовать с Вами, записать Ваши свидетельства и все, что Вы сочтете нужным рассказать... Нам очень не просто было добиться разрешения органов МВД как на создание мемориального комплекса в колонии, так и на проведение этой встречи. Сложно было и узнать Ваш адрес» (июнь 1992).

Поступали также предложения разного уровня о выступлениях в газетах и на радио.

«Убедительная просьба, – обращался ко мне корреспондент областного радио, – в самое ближайшее время каким-то образом связаться с нами. Как Вы, безусловно, знаете, 30 октября отмечается День политзаключенного. К этой дате мне хотелось бы подготовить сюжет для информационной программы «Репортер» – с Вашим участием» (октябрь 1992).

И как отклик на газетные публикации, получил я письмо от Алексея Косырева, моего поделеньника по «уголовному» делу.

Стоит привести фрагмент этого письма ради объективности излагаемого здесь материала.

«С полгода пытаюсь разозлиться и написать тебе, – обращался ко мне Алексей, – как только попался мне на глаза 49-й номер Собеседника за 91 год с информацией о тебе журналистки О. Белан. Что ж, ты был великий тактик и большевистское «цель оправдывает средства» привела, похоже, тебя к своей вершине, которой мы, прости Господи, грешные, так и не достигли...

Ты служил одной догме, Библией которой был «Краткий курс ВКПБ», сегодня переметнулся к другой, также, правда, «вечно живой» со своими ветхими и новыми заветами.

Так стоило ли быть в числе первых диссидентов 60-х годов, пройти все круги ада большевистской системы, чтобы потом, через 20 лет, на твоём примере журналисты, не знавшие глубоко сути движения 60-х, в молодежной газете поместили эту,

порочающую все диссидентское движение информацию, смысл которой в том, что «стоило ли так за это колбаситься».

Ты знаешь, что нас была не горстка, наше поколение – это дети оттепели 50. По лагерям пошли – да, горстка; на карьере поставили крест – да, горстка; плодами воспользовались другие – да, это правда. Но так всегда бывало и будет в истории – в нужное время и в нужном месте оказываются более изворотливые и расторопные приспособленцы. Но их трагедия в другом – «Не они зерно сеяли» (О. Белан). Очень жаль, Геннадий Владимирович, что путь твоих исканий замкнулся на церковь. Научно образованному человеку прихожанин целует руку – это надо пережить... Да, церковь обществу нужна, но все же это не главное, далеко не главное. И метаморфоза, свершившаяся с тобой, осталась для меня так и не объяснимым явлением. С уважением в прошлом» (1992).

Что-то здесь Алексей не совсем разобрался. Так уж случилось, что не уважаемый Владимир Буковский, не редактор московского журнала и ныне известный писатель Леонид Бородин, не активный и энергичный Витольд Абанькин – мои сокамерники, к которым я обращался за помощью в деле издания книги «Спаси себя сам», а именно журналистка Ольга Белан, взяв с собой в Москву рукопись, приложила усилия, благодаря которым книга и увидела свет. Ольга нашла в Москве сотрудника журнала «Юность» Юрия Садовникова (и это какой уже очередной перст Судьбы), который имел квартиру в Калининне, был верующим и, более того, являлся прихожанином именно той церкви, в которой я был священником.

В предисловии к книге Юрий Николаевич, в частности, писал:

«Божьим провидением назначилась моя встреча с отцом Геннадием в тверском Храме Белой Троицы. До близкого с ним знакомства мы виделись во время литургии и всенощно. А потом вышло так, именно отцу Геннадию пришлось совершать таинство отпевания, провожая в последний путь мою мать Пелагею Александровну. Это и определило будущие особые отношения между нами, будто родственная связь возникла, будто стали побратимами. Но Господь ничего не делает случайно и понапрасну. Прошло две недели после похорон, и уже в Москве мне позвонили друзья из газеты «Собеседник» и попросили прочи-

тать рукопись. Я испытал совершенно мистические чувства, когда увидел приложенную к рукописи фотографию отца Геннадия. Прочитав ее, я поехал в Тверь, пришел в Храм Белой Троицы и дождался отца Геннадия после службы, рассказал ему обо всем, что произошло. Круг, назначенный нам, сомкнулся...».

На статью же, опубликованную в «Собеседнике», я получил целый ряд отзывов, отнюдь не умаляющих диссидентское движение в нашей стране. В продолжение темы можно отметить, что в День памяти жертв политических репрессий и по случаю открытия в нашем городе Памятного знака жертвам репрессий в газете «Вечерняя Тверь» (№ 68, 1997) журналист Игорь Мангазеев в своем политическом репортаже «Человек должен подняться с колен» задал мне тот же вопрос:

– Не напрасны ли были тюрьмы и лагеря, разломанная через колени жизнь, сегодняшняя нищета и неустроенность? Кому нужен был поздний реабилитанс?

И его вполне удовлетворил мой ответ, приведенный в газете:

– Так или иначе, – отвечал я журналисту, – но иное знамя поднимается над Россией. Думаю, что это новое знамя плохо видно пока в пыли и грязи сумбурной перестройки, но оно уже прошито тяжелой строчкой лет российского времени. Именно прошлое и готовило для него и полотно, и древко, и крепкие нити. Так что не о чем сожалеть.

В этот период времени были ко мне и призывы подключиться к той или иной новой общественно-политической структуре и, вообще, заняться политикой, становящейся модной и многолюдной. Пришло даже приглашение войти в состав теневого «Правительства национального единства», которое начали формировать бывшие политзаключенные.

«Уважаемый отец Геннадий, – обращался ко мне Оргкомитет, – зная Вас, предлагаем Вам ознакомиться с документами Правительства национального единства (ПНЕ) и, если это совпадет с Вашей личной гражданской позицией, активно включиться в его работу» (февраль 1993).

В приложенной Декларации ПНЕ были и такие строки:

«Принимая во внимание катастрофическое положение страны, ее незаконный раздел на номенклатурные вотчины вместо осознанного самоопределения народов, беспрецедентное ограбление

народных масс вместо цивилизованного рынка, номенклатурные интриги вместо демократии... мы сформировали теневой кабинет с целью консолидации вокруг него политических сил страны и наличия к моменту падения нынешней власти готового Правительства, с уже известной, научно обоснованной и популярной программой... Сегодня, в условиях, когда усилиями внутренних оккупантов разрушена страна и рушится прежняя преступная государственность, нет Мининых и Пожарских.

Но есть Правительство из тех, кто шел к демократии не через кабинеты обкомов и Политбюро, а через тюрьмы и лагеря красного фашизма. Кто вскормлен не в спецраспределителях, а на лагерных пайках. Силу же и возможности этого Правительства определит мера поддержки его всеми гражданами страны»

С одной стороны, сан священника предостерегал меня от такого рода шагов, но с другой – зачем говорить там, где и без того слишком много открытых глоток; зачем еще влезать в дело, когда оно и так катится – не остановишь.

Казалось бы теперь, ну вот оно – все и образовалось, как нельзя лучше. Двигайся, отец Геннадий, и далее по церковной лестнице, получай очередные награды, совершенствуйся в проповеди и слове Божьем, окормляй духовно тех, кто тянется к тебе душою.

«Господи! – не раз восклицал я, стоя в алтаре на молитве, – если бы хоть малую толику того имел я в сердце своем, что приписывают мне сопутники жизни, тогда можно было бы считать, что не зря прожита эта жизнь, и не зря было устремлено сердце мое к Свету и Истине».

Человек же так немощен и так слаб, что, на самом-то деле, ему неимоверно трудно достичь таких духовных высот, которыми его наделяют порой друзья и соратники. Конечно, встречал я на своем пути и тех, которые проклинали меня, мазали грязью с ног до головы и от головы до пят. Не следует говорить о них, лишний раз поминать. Пусть их деяния на их совести и останутся.

И земной поклон Вам, Друзья мои, за вашу бескорыстную поддержку, за действенную помощь, за понимание и великодушие, за вашу неизмеримую любовь на всем Пути моей непростой жизни.

**На испытанье каждое сознание.
Путь по спирали может восходить.**

Путь по спирали может вниз срываться.
Но помощь призывающий – получит
Опору при падении с Вершины.

Письма 13. Первая книга

19 августа 1999.

Дорогой Друг, еще в Сутоках во время шквального ветра сломало около церкви большую и высокую осину, не раз уже битую хлесткими ударами молний. Разлом был свежий и широкий, белый, как оголенная от кожи кость.

И ведь рядом росли такие же высокие и разлапистые деревья. Но больше всех доставалось именно этой осине. Так и у людей – привяжется несчастье к кому-нибудь и бьет его, бьет, пока совсем с ног не свалит. Может быть, я и есть такая осина – только поменьше. Недаром же меня так и тянуло посидеть именно на ней, поразмышлять, погладить ее пораненные молнией бока. Оглядываясь теперь на пройденный путь, я ясно вижу, что Владычица Судьба все давала мне для полноты духовной жизни, при этом постоянно разрушая мое любое маломальски достойное для простого смертного мирское благополучие.

Дорогой Друг, понимая, что, организовав в доме свою келью и, тем самым, став для жены всего лишь не совсем удобным соседом, в конце 1989 года я начал искать выход из этой щекотливой для нас обоих ситуации. Несколько месяцев спустя, спокойно обсудив с возникшую между нами проблему, 13 марта 1990 г. мы оформили развод без слез и упреков. В этот же день, упорядочивая свой архив, я наткнулся на небольшое послание ко мне теперь уже бывшей жены по случаю моего давнего дня рождения:

«Пятнадцать лет без малого я храню этот талисман⁵⁴ нашей встречи, нашей любви, нашей жизни, – писала она. – В день твоего сорокалетия, оглядываясь на этот длинный и в то же время еще совсем короткий Путь, я хочу поблагодарить Бога за все, что Он предоставил испытать нам: за радость до слез, за горе до боли на концах волос, больше всего за нашу встречу. Были удачи, было и недовольство собой. Так не растеряем ничего

из накопленного багажа, поднимем на щит лозунг: «Благословенны испытания, ибо ими растем». Через пятнадцать лет, когда ты будешь умудренный сединами мужчина, ты вернешь мне этот талисман в день нашей встречи. И мы отметим еще одну веху нашей жизни» (апрель 1979).

Я вынул этот камень из небольшого, аккуратно сшитого ею светло-зеленого мешочка. От камня исходило тепло, согревая ладонь.

Теперь же и вся наша непростая совместная жизнь отправлялась в архив. Что послужило тому причиной? Душа моя металась и болела в поисках правильного ответа. И пока не находила его.

Мы не озлобились друг на друга – нет.

Мы просто каждый пошли своей дорогой.

И пусть талисман полежит пока у меня. И когда я умру, она после похорон, если захочет, отыщет его в моих уже никому не нужных вещах и, тем самым, вернет его себе или передаст Святославу и Любаше – тому из них, кому память об отце будет дороже.

Или вот – Всеволод, названный в честь Всеволода Белюстина. Как знать, может быть, именно этот мальчик лет через 13, когда перешагнет он свой 20-летний рубеж, серьезно заинтересуется папиными «талисманами» и, овладев ими, завершит дело отца, которое также потребует от него всей его жизни.

Теперь же, после развода с Галей, мне оставалось лишь решить вопрос со своим местожительством. Поскольку дочь была замужем, а молодые снимали комнату, еще ранее я обратился в наш же кооператив с ходатайством о расширении жилой площади. С некоторыми хлопотами нам пообещали выделить одну из однокомнатных квартир в последней, еще достраивающейся, секции дома, поскольку оказалось немало отказников от них, имеющих возможность приобрести жилье побольше в других кооперативах. Тогда еще можно было, имея не столь уж большие деньги, что-то выбирать. Жилищно-строительные кооперативы (ЖСК) только стали образовываться у нас, дело было новое, экспериментальное. И не всякий еще, уплатив первоначальную сумму, решался взвалить на себя тяжесть выплат за такую квартиру в течение последующих 20 лет.

Сейчас же, 9 лет спустя, недвижимость, из-за невиданно подскочивших цен на жилье, стала самым доходным бизнесом и местом для вложения капиталов.

В этот же период времени, приходя со службы в свою келью еще в трехкомнатной квартире, я, устав от математики и символов, пе-

ребирал затем черновики готовящейся понемногу книги о лагерях, просматривал сохранившиеся у меня чудом материалы дела, тюремные и лагерные записи, дневники, письма.

Постепенно из 100 первоначальных страниц, написанных еще 15 лет назад, книга разбухла до 200 и далее продолжала наращивать свои размеры. И я внимательно просматривал свое взрослеющее детище и сбоку, и сверху, проверял ритмику слов, конструировал динамику происходящих в книге событий, закручивал и раскручивал перехлесты сюжета. Но не хотелось писать обычных мемуаров.

Нужна повесть, – думал я, – повесть с реальными людьми, с их настоящими именами и фамилиями, что во многом усложняло написание книги. Со своим героем автор волен обращаться и так, и сяк, приписать ему и то, и другое. Говоря же о Владимире Буковском, например, о Юрии Галанском, я имел право только на выражение своего отношения к ним. Не более того. Всякого рода домыслы и авторские фантазии были в этой повести неуместны.

Тем не менее, книга все более и более захватывала меня. Будто кто-то подталкивал изнутри, говоря: «Работай, работай – больше нельзя откладывать тобой начатое. Время пришло».

И время действительно пришло – перестройка давала возможность опубликовать книгу.

Но внутренний голос мой оказался прозорливее оценки ситуации внешним зрением.

Что-то происходило с этой самой Перестройкой, она начинала буксовать, давать сбои – и все меньше и меньше нравилась мне.

И в первых числах августа 1991 года книга «Спаси себя сам» обрела законченную форму. И подсознательно ожидаемые мною события совершились – они и заняли последние страницы в книге.

19 августа 1991. Свершилось!..

Воняло в воздухе этим заговором еще с зимы...

Вооружались большевики. Выходили из окопов.

На тачанки вновь пулеметы ставили.

И учились стрелять...

Итак, книга есть. И в самое время.

Надеюсь, что она, может быть, вдохновит кого-то, особенно молодых, на крестный Путь во имя России, поможет подняться стоящему на коленях, поможет идти остановившемуся в нерешительности, поможет молчащему Трибуном стать Нового Времени.

Чем можно дополнить книгу?
Разве что «Открытым письмом к гражданам России».
Уйдет неделя.
Мои надежды? – На здравый смысл россиян.
Проснулись многие – и на это надежда.
Но главное, чувствую – не будет армия стрелять в народ.
В этом возможное для нас спасение.

Жаль, что книга не выйдет здесь.
Отправлю на Запад.
Непосредственно обращаюсь
к моему знакомому Б.Г. Миллеру из НТС.
Напомню: была договоренность у нас напечатать книгу.

Пусть даже павшие восстанут на защиту России!
Ну, кажется все. Помогите, Господи...

21 августа 1991.

Даже не верится. Какая-то мистика.
А может быть – Чудо?
Было видно, что люди, взявшие власть,
не продержатся долго.
Но что так быстро будет падение, вряд ли кто ожидал.
И тем не менее – завершилось.
Казалось, что так.
Я же думаю – это только начало.
И еще полумрак, полурассвет, еще только утро,
все в тумане и холоде, в неприятном ознобе.
И не скоро еще День в апогее Солнца.
Но тьма рассеяна. Конец вернулся к началу, замкнув круг.
21 августа 68-го – ввод войск в Чехословакию.
21 августа 91-го – конец путчистов.
Умерла Россия и, как Христос, Воскресла на третий день.
И уже сегодня готовиться нужно к Преображению.
И завтра устремиться необходимо к Вознесению России.

Братья и сестры, этого ждет Россия от вас,
молодых и сильных, с ясным умом и чистым сердцем.

Немалого напряжения сил стоила мне публикация этой книги.
Почти годовых непростых взаимоотношений с издателем – новым
русским, знающим, как издавать и как не платить «своим» писате-
лям. Спасибо спонсорам, давшим деньги на издание книги. Можно
упомануть и тех, кто хотел помочь, но – отказали затем.

Одно удивительно, что в это сложное, запутанное и трудное время, когда и маститые-то писатели скорбели, что лежат рукописи их без движения и надежд на издание, книга «Спаси себя сам» вышла в свет и, как оказалось, нашла своего благодарного читателя.

В Твери, во всяком случае, до того, как получил я свои 100 авторских экземпляров, когда лежал тираж в типографии еще, ожидая оплаты, книга уже читалась в городе – ходила по рукам.

«Воруют, – разводил руками издатель, – что же делать?».

До меня дошло много откликов на книгу из разных мест.

Друг мой, для разнообразия письма и в качестве лирического отступления приведу тебе лишь несколько типичных примеров.

«Несказанно рад был получить вашу книгу, но еще большую радость мне доставило ее чтение, нет, не чтение, а упоительный запой, ночной прием наркотика в высочайшем его смысле.

Книга мужества, которым мы платили нашим коммунофашистским палачам, озверевшим, ослепшим от беспредельной власти. Книга, написанная сердцем и с удивительным художественным тактом, где очень трудно удержаться, чтобы не впасть в крайность, а она светлая, добрая при всей той беспросветной жизни тюрем и концлагерей, в которых развивается все действо.

Но – подчеркиваю – главное ее достоинство, не считая, конечно, исторической документальности, это то, что она художественная. В искусстве только то и имеет ценность, что обложено, отточено в хорошую, точную форму, тогда она становится непреходящим фактом... Вам нужно переиздание книги большим тиражом. Книга стоит того» (Анатолий Сенин⁵⁵, Москва, март 1994).

«Многие помнят, что не так давно служил в Белой Троице отец Геннадий – строгий, немного даже суровый священник, влекущий к себе многих прихожан словно бы идущей от него удивительной духовной силой. Но немногие знали, какой трудной была его дорога к Храму... Его книга «Спаси себя сам», выстраданная трудной судьбой, всем долгим путем к духовному спасению, которое одно только и имеет ценность для автора, наконец-то издана... Она о том, что важно всегда – о борьбе человека со временем, ради себя и ради времени же... И читатель получает

возможность прочувствовать и понять, с каким колоссальным внутренним трудом прокладывается этот путь, как нелегко и, в то же время, необходимо следовать завету, ставшему названием книги» (Сергей Глушков, журналист, «Тверская жизнь», апрель 1994).

«Гена, я получила твою книгу. Излишне говорить, как дорога мне твоя память. Но даже не то. То, что я хочу сказать, трудно выразить, но можно. Я была больна, да, но болезнь была связана с духовным, нельзя сказать, кризисом, но чем-то очень похожим. И то, что ты написал «Спаси себя сам», прозвучало для меня как колокол, как стрела в самое сердце. Я выздоровела, еще не совсем, правда. И если в двух словах, то у меня было глубокое внутреннее противоречие между моей работой с американцами (они решили «духовно просветить» наш народ) и пониманием нищеты их духовности... И я благодарю Бога за то, что книга твоя пришла ко мне тогда, когда это было нужно больше всего на свете...» (Людмила Андросова, Петербург, апрель 1994).

«Татьяна, прочла твою книгу – спасибо тебе. Хотела зайти, обсудить некоторые ее интересные моменты, но времени все нет, поэтому вкратце напишу тебе свои впечатления.

Книга – необычная, способ подачи материала совсем необычен. Автор называет себя полным именем и тем самым подчеркивает, что вымысла в ней нет нисколько. Что это? – Желание «отстраниться» от себя: так сказать, взгляд и анализ со стороны или четкое желание назвать все и вся собственными именами в назидание? Так как я в политике ничего не понимаю, – эта линия меня не задела. Хотя для автора, это очень чувствуется, она, как говорил Ленин, – архиважна. Еще бы, ведь цена ей – поломанная жизнь. Но, что значит «поломанная»? – может быть, наоборот. Ведь именно этой дорогой к нему пришла йога, Рерихи, христианство и многое другое, что нам и не снилось.

Зная мое увлечение психологией, можно предположить, какой интересной книга покажется с этой позиции. Он никого не простил! И жаждет возмездия (поэтому всех помянул поименно). Но ведь это отсасывает столько энергии... И последнее. Его страданиям не будет конца, уж очень он многого хочет от

жизни. *А может быть, так и надо жить?»* (Светлана, Тверь, ноябрь 1994).

«Прочитал вашу повесть «Спаси себя сам». Считаете ли вы, что боролись и страдали за сегодняшний режим? В чем смысл жизни человека? Дожил я до 40 лет и не нашел ни у кого ответа, как помочь нам всем... Вокруг жестокость, ложь, интриги, враждебность. Гордыня обуяла умы. И еще обидно, что за недоумков нас как считали, так и считают. Знают они, что ответить не можем – твари мы бессловесные... Чем сейчас жива ваша душа, неужели только смирением?» (Сергей Базин, рабочий, ныне безработный, Пенза, февраль 1995).

«Получил твою книгу и письмо еще осенью... Постоянно и неизменно вспоминаю о тебе и всех наших лагерных товарищах. Душа тянется к Зоне, ко всему тому, что составило для нас счастье жизни. Там остались светлые помыслы, братское единение, страдания и терзания наших молодых сердец и умов. Скорблю от происходящего в отечестве нашем. Не чаяли мы, что оптимизм начинаний обернется таким вот светопреставлением. Не хочется думать, что Бог оставил нашу Россию» (Олег Сенин, Тула, 1995).

Не бойся неизведанных путей.
Не бойся необычных проявлений
Сюжета развивающейся пьесы.
Лишь дерзновеньем можно развернуть
Палитру звуков в радугу сияний.
Восторг души необходим для струн
Вселенской арфы Космоса Живого.
Решительнее будь на виражах
Земных симфоний.

Письмо 14. Воспоминания

20 августа 1999.

Дорогой Друг, к сожалению, жанр писем давно не в моде у нас. До революции, говорят, этот жанр был очень популярен среди друзей, подруг, просто знакомых. Он где-то пересекался с альбомным жанром. Видимо, тогда люди больше соперничали друг другу, больше думали, особенно над тем, как они живут, ради чего, какие совершают поступки – и старались в письмах дать этим поступкам нравственную оценку.

Сейчас же, мне кажется, какой-то вихрь бездумья и безумия носится над Россией. Особенно в крупных городах людей охватила лихорадочная деятельность, часто пустая – не нужная, еще чаще – вредная. В силу этой лихорадочности в наш «цивилизованный» век и письма стали короткими, коряво-торопливыми, сугубо деловыми.

Гнутся и ломаются духовные устои жизни.

Да и сами жизни трещат – только хруст стоит.

Вчера, после письма тебе, еще раз захотелось взглянуть на старые фотографии, прикоснуться к дорогим мне письмам ближайших друзей. Вот передо мной на книжной полке фотография Павла Федоровича. Здесь он за своим рабочим столом. Доброе и спокойное лицо моего Учителя. Рядом у окна – новогодняя елочка.

Воздайте Вседержителю хвалу.

Учителя дающего восславьте.

Стремление к Учителю – волна,

Связующая с Дальними Мирами.

Расставания всегда тяжелы, тем более с людьми значимыми для жизни тех, с кем человек общался, кому помогал и словом, и делом. Передо мной последняя открытка от Павла Федоровича:

«Дорогой Геннадий Владимирович, прохожу сейчас курс лечения. Врачи временно отключили меня от всякой деятельности и машинки, поэтому простите за вынужденное молчание. Оно продлится месяца два. Галину Васильевну и вас поздравляем с Новым годом и желаем от души всего светлого» (декабрь 1981).

В последнее лето своей мирской жизни (1983) перед отъездом в Новокузнецк на алтарно-клиросное послушание, я ездил из Новосибирска в Таллинн. Встречался с Ларисой Петиной, Николаем Речкиным и с Кириллом Беликовым – сыном Павла Федоровича.

Был и в Козэ-Ууэмыйза. Сидел на том же диване – напротив стола, за которым Павел Федорович работал. Не было лишь самого хозяина за столом. Побеседовал с Галиной Васильевной.

Это была нелегкая встреча. Она тяжело переживала смерть мужа и плакала, рассказывая мне подробности последних месяцев его жизни, как все потихоньку, исходя из добрых побуждений, по неведению толкали и толкали его к уходу с земного плана.

И это меня особенно огорчало, поскольку в предыдущий свой приезд, встречаясь с Павлом Федоровичем, я видел, как он естественным образом постепенно выбирался из своей болезни, как начинал снова работать над «Духовной биографией»⁵⁶ Рерихов.

Тогда с Павлом Федоровичем мы ходили на почту за письмами, которых в месяц он получал около 40, не считая посылок. Всегда обязательный, даже в болезни он считал необходимым отвечать на всю присылаемую ему корреспонденцию. Беседуя с ним, мы прогулялись по поселку.

Он проводил меня до автобуса. Мы обнялись.

И я непроизвольно несколько задержал его около себя, будто нечто предчувствовало во мне, что это наша последняя встреча.

После своего отъезда, я получил от него на свои толстые послания еще несколько коротких ответов, напечатанные им на той самой машинке, которая изображена и на фотографии.

– Если бы знать, если бы знать, – повторяла и повторяла Галина Васильевна в слезах.

Я неуклюже обнял ее и поцеловал на прощание.

И уже на улице еще раз увидел Галину Васильевну у окна.

Мы помахали друг другу рукой. Не в последний ли раз. И действительно, с тех пор мне не довелось быть ни в Эстонии, ни в Козэ-Ууэмыйза. Была, правда, от Людэ Андросовой весточка о том, что к ней приезжал в Петербург Кирилл Беликов, и что он с друзьями ищет пути издания «Духовной биографии», которая и была опубликована в 1994 году.

Не могу забыть и Ларису Ильиничну Петину из Таллинна, удивительно внутренне утонченную и тактичную, всегда поражавшую меня при встречах глубиной знаний русской литературы, ее классиче-

ского наследия. До сих пор представляю, как она спокойно и умиротворенно сидит в кресле, и мы негромко беседуем.

В мои первые послелагерные годы Лариса была светлым лучиком в темном царстве моего мирского окружения. По поводу же моего перехода в церковь она писала:

«Очень обрадовалась твоему письму... Сажу в библиотеках, дочитывая недостающий материал для своей диссертации: что-то там выйдет из-под моего пера?.. Рада за тебя. Со страхом думаю, какие трудности и огорчения тебя ожидают. Помоги, Господи! Приветствую тебя с Пасхальными праздниками» (апрель 1987).

«Как твои пасторские дела? Удастся ли находить контакт с людьми? Это, конечно, очень и очень непросто, но в твоём деле особенно важно. Всегда думаю, сколько же надо иметь в себе и мудрости, и любви, и милосердия, чтобы наставлять и направлять других. Дай тебе Бог и силы, и терпения» (январь 1988).

Давно не писал Ларисе, хотя мысленно отправил ей, наверное, дюжину писем.

Николай Речкин – предтеча моей встречи с Павлом Федоровичем. Всегда целеустремленный и деловой. Вот мы с ним на диване в очень уютной квартире Павла Федоровича.

И дыхание Гималаев окружает нас, и незримое присутствие Великих Ликов благословляет. А Коля незаметно записывает в небольшой блокнотик особо значимое в происходящем.

Сейчас он на Алтае, что осложняет наше общение. Редко, но все же доходят иногда до меня и его письма:

«По незнанию своему мало представляю себе, чем ты занимаешься, – писал он мне, – но весточка твоя дает уверенность, что ты на правильном пути... С уходом Павла Федоровича оборвались почти все мои связи. Изредка вижу с Кириллом⁵⁷, вот, пожалуй, и все. Сердечно обнимаю тебя. Всего светлого» (январь 1987).

Алексей Анненко из Абакана, активно защищающий в своих журналистских статьях Рериховское движение в России, в том числе и от нападок со стороны церкви.

«Церковь выразила недовольство тем, – писал он в газете «Абакан», – что «пропагандируется Учение Живой Этики, введенное в оборот семьей Рерихов»... Решение церковных иерархов повергло в недоумение немалое число верующих, да и рядовых служителей церкви. Мне, например, хорошо знаком священник одного из городов Центральной России отец Геннадий. Бывший морской офицер, за выступление против ввода войск в Чехословакию получил шесть лет лишения свободы. После отбывания срока, он увлекся идеями «Агни-Йоги». И это не помешало ему (а скорее помогло) встать на путь православного церковного служения. Если за «прегрешения» перед Советской властью он, спустя 20 лет, реабилитирован, то, не дай Бог, вновь пострадает, поскольку «как и раньше, – писал он мне, – книги Живой Этики на моем рабочем столе». Но, как известно, «искривления линии» не терпят ни православные компартийцы, ни фанатичные церковники» (июль 1995).

Вот ясно ощущаемая сердцем, волевая и устремленная, очень собранная, но в то же время сердечная и чуткая Людмила Андросова. Живет в Петербурге. Это она, будучи альпинисткой, покорив в предгорьях Белухи ряд новых вершин, способствовала тому, что они стали именоваться пиками Николая и Юрия Рерихов, Урусвати (Елены Рерих), Святослава Рериха и Павла Беликова. И можно сказать, что горные скрижали запечатлевают на своих каменных страницах самое достойное и светлое из деяний человеческих.

При Алтарях стоящие достойны
Престол гранитный на Земле иметь.
Им от Венеры изумрудный меч
Вручен как Стражам Горнего Порога.
Корзины приготовьте, чтоб собрать
От Горних Стран подаренные Звезды.

Планировала Людмила поднять из руин и дом Рерихов в Изваре, на что получила благословение от Святослава Рериха. Для этого у нее были все возможности и зарубежные связи, через которые можно было бы привлекать денежные средства для реставрации Дома и его интерьера, создать архив и соответствующие экспозиции, организовывать выставки, вечера, разного рода встречи с последователями Учения Живой Этики.

Но чиновникам от культуры не нужен был активный и преданный своему делу человек.

Некоторое время Люда жила в Твери. Обсуждая рериховские дела, мы бродили иногда по набережной Волги, вспоминая наш новосибирский период жизни.

«Очень-очень рада была твоей весточке, – писала она. – Господи, – думала я тогда, слушая этот концерт по ТВ, – неужели я никогда, никогда больше не услышу этих звуков – так они мне запали в душу. И вот теперь у меня есть, что я просила. Подумать только – или волшебство какое-то... Вот слушаю сейчас «Великое славословие» и реву. «Господи, научи мя творити Волю твою», – поют сейчас» (Извара, сентябрь 1988).

«Гена! Ты написал так прекрасно для меня, как внутренний мой голос... Сегодня утром так хорошо. Мороз разрисовал окна, но все-таки можно увидеть очертания леса напротив и туман, поднимающийся от прудов, – там чистые родники. Дома тепло, тихо... Прости, что редко пишу» (Извара, ноябрь 1988).

«Здравствуй, мой дорогой Друг, – писал я в ответ, – Представь, что вместе мы видим разрисованные таинственной кистью узоры на стеклах и за ними – не менее таинственный лес, и сизый туман, и окна прудов, и тихое завораживающее звучание родников. И мы говорим друг с другом звуками окружающей нас тишины, символами снежного узора, изгибом сосны, беззащитностью столетней березы. Всюду знаки.

Вот из живой воды я создал для тебя прозрачную вазу. И наполнил ее серебром ночного звона. И печальную ветвь тишины украсил снегом и мерцанием звезд. Возьми эту вазу с прекрасным цветком. Пусть она будет моим подарком тебе к Новому году. Следи, чтобы ее чистые прозрачные грани были наполнены серебряным звучанием Высших Миров, чтобы ветвь тишины сердца твоего никогда не увядала, чтобы звезды небес мерцали в душе твоей... А еще я купил тебе пластинки: «Всенощное бдение» С. Рахманинова и «Русская и болгарская хоровая музыка» в исполнении камерного хора Минина (декабрь 1988).

«Пишу на работе, в кабинете, где, кроме меня, никого нет, – отвечала Людмила. – Я недавно написала тебе, я помню то со-

стояние радости жизни – я дома, из окна виден лес и звучит твоя музыка... И как в наказание за радость – сейчас темно в моем доме, черны стены, потолок, пол, полопались стекла, расплавилась электропроводка. Это чуть-чуть не возник великий пожар – по моему недосмотру. Когда я открыла дверь из комнаты, то сквозь дым и чад увидела огромную стопку расплавленных углей на печи – я положила дрова для просушки. Но это был знак, потому что по всем земным законам все это должно было полыхать, но ждало меня. Ничего не случилось. Просто – не нужно радоваться сильно» (Извара, декабрь 1988).

«Гена, здравствуй... Вместе с моей младшей дочерью Василисой (сейчас ей 12 лет) мы в прошлом году провели полгода в Америке, на берегу Тихого океана, где вставали и засыпали под шум волн, крики чаек и альбатросов. Это было благословенное время отдыха. И я тогда уже осознала глубокую душу русского народа и мелочность и тщеславие американских «просветителей». То была церковь Религиозной Науки, которая пригласила нас учиться их духовности. Но очень скоро я поняла, что ни я церкви, ни церковь мне не нужны. У меня был океан, были рассветы и закаты, была я сама. Там я пережила многое – вплоть до искушения остаться. И когда это случилось,хватило только одного часа на то, чтоб улететь оттуда, как можно скорее.

Самое же главное, что было важным для меня в Америке – это не запланированное, не страстно желаемое и, вместе с тем, не знаю, почему случившееся, наше пребывание в Музее Рериха в Нью-Йорке. Я была там много лет назад, еще когда Зинаида Григорьевна была жива. И вот теперь какая-то сила толкнула меня туда – новый директор музея заплатил за нас более 1000 долларов... Гена, я была с книгами и рукописями, главное – с рукописями, и запахом, и ощущением Их присутствия» (Петербург, апрель 1994).

Игорь Калинин – мэтр эзотеризма, ставший на все последующие годы моим другом и спутником жизни.

На моей полке последнюю папку писем от друзей завершает его телеграмма по случаю моего 60-летия:

«дорогой друг большим удовольствием выпиваю твои сто за шестьдесят сорадуюсь творческим успехам передаю пожелания сибири нашего тебе здоровья любовь гармония красота заслуженно осенят твою душу украсят твою жизнь внесут мир счастье твое окружение твой брат Игорь» (апрель 1999).

Всегда в сердце моем и бесконечно гостеприимный Петр Лабецкий. Так и вижу, как он наливает в широкую емкую чашу густо заваренный алтайскими травами чай, как угощает золотистым медом. Курятся ароматные палочки, тихо звучат индийские мелодии.

Володя Слободанюк. Больше всего у меня его фотографий.

Володей проделана гигантская работа, занявшая полтора года напряженного труда и внимания. Им был составлен подробный указатель терминов и имен по всем книгам Учения Живой Этики, который, к сожалению, до сих пор не востребован рериховцами и не опубликован. После отъезда из Суток, когда я нагрузил его всякого рода «запрещенной» литературой, он писал мне:

«Долетел хорошо, без всяких хлопот и проблем. Сразу сдал свой чемодан в багаж. Он у меня весил чуть более 20 килограмм. Сумку взял в самолет – особо и не смотрели. Так что все хорошо... Сразу же по приезде связался с Сашей Зиминым и Игорем Калининым. Рассказал им о твоих планах и просьбе помочь... Игорь спрашивал о тебе. Я смотрю, что и к лучшему меняется его отношение к твоему переходу в христианство. Он говорит, что ты прекрасно устроился, что там идеальное место для духовной работы и, не исключено, что и он попросится к тебе дьяконом. А потом, смотришь, и отбою не будет от добровольных помощников и желающих пойти по твоим стопам... Что я должен сделать, потихоньку буду делать и тебе высылать. Еще раз большое спасибо за книги» (сентябрь 1986).

«Дорогой Гена, конечно, очень интересно читать даже введение твоей новой книги по Символогии. Видно, что тебе пришлось творчески просмотреть горы материала, чтобы подойти к ее написанию. От прикасания к космическим идеям, которые упоминаются во «Введении», дух у меня захватывает... Показал твое письмо Игорю, спросил его мнение о нем. Игорь отнесся

одобрительно, только высказал пожелание, чтобы она быстрее была написана...» (ноябрь 1987).

Самые теплые воспоминания о Александре Зимине еще со времен нашей совместной работы в новосибирском электротехническом институте. Почти зримы наши первые беседы, сомнения и поиски. Особенно памятна мне встреча с Сашей в Сутоках и наши совместные молитвы.

«Геннадий Владимирович, – как-то написал Саша, – пусть этот знаменательный для Руси год 1000-летия Крещения Руси принесет всем вам исполнение надежд, желаний и новой работы – трудной и интересной на благо Родины» (январь 1988).

Наташа Егорова – очаровывающая не только лиричностью своего необыкновенного голоса, но и трепетом сердца, устремленного к прекрасному и высокому.

«Бывают у меня такие моменты, – писала Наташа во время болезни ее совсем еще маленького Святослава, – когда становится очень одиноко. Наверное, это случается со всеми. Никто не может понять другого так, как он сам себя понимает. Никто не хочет поставить себя на место другого. Может, все люди на Земле одиноки? Как вы думаете, Геннадий Владимирович?

Неужели все вокруг – это бутафория: семья, друзья? Неужели нет родных душ, светлых сердец, неужели все глухи и слепы по отношению к сердцу ближнего? Почему эгоизм правит человечеством, почему не правит любовь? Может, я что-то забыла из того, что мы с вами говорили, учили, понимали?» (январь 1988).

«Большое спасибо вам за письмо, – отвечала она на мое большое послание к ней, – спасибо за все ваши письма... Когда мне трудно и эмоции переполняют душу, а воля ускользает из-под контроля, я беру ваши письма и, как ни странно, они мне помогают больше, чем другие сокровенные книги и записи.... Вы о себе напишите, как вы там, Геннадий Владимирович?» (март 1988).

Смотрю на фотографию Наташи, недавно опубликованную в газете и прекрасно исполненную, что так редко для газет: огромные глаза, утонченное и одухотворенное лицо, умудренное жизнью.

В ее репертуаре старинные русские романсы, музыка немецких романтиков, арии Баха и негритянские спиричуэлы.

«Ее пение, – писал корреспондент, – несет свет, волнует своей искренностью и говорит подчас больше, чем иные огромные по силе, но лишённые тепла и обаяния голоса».

Вспоминаю ушедшее в даль наше совместное творчество с композитором Борисом Лисицыным.

«Спасибо за книги песнопений, – писал он мне в Сутоки. – Сделал выписки, теперь представляю, что это такое. Почему-то одноголосные напевы изложены очень высоко по tessiture... Этот год у меня был продуктивным, написал много музыки: сонату для виолончели и фортепьяно, кантату для оркестра русских народных инструментов и баритона на стихи Лермонтова. Сейчас заканчиваю работу над оперой «Пир во время чумы». Мы с вами обсуждали эту работу – стараюсь выполнить ваши рекомендации. Особенно меня радует, что соната и опера сделаны очень профессионально, ровно и интересны по музыке. Раньше у меня такой ровности и крепкости не было» (май 1986).

«Уважаемый Геннадий Владимирович, извините, - писал Борис в следующем письме, – что стал редко писать, но в душе и в мыслях я постоянно с вами... Может, я сейчас чрезмерно ударился в профессионализм, но для меня это необходимая ступень, ибо я понял, что без профессионализма нельзя воплотить те духовные ценности, которые вы передо мной открыли. Высокому содержанию нужна адекватная форма» (ноябрь 1987).

Хрупкая и сильная одновременно Лилия Королева. Молчаливая и, в то же время, о многом говорящая своим молчанием. Целая тетрадь стихов Лилии хранится в моем архиве.

«Письмо ваше мне очень дорого, – писала она. – Получила его давно и молчу. Не сердитесь, может быть, из благодарности молчу. Наверное, еще бы молчала, если бы не было в нем боли такой. По приезде от вас из Суток Игорь (Гельман) мне рассказывал совсем другое, как-то светлее, легче. Хорошо бы, все это было не так глубоко и безысходно...»

Живу сложно, но движение мое все в ту же сторону. Я очень укрепилась во всем, что было заложено и желаемо, но могло не возникнуть, растеряться... Письмо читали Игорь и Люба (вы ее помните). У нее внешне неплохо, но внутри все как-то растерзано. За нее страшно» (июль 1986).

Поэт, композитор и исполнитель своих песен Игорь Гельман. Вспоминаю его приезд в Сутоки и нашу задушевную, от сердца к сердцу, беседу. Через год Игорь прислал письмо:

«Здравствуйте, дорогой отец Геннадий!.. У меня, хотя и с большим скрипом, но дела идут и складываются таким образом, что через месяц мне предоставят работу уже не в Камерном хоре, а самостоятельно в качестве барда. Было выступление по телевидению, это 55 минут разговора со зрителем – исполнение своих песен. Но есть уже новые стихи и новые песни... В присланной записи песен обратите внимание на песни с музыкальным (помимо гитары) сопровождением и среди них – на молитву Сергию Радонежскому (стихи В. Светлосанова). Эту песню-молитву примите от нас как некое вам посвящение. И вы не забывайте нас в своих молитвах. Может быть, вас, Геннадий Владимирович, найдет Владимир Юдинов⁵⁸. Он бард, с очень трудной судьбой. Это настоящий поэт. Найдите время выслушать его песни. Лучшего я ничего не знаю» (март 1987).

Олег Лысковым. Вместе с ним я несколько лет работал на вычислительном центре. Но только через три года после отъезда из Новосибирска я получил от него первое письмо.

«Много времени прошло с тех пор, как мы с тобой виделись в последний раз, – писал Олег. – И сейчас совет твой мне крайне необходим. Со всей очевидностью и безотлагательно передо мной встал вопрос: что делать?... Есть у меня мысль – принять крещение, может быть даже пойти служить в церковь, чтобы потом поступить в духовную академию или семинарию (заочно) и стать богословом. С другой же стороны, есть и желание посвятить себя науке, в частности, психологии... Хотелось бы настоящей творческой работы...» (декабрь 1986).

«Нежданная весть особенно радует, – отвечал я Олегу. – Рад был твоему письму, как подарку к Новому году. Пользуясь случаем, и тебя поздравляю с этой знаменательной датой в жизни каждого человека. Прожитый год – это год нового опыта жизни, год истинной школы каждого, листы той толстой книги, которую мы, хотя и неизменно прочитываем по листу в день, но делаем это крайне невнимательно, крайне поверхностно. И, как правило, мало что понимаем из прочитанного. Того же, кто действительно умеет читать хотя бы книгу своей жизни, можно поздравить с еще одним неспешно прочитанным томом. Как-то так получилось, что мы расстались с тобой, руки не пожав. Но тем значительнее встреча через время и расстояние. Они свежи в моей памяти – наши встречи. Будем надеяться, что к нашим письмам прибавится и возможность нового общения. Мало ли, вдруг ты будешь в Москве – до Калинина рукой подать... Работа человека, конечно же, накладывает на него свой отпечаток. И прекрасно, когда дело, которому он отдает все свое время, совпадает с его духовными поисками. Тогда и результат может быть максимально полезным. Я намеренно говорю «полезным», а не положительным, поскольку и тяжелая, неустроенная жизнь, отрицательные факторы ее воздействия на человека очень часто дают ему больший заряд для роста души, для раскрытия сознания, чем жизнь «благополучная», как теперь ее понимают. Если жизнь не совсем уж случайная вещь, то все, что в ней происходит у человека, нужно суметь использовать во благо Духа. Именно все, что происходит. Конечно же, если необходимо, то эти условия жизни целесообразно и вовремя изменить для ускорения роста Духа, для его раскрепощения. Все это применимо и к государству, которое должно обновляться, если желает процветать, постоянно творить самой себя руками образующих это государство людей. Это и происходит у нас сейчас – обновление условий для возрождения зачахшего духа народа, пробуждение его творческого потенциала по всем координатам его земного существования. Что же делать тебе? Возникновение этого вопроса в сердце – уже импульс к обновлению, внутренняя потребность перемен.

Теперь нужно выявлять эту потребность наружу. По мере осознания своих духовных потребностей – появятся и средства их реализации. Внутренние причины дадут начала внешним условиям для нужных следствий. Но, с этих позиций, совсем не обязательно тебе идти в церковь, совсем не обязательно поступать в университет. Сегодняшний университет ничего не даст тебе нового в психологии, но отнимет массу нужного времени. И сегодняшняя церковь, с ее проблемами и противоречиями, не поможет цветку твоей души распуститься, а только вновь превратит бабочку в кокон. Кроме того, поступление в церковь серьезно отразится не только на твоей жизни, но и на жизни твоей семьи – жены и детей. Но готовы ли они к таким метаморфозам? Если такой готовности нет, разрушение семьи почти неизбежно. Да и вхождение в церковь, как я уже писал тебе, – очень трудный процесс, психологически болезненный, который, к тому же, может растянуться на многие годы. А это – финансовые затруднения и жизненная неустроенность. Был бы ты один – другое дело.

Конечно, начавшиеся перемены в жизни страны, если они закрепятся и начнут развиваться, затронут и науку, и религию, в плане их большей свободы и творческой деятельности. Но это, право же, не так скоро. Даже сегодняшнее обновление в стране не для всех будет таким обновлением, а лишь для тех, кто к такому обновлению подготовлен, внутренне его жаждет, внешне видит пути к нему.

Предвижу, что старое и привычное, имея пока массовое превосходство, постарается малые зерна нового завернуть в свои старые тряпки и записать, нацепив сверху какой-нибудь аленький цветочек или ярлычок, чтобы можно было говорить: да вот же оно, новое, вы что – не видите? Что внутренняя жажда обновления у тебя есть – это очевидно. Необходимо теперь найти пути к нему, исходя именно из тех условий, в которых ты находишься. Чтобы нам сделать первый шаг в этом направлении, проанализируй в тишине вечера или раннего утра – почему вдруг так остро возник перед тобой вопрос: что делать? Попробуем в этом разобраться...» (декабрь 1986).

«Благодарю тебя за обстоятельный рассказ о себе, – отвечал Олег. – Твое предложение о сотрудничестве я принимаю с радостью... Хочу тебе сказать, что наша церковь (здание) скоро примет более величественный вид. Стены уже выложены кирпичом, купола подняты, помещение расширено... Ты писал мне в письме, что, когда пошел в церковь, многое прояснилось, многое утвердилось, многое и отпало как несущественное, временное. Очень бы хотелось, чтобы ты расширил эту мысль... Недавно прочитал в «Новом мире» «Плаху» Айтматова, всколыхнувшую общественное мнение. Роман мне очень понравился именно своей трактовкой того, что Прогресс человечества идет только через Плаху или Жертвенник, через Распятие самых лучших людей. И нет другого пути» (январь 1987).

«Великое спасибо, что познакомил меня с Володей Слободанюком, – писал Олег в следующем письме. – Лучшего знакомства я и не мыслил. Он во многом помог. Мне стало легче дышать. Хочу поделиться с тобой радостью – я крестился. Сейчас на мир смотрю другими глазами...» (октябрь 1987).

Александр Черепанов из Красноярска – моя последующая боль и печаль в связи с его тяжелой болезнью.

«После разговора с вами по телефону, – писал он мне, – решил я более свободно рассмотреть сопровождение хора. Вы увидите, что основные добавления связаны с возможностью усиления контраста и наполнения фактуры произведения...

В партитуре «Человек» получилась наибольшая переработка материала. Над партитурой «Дозора» нужно подумать, и хотел бы посоветоваться с вами и Борисом Лисицыным... 18 апреля в концерт включу «Сострадание», а 25 апреля на Празднике хоровой музыки – весь свой новый цикл...» (апрель 1982).

«Получил ваше письмо. Оно родило новые замыслы и побудило к движению намеченное. Во-первых, вплотную нужно заняться составлением композиции «Мир». Думаю и надеюсь на ваше участие в этой работе. Хотелось бы, чтобы во всем, в том числе и в музыке, был выдержан единый и современный стиль, понимающие темы... Пьесу Н. К. Рериха «Милосердие» мы с женой чита-

ли вместе. Это высокая, наполненная большой духовной силой и огромным человеколюбием пьеса. Поставить ее – ответственная задача...» (июнь 1983).

Александр Ибрагимов и его жена Анна из Кемерово. Поэт и художница. Мои многолетние друзья. Саша, как всегда, в поэтической форме писал мне в Новокузнецк:

Брат мой – Зеркало Звезд,
Тяжко тропкой смиренной
Проносить во весь рост
Отраженье Вселенной.
Брат мой – Солнечный Луч,
Породниться с подножьем
Ты спешишь из-за туч
Откровением Божьим.

«Спасибо за поминание твое, – писала Анна, – как помогает оно. И нынче – особенно в феврале, и прежде, и всегда. Очень зовет душа к творчеству, сотрудничеству. Хочу попробовать писание икон (при реставрации Храмов). Верю во встречу. Помню вашу квартиру в Новосибирске – заботу, сердечность. И вершины берез в парке, летящие в Небеса...» (март 1988).

Мария Сербегешева с алтайских предгорий, директор Дома культуры. Вспомнился мне такой вот случай из нашего общения.

Церковь в Новокузнецке, где я проходил алтарно-клиросное послушание, была совсем близко от вокзала. И Мария, проживая с матерью в городе Мыски, недалеко от Новокузнецка, по большим христианским праздникам иногда сопровождала мать в церковь.

До этого же я пересекался с Марией лишь на семинарах по делам культуры в Новосибирске и обменивался письмами.

И сейчас проездом из дома в Новосибирск, Мария, зная уже о смене декораций в репертуаре моей жизни, зашла в Храм именно посмотреть на культуротрабника, подавшегося в церковь. Она застала меня в Храме после вечерней службы, и мы сразу же прошли на вокзал, поскольку до прохождения ее поезда через Новокузнецк оставалось минут двадцать-тридцать. Мария, внимательно приглядываясь ко мне, не скрывала своей иронии по поводу моего серьезного отношения к церкви. На перроне почти не было никого. И свет яркого прожектора, светившего вдоль перрона, выхватывал лишь

две наши фигуры из темноты зимнего вечера. Снежная крупа волнами неслась вдоль рельс. И эта резкая полоса света вдоль убегающих вдаль железнодорожных рельс, полупустой вокзал и пронизывающий холод сразу напомнили мне пересыльные этапы моей эковской жизни. И шпалы, шпалы поперек рельс – в свете прожектора дыбились шипами колючей проволоки. Этот пейзаж и нахлынувшие воспоминания мешали мне говорить с Марией, мешали логично обосновать свою мысль так, чтобы ей, светской даме, было понятно, почему я, оставив мирскую жизнь, сижу теперь здесь, в этой церкви, хожу в черном подряснике каким-то там послушником.

– У тебя так хорошо шли дела. Ты же был перспективным культурным работником. Что на тебя нашло? – не понимала и не принимала она моих объяснений.

– Давай, отойдем в сторону от света, – предложил я. – Что мы встали на самой дороге.

– Какая дорога – два человека на всем перроне.

Ей нравился этот свет в темноте. Она и вставала-то так, чтобы видеть освещенным мое растерянное лицо. Так ей и удобнее было разглядывать меня бородатого – знакомого и незнакомого одновременно. Я был уже и не рад, что пошел на вокзал – хватило бы и двух-трех слов, переброшенных в Храме. И потом – этот свет вдоль перрона.

– Насколько я знаю, ты же занимаешься Рерихом. Но это же наука, культура. При чем здесь церковь? – допытывалась она.

Вылетев из темноты, змеиный силуэт вагонов уже стоял у вокзала, изрыгая из своей пасти протяжный свист и клубы терпкого пара.

– Садись, Мария, пора уже, – поторопил я, стараясь как можно быстрее прекратить эту нашу ирреальную встречу.

Она уехала. А я побрел по темной улице к своему временному пристанищу. Было тоскливо на душе, и пусто...

Вскоре я получил от Марии письмо.

«Правильно ты заметила, – писал я в ответ, – что «все течет, все изменяется». И я пишу тебе это письмо не сегодняшней, а завтрашней, когда изменится и то, чем полна ты сегодня. Я не судья тебе. Я лишь странник, встретивший в долине тебя и позвавший в горы. Ну что же, каждому дается чуть выше его сознания. В том-то и задача – понять и принять... Моя единственная просьба к тебе – не рви письма. Сложи все, что я посылал, в один пакет, оберни плотной бумагой, завяжи туго верев-

кой и спрячь в дальний угол чулана, где веники и дрова. И пусть лежит этот пакет и год, и два, и три – до тех пор, пока вдруг «переменится» твоя жизнь – и подтолкнет тебя к словам, к тебе обращенным, к душе, думающей о тебе, к тому потоку чувств, который изливался на тебя, звал и надеялся. Почему я надеялся, потому что видел некоторые качества самостоятельности в тебе, оригинальности, независимости и поиска, высшего поиска. Но, увы, как ни тяжелы утраты, они неизбежны. Не каждое зерно прорастает. Еще меньшее количество их дает цветок, радующий и небо, и землю, и склоненное над ним лицо. И все же – не как я хочу, но как ты. Пойми меня правильно. Я не привязан ни к чему земному и могу от всего земного отказать. Не всегда, правда, легко и без сожалений. Разрушение же надежд и разочарования особенно тягостны. Но, тем не менее, и они проходят – «все течет». И только Господь всегда со мной – и в радости, и в печали. Вечно юный, вечно светлый, понимающий и прощающий. И зовущий» (декабрь 1983).

Где-то сейчас стучат каблучки Марии. За семь месяцев моего послушничества мать Марии, приезжая в церковь Новокузнецка, не раз беседовала со мной, и пеняла дочери, что нельзя так насмешливо относиться к батюшке Геннадию, как она меня называла.

В отличие от дочери, она была верующим человеком, обладающим присущим пожилым людям даром предвидения. У своей Марии она предсказала рождение сына – и родился сын. У жены сына предсказала рождение дочери – и родилась дочь. Подтверждая предсказания старицы с посохом, и она заметила мне перед отъездом в Калинин:

- Большая неприятность будет у вас, батюшка, куда едете.
- Но, может быть, мне не ехать в таком случае?
- Это вы сами решайте. Здесь я ничего сказать не могу.

Одной своей знакомой и ее мужу мать Марии посоветовала не переезжать в другой город. «Разойдетесь там, не будете вместе жить, вернетесь сюда», – говорила она им. Молодые уехали и через четыре месяца, действительно, разошлись. Еще через несколько месяцев они примирились и стали думать о возвращении на родину.

В связи с Новокузнецком, вспомнился мне интересный случай во дворе Михайло-Архангельской церкви. Как-то после Божественной литургии, закончив приборку в алтаре, я последним вышел из церк-

ви. Церковь имела довольно обширный двор, обнесенный высоким каменным забором с широкими железными воротами и дверью в них. В этот раз во дворе было пустынно. И только две женщины гонялись из угла в угол двора за своей «болящей» сестрой, которая вырывалась от них и с криками убегала.

Отчаявшись, они с последней надеждой обратились ко мне:

– Батюшка, ну что же делать? Не идет и все со двора.

Иногда их сестру приходилось насильно почти выносить за ворота церкви двум-трем мужчинам. И сейчас с расширенными глазами и только ей ведомым взглядом она вдруг направилась прямо ко мне. В руках у нее была невесть откуда взявшаяся грязная и помятая мужская шляпа. Было ясно, что у женщины возникло желание надеть эту шляпу на мою голову. И когда она совсем близко подошла ко мне, я, как-то интуитивно, спокойно и без слов перехватил ее руку, направленную к моей голове, – и взял шляпу. Так же спокойно повернул ее от себя – и взял под руку. И вдруг она, молча и совершенно не сопротивляясь, прошла со мной через двор к воротам и вышла с территории церкви. Выскочив вслед за своей безумной сестрой и прикрыв за собой железную дверь, обе женщины не менее отчаянно, нежели их сестра, стали благодарить меня за помощь.

– Спаси вас, Господи, сестры. Идите с миром, – ответил я и незаметно перекрестил их, хотя, как всего лишь алтарник, не имел на это церковного права.

Интересное письмо прислал мне в свое время писатель, философ и поэт Юрий Владимирович Линник по поводу моего трепетного отношения как к Живой Этике, так и к Богослужению в православной церкви. Юрий Владимирович считал, что в такого рода синтезе есть элемент некоторой теоретической несовместимости.

«Синтез – не просто суммирование, – писал он, – в нем всегда есть неожиданность. И поворот в вашей духовной эволюции является неожиданным... Очевидно, у вас синтез произошел на эмоциональном уровне прежде всего – для вас нет диссонанса между двумя традициями, вы их воспринимаете в контрапункте. Это органично для вас. Но это не значит, что вы решили теоретические противоречия и антиномии, неминуемые здесь. Я уверен, что эти противоречия разрешимы в многомерном пространстве нового расширенного сознания – и работа в этом направлении очень важна... Вы мыслите диалогично, – продолжал

Юрий Владимирович по поводу белых стихов, звучащих иногда в моем сознании и направляющих мою жизнь. – Что ж, видимо, возможна и такая форма коммуникации с иными уровнями Бытия. Это тонкая и ненавязчивая форма, очень педагогичная, я бы сказал. Ведь вы работаете без претензий, – и поэтому то, что вы делаете, привлекает своей чистотой и искренностью. Отсюда и новизна формы. Высокие ноты вы умеете гибко переплести с реалиями жизни, с документальными подробностями биографии... Все принято с интересом, многое в унисон. Успехов вам на трагически трудных путях синтеза...» (июнь 1984).

Памятны и новосибирские встречи с располагающим к себе детским писателем Юрием Магалифом и удивительно утонченной поэтессой Елизаветой Стюарт.

«Дорогой отец Геннадий! – писал Юрий Михайлович, – Невозможно передать, как обрадовался я, увидев ваш портрет в «Собеседнике». Вряд ли вы вспомните меня, однако я вас помню прекрасно. Помню вашу поразительно красивую супругу и ваших детей. Помню ваше доверие ко мне, когда вы дали мне для прочтения рукопись «Зоны»... Досажую, что ваши дети сейчас почти взрослые, иначе я прислал бы вам новую, великолепно изданную книгу сказок... Не знаю, дойдет ли мое письмишко до вас, но не послать его не могу, ибо испытываю восторг от сознания, что вы живы, здоровы и (по виду) счастливы» (январь 1992).

В одном из стихотворений Елизаветы Стюарт мне встретились такие строчки:

*«Казалось бы, что в жизни мне осталось?
Лишь ласково проститься уходя...».*

В ответ у меня родились строчки, посвященные ей:

*А Жизнь, проказница, лукаво засмеялась:
Куда же вы уйдете от меня?
Ведь вы – мое бессмертное создание,
Как ветер снов и шепот звезд ночных,
Березы лист и слов очарованье,
И человека трепетный порыв.
Куда же вы уйдете от меня?
Со мной вы всюду – словно в небе звезды.*

И ваши грезы – лишь моя заря.
И песни ваши – лишь дождинок слезы.
От них – и грусть, и радость, и мечта.
От них – и свет, и белые одежды.
Куда же собрались вы – в никуда?
Так нет его – есть небеса Надежды.
Надежда листьев – снова прорости.
Дождя надежда – снова в небо взвиться.
Куда же вы торопитесь уйти?
В какое небо птицей устремиться?

Конечно, иногда, помимо приятных, приходили от моих друзей и весьма тягостные известия.

«А сейчас я расскажу вам, как близкие нам люди относятся к Учению Живой Этики, – сообщила жена Александра Черепанова в период его болезни. – Прежде всего мама. Об увлечении сына она знала давно, ее это очень беспокоило. Но ничего плохого не видела. А для себя вывела такое правило: не обязательно верить в Бога, главное – делать добро и на зло не отвечать злостью, а просто отойти от такого человека. Старший брат Саши очень категорично считает все это от первого слова до последнего безумием, а всех людей, которые занимаются Живой Этикой, с самого начала – сумасшедшими. И, наконец, мое отношение к Учению. Я верю в то, что все это так и есть, но принять для себя не могу. Видимо, у меня для этого просто не хватает ума. В результате, с мужем у нас нет полного взаимопонимания. О вас мне советуют вообще не упоминать. Книги по Учению убирать куда-нибудь подальше. Я не верю в то, что муж может уйти от Учения, но противостоять родственникам не могу. Буду стараться действовать с ними заодно...» (август 1983).

«В мое отсутствие жена стала рыться в моих письмах, – писал один из моих новосибирских друзей, – чтобы отыскать (как она объясняет) твой адрес. Найдя твое письмо еще новокузнецкой поры и, прочитав его, пришла в ярость (она ведь ничего о твоём переходе в церковь не знала) и разорвала четыре книги Живой Этики, чтобы я не заражал детей «религиозным дурманом». Некоторые из изъятых писем она читала затем перед моими и своими родителями, добиваясь твоего и моего осуждения ими...»

Наверное, то же было бы и со многими другими книгами и письмами, но сын меня предупредил – и я все наши материалы отнес к моему хорошему знакомому. Лучшие, наверное, развестись, чем так жить, когда не можешь ничего дома хранить, когда нет уверенности, что жена не нанесет удар ниже пояса, когда почти невозможно дома ни нужную книгу открыть, ни что-либо делать...» (сентябрь 1987).

«Так получилось, – писали мне из Новосибирска, – что письмо ваше в этот же день прочитала мать моей жены⁵⁹. Мы-то знаем друг друга 10 лет, а они-то вас не знают... И это письмо произвело впечатление (простите за литературный штамп) разорвавшейся бомбы. Мать жены – человек верующий, решила, что теперь я уйду от них и что, в связи с этим, судьба ее дочери, как и ее самой, разбита. Слезы и истерики довершились приступом аппендицита, открывшегося у меня. Меня увезли и прооперировали после бессонной ночи. Но этот-то аппендицит, наверное, и разрешил (отчасти, конечно) многие мои семейные проблемы...» (декабрь 1987).

«Твое последнее письмо пришло почему-то разорванное с двух сторон, – уведомлял Владимир Слободанюк, – так что содержимое свободно вынималось. Но все было в целостности и сохранности. На конверте была запись, что письмо поступило уже в таком виде на нашу почту...» (март 1988).

«В райисполкоме лежит на меня жалоба, – сообщал мой новосибирский корреспондент, – что врач занимается религией, и принято высочайшее повеление усилить антирелигиозное воспитание... Есть у меня мыслишка – побывать у вас в гостях, но пока – новыми нитками штопаю старые брюки...» (апрель 1988)

«Интересно сейчас перечитывать твои письма, – писал в следующий раз Володя Слободанюк, – вновь ощутить те годы, когда ты писал и работал со всеми нами. Увы, период яркого устремления у всех понемногу ослаб. И началось какое-то серое существование, наполненное только семейными делами и работой на производстве. Вообще, это видимо закон, что вначале все горят, а когда наступает период каждодневной и непростой ра-

боты и когда сразу не видны ее яркие результаты, происходит спад. Да и жертвовать мелкими семейными радостями мало кто желает...» (август 1988).

Сколько, оказывается, в мрачное российское время было рядом со мной света, тепла и радости, несмотря на крупницы печали.

Мое новосибирское семилетие (ноябрь 1976 – октябрь 1983) – это годы счастья, годы высочайшего сердечного взаимопонимания, вдохновения и творчества. Воистину, сквозь серую завесу быта земного я различал очертания грядущего.

Годами позже, будучи священником, я искал в Храмах такого же тепла и света в отношениях между людьми. И не нашел. Христос мыл ноги своим ученикам, снимая, тем самым, какие бы то ни было перегородки между Ним и ими. Но даже между священниками существует так называемая иерархия рукоположения, которая, практически, более значима, нежели иерархия воинских званий. Две души, между которыми ступени власти, редко могут образовать созвучную для них обоих мелодию общения или взаимопонимания – всяк сверчок знай свой шесток.

Да, есть в Храмах целование рук. И Имя Господа на устах. И молитвы истовые на коленях. Но почему не звучат сердца навстречу друг другу – это загадка. Конечно, священник – духовный врач для своих прихожан. Каждый входящий под своды церкви ждет от священника и, особенно, от своего духовника абсолютного к себе внимания и не только духовной помощи, но и физической поддержки, поскольку российский прихожанин – это не просто сытый и благоустроенный бургер, а, как правило, человек болящий, душевно не устроенный, надеющийся на исцеление по милости Божьей и по молитве о нем священника. Но почему же после не столь уж многолетнего истового устремления в Храмы в период начала перемен в России, когда почти каждый день приходилось крестить по несколько десятков человек, сегодня снова пустеют крестильни, и много меньше склоненных голов на исповеди? Не слишком ли благоденствуют священники, когда повсюду такой разор, нищета и неустроенность быта у простого люда?

Тропинок много у подножья горы, но вершина ее стоит одиноко.

Вся сумятица и борьба на просторах низин – лишь радуга Едино-го Луча Света в головах наших. Посмотрим на жизнь Иисуса Христа. В учениках у него и проститутки, и разбойники были, простолюдины и ученый люд, рыбаки и священники. Между собой, конечно же, не

знались они, но Христос-то всех их обнимал любовью своего Вселенского Сердца. Почему же мы не следуем за Учителем?

Может быть, поэтому, когда я, покинув Сибирь, связал свою жизнь с церковью, во мне прозвучало:

Дорога между скалами легла.
На скользких тропах будем осторожны.
Сменилось лето осенью и чаще
Идти придется под дождем. И ветер
Стараться будет уклонить с пути.

Через некоторое время после того, как меня перевели служить в собор Белая Троица, там появился 12-летний мальчик, страдающий аллергией. И то ему нельзя было есть, и другое – в любой момент могла возникнуть аллергическая реакция организма, а с ней и смертельный исход немногословного и симпатичного парня. Поэтому, видимо, и водили его в церковь – в надежде на выздоровление, поскольку врачи не могли кардинально помочь ему. Я стал наблюдать за ним, давать книги о церкви, о молитвах и богослужении. Думал, что из него получился бы неплохой послушник, а со временем – дьякон, а там, глядишь, и священник.

Еще через какое-то время он познакомил меня со своей матерью, также посещавшей Храм и стоявшей в нем где-нибудь в сторонке тихо и незаметно. Она оказалась умной женщиной, разведенной, художницей по профессии, знатоком русской литературы. Сама сочиняла стихи, относясь, однако, к этому с юмором и скептически.

Можно ли было нарочно придумать такую встречу? Как раз в это время я планировал дополнить графикой завершаемую мною повесть «Спаси себя сам» – семь или восемь рисунков существенно оживили бы книгу. Она могла бы помочь и достойно реализовать зарождавшуюся у меня уже в то время идею о повести, в которой рассказывалось бы о рериховцах и золотом для меня новосибирском периоде жизни. Это была бы книга о дорогих для меня людях, давших мне много не только духовных, но и просто житейски приятных лет общения с ними.

«Уже полтора года как служу я в Твери, в соборе Белая Троица, – писал я своему сокамернику и другу Олегу Сенину. – И все чаще и чаще вспоминаю твое стародавнее письмо, когда ты, будучи на послушании у владыки, понял суетность и тщету озолоченного православия. В этой связи я и хочу с тобой посоветоваться. Почти семь лет служения вдали от семьи – послушником, дья-

коном и священником – завершились моим разводом с Галей. Но пока мы живем совместно – съехались, наконец-то, чтобы развестись. Интересно, не правда ли? По православным канонам мне теперь следует принять монашество. Но смогу ли я быть достойным этого высокого послушания? Просто же числиться монахом я не хочу. С другой стороны, я так свыкся с церковью, что представляю с трудом, где и как я смогу быть, например, вне Храма, вне молитвы, вне Слова Божьего. Как развязать этот гордиев узел?...» (май 1990).

В июне 1990 года, наконец-то, я переехал в свою однокомнатную квартиру, перетащив туда свое единственное и для меня бесценное богатство – собрание книг по философии, религии, литературе, по интересующим меня отраслям науки и личный архив, благодаря которому и появилась в печати книга «Спаси себя сам» и завершаются «Письма странника», которые, возможно, и читает сейчас мой дорогой Друг, удобно устроившись в каком-нибудь укромном месте своей уютной квартиры. А в Храме, как и в любой, вероятно, церкви у нас на Руси, если батюшка два-три раза посидел на лавочке с одной и той же прихожанкой, то уж не о молитвах они говорят, – считают старушки, – а соблазняет она его, батюшку. А если молода, да лицом бела и пригожа, так – храни его Господи – креститься начнут, не переставая судачить. Обрывая все сплетни, через год после получения жилплощади, я зарегистрировал свой новый брак. И своей росписью в книге актов гражданского состояния я заведомо вычеркнул себя из лона церкви.

Письма 15. Исход

21 августа 1999.

Сейчас пили с сыном чай в честь 31-й годовщины ввода советских войск в Чехословакию и 8-летия со дня завершения неудавшегося коммунистического реванша в России.

Я закусывал хлебом с солью, Севочка – обычным печеньем. Но больше, конечно, он любит лимонные печенья. Тоже мне – гурман на блюдечке. И за этим чаем вдруг вспомнился мне приезд Игоря Калинина лет пять назад, когда, находясь по делам в Москве, он

прямо угодил на мой день рождения. Сверху что ли ему шепнул кто, но его появление оказалось весьма кстати. Был и Саша Зимин – возмужавший и немного поседевший. «А ты все такой же», – подытожил Саша к концу нашей нежданной для меня встречи. Приезжала с ними и Ирина Григорьевна Брыкина – научный сотрудник и математик Московского университета. И очередной раз я подумал – посылает же Господь в самое время нужных людей. Добросовестная и ответственная, она на протяжении наших последующих многолетних дружеских отношений реализовала все мои математические «капризы», связанные с компьютерным представлением системы координат для структурных чисел, которые все более и более занимали меня в то время. В день же их неожиданного приезда двухлетнему Севе особо запомнилась большая походная сумка Игоря, благодаря которой наша кухня сразу преобразилась – и дом принял действительно праздничные формы. Темная бутылка с красивой этикеткой разве не наряд на белом столе? А дорогая колбаса, изящно уложенная на тарелке? Ярко-красные же помидоры хорошо гармонировали с красным угловым диваном и желто-красным абажуром на нашей кухне. Темно-зеленые огурцы неплохо сочетались с золотистыми кругляшами жареной картошки. Получилось неплохое разноцветие для глаз и желудка.

Сегодня же после чая в честь знаменательных дат Севочка, как обычно, принялся «за дела» – продолжать писать трактат про кристаллов и небесных. Но прежде, конечно, он прочитал мне следующие три страницы из толстой книги «Почемучка». На этот раз попала ему тема про земные недра и добычу ископаемых.

Я же снова сел за стол и взялся за «гусиное перо». И просматривая свой архив, наткнулся на давнее письмо Игоря, в котором он рассуждал о женщинах. Ах, уж эта извечно смакуемая литературой тема – жены и мужа, любовника и любовницы, их треугольники и многогранники, эти постельные таинства между мужчиной и женщиной. Философия и религия, наука и искусство еще с ветхозаветных времен только и делают, что копыя ломают – как же спят или должны спать эти двое? Но посмотришь на жизнь семей, независимо от их богатства или бедности, вникнешь в круг разговоров, касающихся этой пикантной темы, и удивись примитиву и залежам мусора вокруг всего этого. Животные не поганят так данное им Богом наслаждение, как это делают люди своими исковерканными нравами, взаимными претензиями, глупость которых очевидна с самого их начала. Только дети могут еще чисто и свободно любить, держась

за ручки, по наивности возраста, по неведению реальной жизни. Отношения же между Карениным и Анной, например, не могли быть чистыми изначально. Анна неминуемо должна была перелезть, и перелезла, из постели стареющего мужа в постель молодого и полного сил любовника.

Я, вообще, умилился, как еще совсем недавно мужики серьезно откликнулись на ироническую шутку Игоря официально зарегистрировать в Думе фракцию или партию Рогоносцев. Был такой орден в средние века, правда, совсем по другому поводу. И почему так с любовью – семейные измены, скандалы, столкновения не на жизнь, а на смерть? И все же, несмотря на это, иногда вот такие стихи выползают из-под пера.

На столе догорает свеча.
Твой портрет на стене в полумраке.
Пью задумчиво терпкий свой чай.
Пар рисует какие-то знаки.
То волной заскользит вдоль стола.
То крадется к свече неумело.
А за блеклою кромкой окна
Снова холодно, сыро и серо.
Снова март сединой убелен.
А вчера уже думалось – лето.
Пар струится, струится как сон
К тайне талой свечи и портрета.
Я смотрю на портрет. В тишине
Грустный взгляд, скорбно сжатые губы.
Что-то шепчешь ты, кажется мне, –
Ах уж эти ночные причуды.
Тает воск у горящей свечи.
И мы тоже растаять боимся.
Ну, скажи что-нибудь... Не молчи...
Вот за чаем – давай примиримся.
И свечу я тебе подарю,
Хоть за окнами ветры распелись.
Что молчишь? – на портрет я смотрю. –
Спать пора, что-то мы засиделись.

Конечно же, прежде чем ввести в свой новый дом Марину, я узнавал – а были ли подобные случаи с батюшками, чтобы после развода, когда в наше время не только семьи, но и государства трещат по всем своим бетонированным швам, не в монашество шли священники, а снова женились? Были примеры, – поясняли мне священники, – если местный владыка давал согласие. Кроме того, –

еще раз размышлял я перед своим новым браком, – если принять монашество, то нужно будет перейти в монастырь, что остановит ряд моих начинаний, требующих завершения, притом начинаний, к которым официальная церковь, не вдаваясь в изучение темы, отнесется резко отрицательно. Отсюда и монастырское общежитие, где нет угла для одиночества, – не совсем подходило мне. Затворничество в скиту, вдали от людей, с Господом только – иное дело. Но эпоха таких скитаний, во всяком случае на Руси, миновала уже. Реально, меня устроило бы монашество в миру, в келье многоэтажки или где-то еще. Но это уже не совсем в лоне церкви, не совсем под ее неусыпным надзором.

– И вообще, – сказали бы мне, – эти уж, простите, ваши ереси нам не подходят.

Повлияло на мое решение о выходе из церкви и то, что довольно активно совершается около нее, когда повсеместно вера прихожан в «прозорливого» батюшку или «старчика» оказывалась не меньшая, а, может быть, даже большая, чем в животворящую силу Иисуса Христа, особенно, если такой старчик или старица были живы еще или пребывали рядом совсем, чтобы их можно было увидеть или, что лучше, – до них дотронуться. Тяжко было сознавать и то чрезмерное влияние, которое оказывают на прихожан всевозможные приметы, усматривание в житейских мелочах не иначе как «козней дьявола» или помощь самого Иисуса, – вместе образующих то многоцветие новоязычества, которое во всю расцветает в современной церкви. И складывается впечатление, что и сама-то Церковь Христова со всем ее Небесным Воинством нужна больше прихожанину не для стяжания с помощью Божьей благодати Преображения и Воскресения своего Духа со Христом и во Христе, а для чисто мирских утех – для решения проблем телесного здоровья и семейного благополучия. В этом, на мой взгляд, просматривается слабое место всей церковной проповеди в Храмах православной церкви, не сумевшей за десять веков своего государственного статуса поднять своих неофитов на Горние Высоты их Духовного Бытия на земле.

В том, что народ русский, еще недавно составляющий единую паству православной церкви, сегодня находится в таком жалком состоянии, униженном и телом, и духом, есть вина ее вчерашних и сегодняшних иерархов, приучивших своих прихожан к «тихому и безмолвному житию».

Предчувствуя ожидающие меня очередные перемены, я писал своему однокашнику по военному училищу:

«Рад был неожиданному письму твоему. Вспоминаются и мне давние годы курсантской романтики. Самое памятное и есть – лагеря да училище. Та же армия на пределе нервов и жесткости, если не сказать – жестокости жизни. Посмотрел я и на российский окрест во множестве ракурсов его проявлений. Что построили за 70 лет, непонятно и самим лидерам – общество без руля и ветрил, но с четко выраженными мафиозными структурами на всех уровнях управления государством. Вот уж, воистину, мировой опыт бесовства и безответственности, всеобщего грабежа и насилия. И это на русском-то народе такой вселенский эксперимент...

О себе могу сказать, что моя жизнь была и осталась интересной и многоплановой. Изредка, как сейчас вот, наваливается, правда, ощущение усталости. Все же тюрьмы и многолетние скитания оставили заметный след в душе и на теле. Сожаления нет, как и зла на кого бы то ни было. Видимо, жизнь моя такой должна быть, какой сложилась.

Конец ли пути? Не знаю пока – еще не вечер. Лет бы десять нужно позжить – оформить наработанное в книги. Две-три темы просятся на бумагу... Мои скитания подорвали и семейную жизнь. Да много всего...» (август 1991).

«Дела мои в церкви, прямо скажем, оставляют желать лучшего, – отвечал я на письмо своего сокамерника по Мордовии. – Прямолинейный характер мой совершенно непопустителен здесь. К тому же, женился, противореча церковным догматам. Так что, дорогой мой зэковский друг, дамоклов меч висит надо мной. И в любой момент может рухнуть на тонкую шею. Иди тогда на все четыре стороны. Но где теперь моя сторона? Кроме церковного богослужения, что я теперь умею делать и где, когда молодые и сильные подошвы рвут или безработными уже бродят по улицам. У меня же денег в запасе нет. Дачи, машины, земельного участка, на который можно было бы опереться, – тоже нет. Кооператив, малое предприятие, бизнес – это все не мои тропы. На что буду жить с женой и ребенком, которому лишь три месяца через шесть дней?... Воистину, на все воля Всевышнего...» (март 1992).

В июле, подготовив большую статью политического и религиозного содержания, я отправил ее члену государственной Думы священнику Глебу Якунину.

Кесарю кесарево, а Богово Богу.

Сегодня мы внимательно следим за ходом Конституционного суда над КПСС, за выступлениями сторон обвинения и защиты.

Лозунги, факты, дискуссии, но идея ясна – надгосударственная структура правящей Партии доживает, во всяком случае, законодательно, свое последнее лето.

Это был Артист, не оправдавший надежд.

Это было Слово, не воплощенное в дело. Это были «свобода, равенство и братство» лишь на кумаче знамен, но рабство, нищета, озлобление и растерянность народа – в каждодневности быта.

И все же – откуда эта неизбывная тоска по недалекому еще прошлому, когда лидеры были в силе, когда понятия Партия и Власть различались лишь в риторических оттенках?

Не от той ли это вознесенной до небес Купели с Ребенком, которого выплеснули вдруг вместе с грязным бельем, и теперь – сожаления и стенания об утрате, о кровотокающей голове, о прободенных ступнях и ладонях.

Не от того ли это еще, что утрачена почти и надежда на Воскресение и Вознесение так прочно когда-то созданного и так бесславно сегодня разваленного?

– Была тирания краше древнегреческой, сродни фашистской, – говорили одни.

– Но был порядок, – оппоненты в ответ. – Не было безработицы, межнациональных конфликтов, не было разбоя и падения нравов.

Действительно, в конце концов – и Луна отражает Свет.

На этой российской Луне возлежал же кто-то у Моря Изобилия. Они, разумеется, за Партию.

Против же те, кого носило, словно щепку в Океане Бурь.

Но если шире смотреть, то корни и стебель, листья и цветы этой проблемы сокрыты в измятых сапогами страницах летописей прошлого и, особенно, настоящего. Ясно, однако, что как «За», так и «Против» Партии и ее Режимы выступают на всех уровнях представителей народа – от борозды и станка до отдельного кабинета.

Что же можно высветить за 70 минувших лет хотя бы о том, что кесарево, а что Божье в истории многострадальной России.

Самое интересное здесь то, что коммунистические вожди неуклонно и настойчиво призывали народ строго следовать «Моральному кодексу строителя коммунизма».

И задрав головы, мы читали звонкие слова Воззваний:

– Высокое сознание долга и гуманные отношения.

– Честность и правдивость.

– Нравственная чистота, простота и скромность.

На знаменах у материалистов до мозга костей – нравственность и коммунизм.

Не из Чаши ли Причащения Христова эти понятия?

Несомненно. От церкви, которой на Руси уже 10 веков и которую коммунисты безжалостно третировали, унижали, вытирали об нее ноги. Георгий Федоров, член РСДРП, затем профессор православного богословия в Париже, в свое время писал:

«Благодаря славянской Литургии и славянскому Евангелию, образ Христа и заповеди Его любви глубоко врезались в память и сердце русского народа.

Греша и падая в своей жестокой кровавой истории, русский народ не мог расстаться с этим Божественным образом.

Он согрел его жизнь, смягчал человеческие отношения жалостью и прощением, уча видеть в бедном и страдающем не только брата, но и самого Христа, томя сердце жаждой иной, светлой жизни, в полноте осуществляющей заветы братской любви».

Отчасти у нас по этой жизни и скорбь, которую мы не сегодня, так вот-вот завтра стремились построить.

И вдруг – рухнуло все, обвалилась гора – и только «пыль, пыль, пыль от шагающих сапог».

И нет просвета даже в завтрашний день – лишь уныние и испуг.

Объективно же, в 1917 мы упали в бездны, в которых сам народ был и молотом и наковальней, палачом и жертвой одновременно – во Имя «светлого» далёко.

Казалось тогда, что это и не падение вовсе, а подъем.

Казалось, что это не глухая стена, а окно, распахнутое от тьмы к Свету. Этакая Благодать голубого миража, который так близок, что протяни руку и вот оно – счастье в ладонях.

Однако этот отрицательный опыт нашей суровой российской истории несет в себе и положительное зерно, если его вовремя разглядеть во тьме иллюзий.

Опыт же страданий для человека и общества особенно важен – лишь преодолевший болезнь поймет болящего. Да и не была ли Россия, по образу Божию, умерщвлена во плоти, чтобы воскреснуть в Духе? Кажется так. И такое Воскресение для России возможно.

Оно вероятно хотя бы потому, что мы, униженные и оскорбленные, уже готовы простить своих палачей, бывших и настоящих.

Готовы сегодня же открыть ворота тюрьмы для ГэКаЧеПистов, не интересуясь особо, а что же это такое жареное они хотели уготвить нам? Главное, что сейчас-то они в беде, в неволе.

А на Руси – испокон веку к этапным людям в кандалах жалость в сердцах, и всегда к ним навстречу – даже последняя краюха хлеба.

И это:

- несмотря на засилье залихватского материализма по всей стране;

- несмотря на разливанное море классового, а теперь и национального эгоизма и ненависти;

- несмотря на семидесятилетнее желание властей предержавших растворить личность в партийном и классовом коллективе;

- несмотря на весь этот дикий пейзаж, от которого сердце болит за русский народ, за его не столь отдаленное прошлое, за его сумбурное и жестокое настоящее.

С позиций христианской этики понятно и не шибкое устремление россиян к слишком уж зажиточному единоличному завтра – среднего достатка община нам милее и ближе:

- вспомним монастырский уклад;

- вспомним сельский мир, в свое время являющийся убежищем и защитником для крестьянина;

- вспомним и барщину, предтечу колхозов и совхозов;

- и крутые меры «варварской» экономики не для наших долин.

Русь училась жить у апостолов Христовых.

У множества уверовавших было одно сердце и одна душа.

И никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее.

Именно так и было у коммунистов в их революционное половодье: продразверстка, карточная система, всеобщая трудовая повинность, уравниловка в оплате труда.

Народ согнулся, но принял сосуд с терпким напитком – для Царствия Обетованного чего не стерпишь.

Вся же разница в том, что
у апостолов Христа – коммунизм любви,
у неопостолов – получился коммунизм террора.

Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться, – учил Иисус. – Душа не больше ли пищи, а тело – одежды?».

И на этой волне россияне в ватниках и зипунах, подтянув потуже ремни, устремлялись по слову вождей на ненужную теперь целину и на позабытый сегодня БАМ, на новостройки ближнего или дальнего севера.

Но Христос в своих Белых Одеждах призывал нас, не заботясь о брэнном, смело вослед за Ним идти навстречу грядущей жизни в Царствии Божием.

Нас же с окровавленным стягом в руках батогами и плетьюми безжалостно загоняли в «светлое завтра» земного царствия. Забыв о хлебе насущном на каждый день, мы заведомо строили башню бесхозяйственности и разрухи.

А ведь российские монастыри на основе самодисциплины и экономической сметливости давали яркий пример действительной коммунистической и христианской жизни.

Но кого интересовали монастыри в то «новое» время, разве только, чтобы сжечь их, осквернить, опохабить, а монахов и монахинь этих – в лагерь, еще лучше – к стенке.

Низложил властителей с престолов и возвысил смиренных; алчущих преисполнил благ; и богатых отослал ни с чем.

Не этим ли положением Евангелия руководствовались члены ВКП(б) и ВЧК, шагнувшие во врата Террора, в пылу которого как-то и позабыли «возвысить смиренных и алчущих преисполнить благ».

Так уж случилось, что и Церковь поставила себя под обойму красного террора.

В древней же Руси положение Церкви было очень высоким.

Священнодействия, проповедь, посты, молитвы, затворничество, старчество, ходатайство за бедных и обиженных, обличение всякой неправды – вот основные задачи древнерусских иноков.

Монастырское делание Сергия Радонежского и его школы – целая эпоха в христианском бытии России, как и молитвенный подвиг Серафима Саровского и его последователей.

Полна была Русь благодатью подвижников православных. За ними – плеяда народных героев и вождей, живших по Учению Иисуса в жалости и милосердии, в любви и братстве. Все это были – Зерна Света и Вселенские Звезды на просторах Руси.

Но уже с XVI столетия под воздействием эпохи Возрождения и Реформации Религия постепенно начала утрачивать свою социальную значимость. Государство, экономика и наука шаг за шагом становились сферами влияния уже не религиозных, а мирских сил.

Еще век – и капитализм победно вступил в свои права, не встретив со стороны христианской церкви серьезных этических преград или ограничений.

Кроме того, сама церковь, под воздействием все более и более жиреющего мира, начинала приобщаться к вкусному пирогу, усматривая в богатстве Божий промысел, а в бедности – наказание Господне за лень и пороки слабого в брэнности своей человека:

Ибо каждому имеющему будет дано, и у него будет изобилие, а у не имеющего будет взято то, что имеет, – читаем у Матфея.

Прекратив обличение богатства, церковь стала усиливать проповедь послушания и покорности, обращенную к пастве:

Послушание лучше жертвы и повинование лучше тука оводов. Ибо непокорность есть такой грех, что волшебство, и противление то же, что идолопоклонство, – говорится еще в 1-й книге Царств.

Наконец и в России, особенно после Петра, подчинившего церковь государству, высшие классы общества, дворянство и буржуазия поручили церкви защиту своих привилегий и прав.

«Новый стиль христианства, – писал Федоров, – был изменой древним и средневековым его традициям...

Крушение сперва аристократического, потом капиталистического строя, застало церковь в лагере привилегированных, обorongяющихся и побеждаемых классов. Отсюда ненависть масс – особенно рабочих – к церкви и Христианству в целом ряде стран».

И если Французская революция проходила только под знаком антихристианства, то Октябрьский переворот в России вел уже открытую войну с церковью, как с идеологом этой самой буржуазии.

И что же – большевики вели эту войну за первозданную чистоту православия? Отнюдь.

70 лет атеизма показали нам, что Учение Иисуса Христа, если и вдохновляло большевиков, то где-то подсознательно, почти незримо. Они шли в революцию от утопий Сен-Симона и Фурье, Жорж Санд и Жан Жака Руссо, Герцена, Чернышевского и Плеханова.

Бердяев был уже не их человек, тем более – Соловьев.

Иконой для большевиков стало «святое» Евангелие от Маркса, которое изуродовало христианские идеи в умах экзальтированной и революционно настроенной русской интеллигенции.

В свою очередь и церковь, заплатив тяжкую дань (разрушение Храмов, уничтожение священников и монахов), смиренно склонилась перед жестокостью власти государства-зверя, чтобы получить взамен «относительное» благополучие в новых условиях своего существования.

«Отделенная от государства», под неусыпным зловещим оком его, церковь сумела устоять, сохраниться, хотя бы униженно и оскорбленно, но выжить.

Но сумела ли она при этом изменить значение своей проповеди в духе первохристиан? Не мне судить.

Но совершенно очевидно, что

сегодня Россия пала и Государством, и Церковью.

В этих условиях у Церкви и Государства есть только один выход из двойственности и неопределенности своего статусного положения – после взаимного покаяния и прощения вместе строить новое здание обновленной России, чтобы, возведя Купол и Крест над ним, можно было бы сказать вслед за Иоанном Богословом:

И увидел я Небо новое (Церковь) и землю новую (Государство); ибо прежнее небо и прежняя земля ушли.

Но где же взять кирпичи для новой стройки?

– В той же России, в сокрытом до времени духе народном.

– В его внутренней праведности и чистоте, несмотря на века лихолетий.

– В его устремленности ко Христу и Вселенскому Свету.

– В его сокровенном желании встать с колен и идти свободно.
Замешанная на страдании глина особенно прочна.

И омытые слезами окна не исказят льющийся в них солнечный свет. Пережитое же сердцем – становится знанием.

Но кесарю – кесарево, а Божие – Богу.

Несомненно, что дела экономики, не вероломной, как сегодня, а достойной, принадлежат государству. И первым лозунгом на этом пути могли бы стать слова Василия Великого:

Голодному принадлежит хлеб, который ты удерживаешь; нагому плащ, который ты хранишь в сундуке; босому обувь, которая гниет у тебя; нуждающемуся серебро, которое ты зарыл. Скольким людям ты можешь дать, и скольких ты обижаешь.

Не западный капитализм ждет Россию, а самобытное и эффективное хозяйствование, основы которого заложены в глубине ее истории. Хозяйствование справедливое, а главное – милосердное и милостивое, по слову Иоанна Златоуста:

Не говори: свое трачу, своим наслаждаюсь. Нет, не своим, а чужим... Эти имущества не принадлежат тебе. Они принадлежат обща тебе и ближним, как солнце, воздух, земля и все остальное.

Государству принадлежит защита отечества от насилия и разбоя, разрушений и войн, которым не видно еще конца.

Но власть над Духом – владения Господа. И должна быть в руках тех, кто поклоняется Отцу в Духе и Истине, для кого мир, данный ему Богом, не удобное развлечение, а Долг и Служение.

Под куполом же Российского Храма должны быть колонны, как омытые чистотой помыслов и сиянием любви, так и озвученные свободной мыслью и раскрепощенным духовным творчеством находящихся в Храме.

Этот Кристалл Сердца и Разума народа следует, наконец-то, очистить от густых наслоений насилия, стяжательства и эгоизма.

Не топорный коммунизм и не капитализм западного образца, а свободное и самобытное братство на российских просторах.

И задача церкви – это Братство народа со Христом и во Христе духовно образовать.

Да минуют нас черные рифы на Пути к России святой,
к России чистой, к России праведной.

О праведности и чистоте тоска россиян.

Эта тоска должна озарить и сердца тех, у кого,

с одной стороны – Сила и Власть,
с другой – Любовь и Молитва.

Дойдем до Храма.

20 июля 1992.

14 августа 1992 г. епископ Тверской и Кашинский Виктор в своем Указе вынес следующее определение:

«... Содеянное держал до последнего времени в тайне и продолжал исполнять пастырские обязанности.

По понятным причинам бракоблагословения перед заключением повторного брака Гаврилов не получал и во втором браке состоит невенчанным.

Ответственность определяется 6-м Правилom 6-го Вселенского Собора: Отныне ни иподиакон, ни диакон, ни пресвитер не имеет позволения по совершении над ними рукоположения вступати в брачное сожителство: още же дерзнет сие учинити да будет извержен; 1-м Правилom Неокесарийского собора: пресвитер, още оженится, да извержен будет от своего чина.

На основании вышеизложенного священник Гаврилов Геннадий Владимирович – лишается священного сана».

Так, не XVII даже, а IV и VII века (315 и 653 годы), когда проходили эти Соборы, причудливо переплелись с многотрудным современным XX веком.

Неугомонных дней круговорот.
И быстротечных мыслей наважденье.
Часов настенных монотонный ход.
И в каждом шаге – вера и сомненье.
То частые, то редкие шаги
Часов печальных где-то с сердцем рядом –
То стихнут вдруг за простыней реки,
То громко застучат за мерзлым садом.
И циферблат луны в окне дрожит.
И хлопья снега как секунд движенье.
А мыслей ручеек – бежит, бежит...
И в пальцах рук – и вера, и сомненье...

Конечно же, не так уж и тайно все было, как пишет в своем указе епископ. Все же меня тяготило правомерно содеянное.

Как-то еще до этого Указа, после совершения литургии и проповеди перед прихожанами, после отпевания усопших православных христиан и молебна о здравии присутствующих, когда стало свободно в церкви и лишь догорающие свечи напоминали о только что совершаемых здесь молитвах, я подошел к уважаемому мною священнику и мы отошли с ним к церковной ограде. В приватной беседе я поведал ему о совершившемся со мной, о своем, с точки зрения церкви, «незаконном» браке. И просил совета.

– Конечно, если владыка узнает, – попытожил он наш непростой уединенный диалог, – если узнает, то, возможно, лишит сана.

– Как вы, батюшка, решите, так и сделаем, – подбодрил я его.

Задумчиво помолчав немного, он неторопливо добавил:

– Сделаем так. Ты мне не говорил ничего. А там видно будет. Такие случаи бывали в других епархиях, но, опять же, все решал местный владыка.

Некоторое время спустя подобный разговор был у меня еще с одним священнослужителем, и тот сказал мне, что помолчит пока.

Но где знают двое, там знают все.

И в походящее время Указ от 14 августа не замедлил появиться.

И все же хочется сказать несколько слов в свою защиту.

Лишая меня сана:

– Церковь не пожелала учесть, что ее представитель вынес на своих плечах тяготы жизни, достойные именно Церкви.

– Церковь не пожелала учесть, что через эти земные тернии и пришел к Храму тот, кого она отринула. Пришел именно в то время, когда подходить-то к ее вратам было опасно.

– Церковь не учла, что освященный церковью брак священника распался потому, что, будучи мирянином, он оставил не только мир, но и семью ради Евангелия, и постучался в ворота Храма.

– Церковь ничего не сделала для того, чтобы сохранить распадающийся брак священника, который по этому поводу неоднократно обращался к ней за помощью в его неординарной для церкви ситуации:

Уважаемый Отец, – писал я в Кимры своему благочинному протоиерею Иоанну Басюку, – я хотел бы быть понятым правильно. Каких-либо жалоб и претензий по службе у меня нет. Единственная моя просьба, учитывая сложившуюся ситуацию и мой с женой возраст, помогите мне устроить и «малую церковь»,

которой является каждая христианская семья. Надеюсь на ваше понимание моего положения и посильную помощь» (1984).

«Высокопреосвященнейший Владыка, – обращался я к еще служившему тогда в церкви митрополиту Калининскому и Кашинскому Алексию, – прошу вас в удобное для Вас время вызвать меня для беседы по личному вопросу» (1985).

– Церковь не учла также, что священник вступил в законный брак с женщиной, которая посещала богослужения, истово молилась, считала себя христианкой. И в чем ее вина, если она, рано выйдя замуж, не захотела затем жить с пьяницей мужем.

– Церковь не учла, что у этой женщины болящий сын от первого брака прислуживал в алтаре, брал благословения у священников и епископа, надеясь излечиться от недуга именно по молитвам Церкви и по милости Божьей.

Христос в этом случае сказал бы: «Вы, фарисеи и книжники, оставьте ее – она достойнее вас».

Теперь же вся смехотворность моего нового положения заключалась в том, что если бы после развода я просто жил с женщиной, то это мой грех. Покаялся – и снова грешил, раз уж, в отличие от людей: «Господь долготерпелив и многомилостив».

И в голову бы никому не пришло заглядывать в Правила седой древности, поскольку если их, понимая буквально, также буквально и прилагать к сегодняшней жизни церковнослужителей, то с кем тогда останется церковь?

Цепочка же смягчающих обстоятельств в этом деле следующая:

– вот, если бы она не имела ребенка;

– или хотя бы не была прежде замужем (имеется в виду – в зарегистрированном браке);

– или, еще лучше, если бы она была девственницей.

Но раз ничего этого нет, то – пошел вон, холоп, от святых ворот.

И как в свое время

– советская власть, ссылаясь на нарушение ее законов, отвергла своего сочлена, не вписывающегося в рамки ее канонов, так и теперь, в новое время,

– воспрянувшая от репрессий и произвола церковь, ссылаясь на нарушение своих догматов, выбросила негодное ей чадло на улицу без всяких средств к существованию, а вместе с ним оставив без этих средств женщину и ее еще восьмимесячного ребенка.

«Полностью сочувствую вашему переживанию, – через некоторое время отвечал епископ Виктор на мое прошение о возможности возвращения сана, – но пока затрудняюсь дать положительный ответ, ибо это вопрос сложный, т. к. лишение сана утверждено Святейшим Патриархом, да и в практике таких случаев не наблюдалось. Монашество принять можно, но без возвращения священного сана. Прошу понять меня правильно, ибо каноническими канонами это не предусмотрено.

Помехой для возвращения сана является ваш официально зарегистрированный брак» (апрель 1993).

Исполнился мой пророческий сон более чем 20-летней давности.

У железной изгороди, окружающей величественный Храм с пятью куполами, собрались верующие. Решетка ворот была погнута так, что их нельзя было открыть для входа собравшихся. Никто не решался войти в Храм. Подойдя к воротам, я начал руками выпрямлять погнутые железные прутья. И, выпрямив их, настежь распахнул ворота.

И все двинулась в Храм, своды которого поддерживались множеством массивных колонн.

С первосвященником, священнослужителями и несколькими монахами я поднялся по узкой лестнице к помещению трапезной. Войдя, первосвященник и сопровождавшие его заняли свои места за длинным столом. Внизу, среди мирян, и здесь наверху, среди монахов и священнослужителей, началось великое славословие Господу и всеобщее ликование.

Я же остался на площадке у входа – меня не впустили хлеб преломить и чистой водой утолить жажду. Кто-то, приоткрыв дверь трапезной, подал мне миску с жидкой похлебкой. И в одиночестве, в полумраке, между верхом и низом, сев на ступени лестницы, я молча стал есть данное мне.

И не священники, братья по Храму, боящиеся ненароком слово сказать в мою защиту, фактически отвернувшиеся от меня, помогли в последующем хоть как-то устоять в сложное время, а простые прихожане, да мои немногочисленные друзья в миру.

Для них, как и прежде, я оставался батюшкой, попавшим в беду в лихую годину. Да еще ползающий на коленочках Севочка, встречая меня у входа, кричал:

– Батя пишел... зоми на уки..., – и я брал его на руки. И прижимался ко мне тепленький комочек, маленький и любимый.

Здесь следует еще отметить следующее:

– Если церковь действительно признает силу и Вселенское значение своих церковных Таинств и считает, что при их совершении в Храме незримо присутствуют Силы Небесные,

– то она должна признать также, что при всей греховности священника:

– можно, конечно, сослать его, с глаз долой, чтоб там и молился, туда, где кроме самого здания церкви и нет никого, но

– нельзя совершенное Таинство рукоположения во священника, дающее ему Мистериальное право возносить молитву Господу у Престола рукоположившей его церкви, отменить бумажкой с подписью и печатью даже самого патриарха.

И как рождение человека отменяется только его смертью, как бы ни сложилась у него жизнь, точно так же

то или иное совершаемое церковью Таинство (особенно крещение и рукоположение) может быть отменено только совершением другого (противоположного и превосходящего его по силе) аналогичного Таинства, способного Магически уничтожить в Духе и Истине действие первого.

А это уже серьезное противостояние и борьба Космических Сил Света и Тьмы, Иисуса и Дьявола, сил Созидания и сил Разрушения,

а не вотчина и суэта канцелярий, пусть даже и церковных.

Это Дьявол любит подсовывать бумажки на подпись.

Христос же даже на Кресте произнес: «Прости их, Господи!».

Как и люди, земная церковь несовершенна.

И движение церкви земной к Церкви Надземной возможно лишь через Таинства и Молитву, через Покаяние и Прощение, а не через указы и отлучения.

Церковь помогает подойти к Христу.

Но престол Господа в сердцах наших.

Можно стоять в церкви и не быть с Господом.

Можно и вне церкви находиться в слиянии с Ним.

«Сколько дано тебе Света Горнего, – писал я Людмиле Андросовой в Петербург. – Ты почти у Вершины. Недаром же и тело твое прошагало немало по горным тропам. Духовно и я абсо-

лютно свободен. Но, посмотри, как зажат я глыбами скал. Или – липкою глиной темных оврагов? Так и хочется крикнуть: За что же, Господи? За что Ты всю мою долгую жизнь держишь мое тело в невероятно трудных земных условиях ?

И вот, я обращаюсь к тебе, Друг мой, пришедший от Бога, посмотри вниз, видишь, я там стою одиноко. Спроси у горных Высот, спроси у синевы Неба и дальнему Облаку задай вопрос: Почему он там, внизу, в завалах камней стоит одиноко?».

Склонила ночь над стылою землю
Свои одежды – и сокрылись Лики.
И грудь навалились облака
На горизонт и мерзлую долину,
Где я стоял и всматривался в Небо,
Стараясь очертанья различить
Далеких звезд и призрачных созвездий.
Мела метель. Так рано в октябре
Порош таких давно не наблюдалось.
Постыло было мне и одиноко
В долине этой скорбной и пустой.
И звезд не видно среди туч на небе.
Дорога лишь вела в небытие
Сквозь этот сумрак и сквозь этот холод.
И я пошел навстречу злой метели...
И там, где плыли груды облаков,
Вдруг вспыхнул огонек Свечи далекой.
Откуда Свет в кромешной темноте?
Свеча откуда?...
Сколько раз уж прежде
Казалось мне, что вот – весна журчит.
Но воды схлынут – и опять болото.
И летом – Солнце. Вот оно – в зените.
А на земле – все та же маята,
И смрад, и копоть. В осень, как сейчас, –
Лишь холод одиночества...
И вдруг –
Свеча горит вдали передо мною.
Зовет и манит. И все ближе... ближе...
Уже я различаю сквозь метель
Злотканные одежды... И дыханье
Ее тепла моей щеки коснулось.
Не может быть, чтоб пламя и метель
В октябрьском сошлись круговороте...

Не может быть... И все же чистый свет
Зажгла Свеча в душе моей гонимой...
И сникла круговерть. И облака
Ушли за горизонт. И надо мною
В созвездие Весов вошла Венера...
Я бережно губами прикоснулся
К прозрачным пальцам призрачной Свечи...

Дорогой Друг, сегодня уже ровно 7 лет и 7 дней, как началось для меня новое время – время безработицы и нищеты.

Хотя, какое же оно новое?

Можно было проще сказать – с возвращеньцем на круги своя.

Этим аккордом можно было бы и завершить мое девятилетнее Церковное Бдение – год послушничества, год дьяконства и семилетие священства (1983–1992).

Но следует отметить еще один весьма интересный эпизод после моего возвращения в мир.

Как-то в моей однокомнатной келье раздался звонок.

Открываю. На пороге две прихожанки из Белой Троицы.

– Господи, батюшка, это вы? – крайне удивились они.

– Здравствуйте, сестры, заходите. Что случилось?

– Простите, ради Христа. Мы зашли проверить... Мы же думали, батюшка, что вы, ну что вы... умерли. Прошел такой слух, что вы служили в Клину – и вот...

И второй раз, в троллейбусе, другая прихожанка отпрянула от меня, когда увидела, а потом в слезах призналась, что и она вместе с другими в Белой Троице ставила свечку за упокой отца Геннадия.

И в третий раз, но уже на улице, повторилось то же.

Ну вот, трижды прокричал петух. И нет меня на земле. Похоронен, отпет, панихиды отслужены – выносите мебель, господа.

Что ж, осталось только воскреснуть. Взял с полки «Апокалипсис» Иоанна Богослова – прочел открывшееся:

Итак, напиши, что ты видел, и что есть,
и что будет после сего.

Конечно, что будет после сего мне трудно сказать.

Но о том, что было и что я видел, я и делюсь с тобой, мой дорогой Друг, в этих Письмах. Пусть эти Письма к тебе и будут знаком моего «воскресения из мертвых».

В этой непростой для меня ситуации – непривязанность к мирскому и опыт жесткой лагерной жизни позволили мне устоять и те-

лом, и духом. И постепенно в бездны моего земного мрака вновь стал пробиваться луч животворящего Солнца.

Суров Закон. Но только опыт жизни
Научит видеть истинный маршрут.
Не злата звон, а розы милосердия
Пусть вас сопровождают на дорогах.
Горит рубин – трепещет факел Света
Уверенно идущего к Вершинам
Лишь с посохом и малым рюкзаком.

Тот камень отодвинь, что заслоняет
Собою Вход в Священную Обитель.
Отринь Завесу с Запредельных Сфер –
И Жезлом освети перед тобою
Отверстую в грядущее Тропу.
Рука Гермеса на Пути укроет.
И Иисуса перст благословит.

В самых же сложных периодах жизни Живая Этика и поддерживала меня, и вдохновляла:

Опытный путник, ты знаешь, что на Земле выражены зачатки Всех возможностей. Тебе не нужно мистических знаков, ты идешь видимым путем, и каждая травинка готовит тебе список сил природы.

Путник, рад встретить тебя; рад видеть, как твердо идешь!
Ты знаешь, что ищешь – тебе можно помочь!

Письма 16. Ветер Надежды

22 августа 1999.

Друг мой, теперь-то всем очевидно, что Земля – лишь малая горсть песка на пашне Вселенной, которая вращается не только вокруг себя, но и вокруг Солнца.

Также и в других областях человеческого познания одна очевидность постепенно уступает место когда-то не столь очевидному или неочевидному вовсе. Возможно, что наука в скором времени вполне серьезно будет говорить не только о кривизне физического пространства, но и, по закону аналогии, о неизбежной кривизне про-

странства души, о кривизне ума, о кривизне отношений между людьми, народами и государствами.

Может быть, в том и суть, что каждому из нас просто предназначено вращаться вокруг себя и вокруг начальства одновременно, как одновременно вращается Земля вокруг своей оси и вокруг Солнца.

Разве что радиус этой человеческой кривизны может быть сопоставим как с суетой мелкого беса, так и с Лучом Света, охватывающим Мироздание.

«Ведь даже наблюдая Космическую Жизнь «воочию», – писал Павел Федорович, – мы пока способны судить о ней не больше, чем, например, живущая рядом с нами собака может судить о нашей жизни, хотя она и будет иметь с нами тесные контакты, во многом понимать нас и реагировать на наше воздействие на нее. Мы довольно ясно представляем себе «несовместимость» жизни нижестоящих ступеней эволюции с нашей собственной жизнью с ее сложными проблемами и, вместе с тем, не признаем несовместимости человечества с жизнью и проблемами его же вышестоящих (надземных) эволюционных ступеней. Безусловно, что эта несовместимость не является нерушимой «каменной стеной», но порой сдвинуть ее с места труднее, чем каменную стену. И мешает этому подчас слепая вера в непогрешимость логики наших четких формулировок и доказательств, которые, в конечном итоге, всегда опираются лишь только на познанные нами законы Бытия. А как быть с непознанными, которых неизмеримо больше? Обычно мы их просто игнорируем. Горсть реального знания (но именно лишь одна горсть) зачастую закрывает нам возможность дальнейшего продвижения к Великому Знанию. Многогранность и сложность Истины – трудно вмещаемы. Именно поэтому на всех этапах эволюции, как отдельного человека, так и всего человечества, Великие Учителя открывают нам только часть Истины, и именно ту ее часть, которая толкает данного человека или все человечество на правильные действия, «свободно» приближая нас, таким образом, к Вселенской Истине» (декабрь 1977).

Для чего ищущие Истину люди уходили в леса и скиты, в пещеры и пустыни – дальше, дальше, как можно дальше от тесного человеческого муравейника? Думаю, для того чтобы в одиночестве созер-

цания Глубин Бытия понять и оценить возможный радиус истинной орбиты своего Пути во Вселенной.

И оценив его, добровольно, как на Голгофу, встать на предназначенный им Путь, чтобы затем сознательно двигаться по нему вплоть до Распятия, если это необходимо для исполнения на Земле поручения, возложенного на них Владыками Космоса.

Но на поиски своей Голгофы отваживаются лишь немногие.

Большинство же людей проходят земную жизнь, опираясь лишь на эгоизм, жестокость, мстительность и самовлюбленность.

Устремленным в поисках Вселенской Истины неизмеримо тяжело в такой среде обитания.

Именно поэтому они стремятся к одиночеству, в котором ищущий Истину человек, на самом-то деле, никогда не одинок, поскольку

Дух Христа веет через пустыни жизни.

Этого Вселенского Духа и жаждет устремленная душа для своего полета, свободного от пустословия и непроницаемых стен эгоизма.

Человек, вступивший на Путь познания и воплощения своей связи с Мирозданием, – говорится в Кругах Разума Гермеса, – не нуждается в посторонней помощи, и должен самостоятельно продвигаться к лично намеченной и предусмотренной им цели.

Для этого надо воспитать в себе хотя бы один Солнечный Луч, и по этому Лучу вы сможете найти свою Отчизну. Двери перед вами открыты, и от вас зависит перейти порог.

Каждый должен являться индивидуальным творцом на Пути. Храм Звездного Творчества сияет и поныне в Безднах Космической Ночи и неустанно зовет человечество на великий пир Творцов и Правителей Мира.

Но, видимо, пройдет еще не мало столетий, прежде чем человечество сделает для себя духовную жизнь окружающей его Вселенной такой же близкой как жизнь собственной семьи, родной деревни или любимого города. Много шелухи отвалится от человека и человечества при таком расширении сознания.

Письма 17. Несколько слов Другу

Дорогой Друг, сейчас у меня близится к окончанию сборка книги по «Алхимии структурных чисел». Единственная моя забота теперь – хватило бы времени и сил довести начатое до завершающей ее страницы.

Если же какие-либо обстоятельства мешают мне в этом, то, скорее всего, лет через 300 я постараюсь

найти в саду, где иммортель цветет, часовню белокаменную. В ней из голубой трехгранной пирамиды возьму Ларец, в котором схоронил до лучших лет накопленные зерна.

И развернув белую ткань, достану из своего же Ларца для меня самое Сокровенное. И завершу незавершенное.

Думаю, что и тогда Конец Света обойдет нас стороной.

И если снова мы заговорили о Конце Света, то займу еще немного твое терпеливое внимание проблемами разного рода предсказаний о глобальной гибели человечества.

«Нельзя забывать о том, – писал мой земной Учитель, – что воздействие Вселенского Братства Света на человечество никогда не нарушает свободной воли человека. Это Закон. Следовательно – прямых приказов, готовых формул, законченных схем и точных Сроков никогда не дается. Даже сами Великие Учителя, беря на себя Подвиг физического воплощения, а также Их ближайшие Ученики и Посланники, никогда не нарушают законов кармы и свободы человеческой воли. И для исполнения того или иного Указа Владык должны возникнуть благоприятные обстоятельства. Их нужно только вовремя усмотреть».

Судьба, или Карма, действительно расставляет вехи, по которым мы вольны проложить или не проложить свою дорогу.

В этом я убеждался не раз на протяжении своей жизни.

Важно лишь вдумчиво и внимательно смотреть под ноги, чтобы случайно или по неразумию не уклониться на чужую тропу, чтобы вовремя заметить и реализовать сложившиеся обстоятельства.

Сумел ли я вовремя заметить предназначенное исполнить именно мне? Думаю, что заметил, но, конечно же, есть и промахи, без которых и невозможна земная жизнь.

Тем не менее, я старался в напряжении ума и сердца пройти свой Путь в постоянном устремлении к осознанной мною цели.

Этот Путь я совершил на своем маленьком паруснике, который при всех за и против все же был для меня прочнее и вернее чужих Титаников, гибель которых увлекает за собой всех, находящихся на них. Свои же заблуждения и ошибки в процессе самостоятельного продвижения человека по жизни, как правило, преодолеваются естественным ростом сознания и постепенной сменой мировоззрения у Идущего и Ищущего.

Понять и принять к исполнению предначертанный каждому Путь Жизни можно, если следовать именно своими оврагами и долинами, своими ручьями и реками, своими предгорьями и вершинами, не опасаясь их сложных рельефов, быстрых течений, крутых спусков или подъемов. Да и невозможно взойти на вершину по гладкой скале.

Сейчас я вновь открыл свои записи из книги Этьен де Сенанкура «Оберман» (1804) и прочел:

«Я вижу памятники бесследно исчезнувших поколений; я вижу камешек, который просуществует сто веков после того, как человек умрет. Я перестаю заботиться о преходящем, не хочу думать об уже утраченном сегодняшнем дне.

Я останавливаюсь в изумлении; я прислушиваюсь к тому, что еще существует; я хотел бы услышать то, что будет существовать. В колыхани леса, в шуме сосен я ищу отзвуки голоса вечности. Живая сила! Бог вселенной! Я преклоняюсь перед твоим Творением, если человеку суждено уцелеть; и я в ужасе перед ним, если человеку суждено исчезнуть».

Несмотря на сложность моего жизненного пути, несмотря на суровость физического бытия, я радостно и убежденно, молитвенно и коленопреклоненно могу повторить за Этьен Де Сенанкуром:

**Живая сила! Бог вселенной!
Я преклоняюсь перед Твоим Творением!**

Дорогой Друг, сегодня я получил из Эстонии от Виктора Нийтсоо ответ на посланные ему по его запросу свою автобиографию и книгу «Спаси себя сам», о чем я уведомлял тебя еще в первом письме.

«Спасибо за письмо и, конечно, за книгу, – пишет он, – Я прочел книгу с большим интересом. Про дело офицеров Балтийского флота и сейчас в Эстонии очень мало известно. Кое-что есть в мемуарах Сергея Солдатова⁶⁰ и в моей книге о сопротивлении в Эстонии 1955–85 годов (на эстонском языке), и это все.

Ваша автобиографическая повесть – ценное дополнение к тому, что нам известно о вашей борьбе против советского тоталитаризма. Насчет проекта «Биографического словаря диссидентов Восточной и Центральной Европы» могу сообщить, что координатором проекта является польский фонд КАРТА.

Проект охватывает бывшие республики СССР и соцстраны Восточной Европы».

Вот и подошла к завершению моя серия писем к тебе, мой дорогой Друг, которую можно рассматривать и как 17 отдельных посланий. Конечно, я мог бы отправлять их в твой адрес и по очереди, в порядке написания – и первую часть писем ты, возможно, получил бы уже. Но при теперешней почте не исключено, что некоторые из них могли бы затеряться на безбрежных просторах России.

Поэтому, если уж суждено этим Письмам сгинуть по пути к тебе где-то в оврагах бытовых интересов наших сограждан, или утонуть в болотах телевизионных шоу и разного рода денежно-сексуальных «развлекух», то пусть эта участь постигнет их все.

Если же они благополучно доберутся до твоей книжной полки, до того укромного уголка на кухне, где ты раскроешь их и, отложив газету или бутерброд, начнешь внимательно просматривать обращенные к тебе строчки писем, я буду знать, что ты ознакомился со всем, что я хотел донести до тебя, до твоего разума и сердца, буду знать, что ты прочел всю мою историю из первых рук, а не только отдельные ее фрагменты или пересказы с домыслами и искажениями. Подошел Севочка и попросил передать тебе привет.

Прими привет от воплощенного ангела, которому еще не успела подрезать крылья проза нашего тяжелого и жестокого бытия.

**Света тебе и радости
на многотрудных путях жизненных странствий.**

Послесловие

Правильно, видимо, говорят, что человек планирует так, а Господь повернет иначе.

Только я достал плотный конверт, заранее для такого случая купленный, только собрался запечатать толстую пачку предназначенных тебе писем, как подошел Севочка с листом бумаги.

– Папа, этот листик нужен тебе? Или я порисую на его чистой стороне.

Я взял лист. Это был мой необычный медитативный сон, когда у меня на сердце было особенно пусто и тяжело. Я убрал его подальше в ящик стола и не собирался упоминать о нем.

Да вот – чистая детская рука снова указала мне на него.

– Конечно, нужен. Сева. Но раз уж ты извлек этот лист из архива в такой момент, то, как ты считаешь, надо ли поделиться его содержанием с нашим Другом?

– Поделись, а потом дай мне листик.

– На, мой мальчик. Даю тебе совершенно чистый лист с обеих сторон. Потрать на дело.

– Спасибо. Я тоже напишу письмо твоему Другу, если ты дашь мне компьютер.

– Вечером дам на часик, пока буду смотреть по телевизору новости. – И я вновь перечитал поданный мне сыном лист бумаги.

Было три часа пополуночи... Я увидел себя в обширном Саду. Медленно шел я по хорошо утоптанной тропинке, покрытой осенними листьями, к беседке, которая была на некотором отдалении от меня на холме, заметно возвышающемся над Садам. Издали беседка напоминала легкое строение, похожее на часовню. Подойдя ближе, я увидел ожидающего меня человека. На нем было осеннее пальто, подпоясанное кушаком. Головного убора не было, и длинные волосы ниспадали до плеч. Молча, одним взглядом он поздоровался со мной.

– Учитель, – склонился я перед ним, каким-то шестым чувством осознав, что это Он – мой Ангел Хранитель, мой Голос Безмолвия, мой незримый Надземный Учитель.

Он поднял меня с колен и рукой указал на стоящий рядом стул. И сам сел немного поодаль. Мы сидели на венских стульях, каких не

делают уже теперь, изготовленных из какого-то дерева солнечно-желтого оттенка. В центре беседки располагался, казавшийся воздушным, белый круглый стол на трех ножках. Стол и стулья были тонкой работы и хорошо вписывались в ажурные линии часовни-беседки.

И я подробно стал рассказывать Учителю о своих земных печалях и радостях, о своих ошибках и удачах. Он молча слушал, но не торопился с ответом. Перед Учителем стоял мольберт.

Краски и кисти лежали на невысоком табурете.

– Посмотри внимательно на эту картину, – сказал Он.

Но на мольберте в подрамнике я различал лишь движущиеся пятна света. И только взглядевшись в картину, я вдруг увидел бурное море и маленький парусник, преодолевающий его неласковые соленые волны.

Я сразу же узнал этот сюжет – подобная картина висела в моей келье у Храма в Сутоках. Учитель молчал.

И я понял смысл Его глубокого молчания. Я осознал, что одиноким странником предначертано мне было пройти до конца свою земную стезю, самостоятельно преодолевая ее крутые повороты, ухабы и бездорожье, не надеясь «на князи и сыны человеческия».

Учитель встал. Мы вышли из беседки. По дорожке Сада к нам двигалась длинная вереница людей. Они шли к Учителю. Отойдя в сторону, чтобы не мешать, я наблюдал, как Он отвечает на их всевозможные вопросы – каждый ждал от Учителя личного совета и личной помощи.

Когда все закончилось, мы пошли по широкой дороге к видневшемуся вдали Храму. И я вспомнил сквер и полуразрушенную церковь в Кронштадте. Учитель кивнул. И мне стало ясно, что пройденный мною путь жизни не был напрасным и что это был именно мой путь. А там уже (без меня) время расставит свои акценты, что в моей жизни было правильным и нужным, а что ошибочным и лишним.

Не спотыкается лишь тот, кто стоит на месте.

Учитель вдруг повернулся ко мне и, указывая рукой, сказал:

– Видишь, там, на горизонте, стоит дом. Осмотри его.

И Он медленно пошел в сторону Храма.

Я же стал спускаться с холма по тропе, ведущей к дому.

Дом был большой. И было в нем много жильцов. Я оказался на кухне. Люди же выходили из своих комнат и входили в них, давая понять, что пора бы мне отойти и не мешать им здесь, на проходе. На покрытых копотью стенах висела разного рода хозяйственная утварь, на веревках сохло плохо выстиранное белье, в раковине подтекал кран, и газовая плита немного коптила. Но все присмотрелись, пообвыкли и не обращали на это никакого внимания.

В общем, все выглядело как обычно и весьма благородно. Вдруг я заметил, что под ногами жильцов, когда проходили они по добротным доскам пола, то здесь, то там иногда просачивалась какая-то грязь.

– Посмотрите, что это? – обращался я то к одному, то к другому.

– Ничего, – отвечали мне. – Не твое это дело.

– Неужели вы не чувствуете как все это воняет? – говорил я проходящим мимо. – Надо же посмотреть – что это так подтекает?

Кто-то все же услышал меня и открыл запертый на замок подпол на кухне – и все отшатнулись. Почти вровень с полом была густая темная жижа, скрытая под крашеными досками и не замечаемая никем.

И такая же грязь оказалась не только под кухней, но и под каждой из многочисленных комнат большого дома. И все стали чистой водой дружно смывать эту вязкую, липкую жижу, открывшуюся взору.

Я не знаю, что это был за дом. Вероятнее всего – это прообраз нашей земной жизни, ее внешне раскрашенного фасада и внутренне неприглядного содержимого. И мои тщетные усилия что-то очистить, что-то поменять в этом земном доме.

И все же я чувствую, что в наше смутное и слишком тягостное для многих россиян время «перемен» откуда-то Сверху и сегодня, в начале третьего тысячелетия, как и XX веков назад, дует свежий Ветер Надежды и продолжают падать золотые листья Веры и Любви к порогу так до сих пор еще не восстановленного нами Вселенского Храма.

И хотя эти падающие с Небес листья, с начертанными на них Знаками Откровений, по-прежнему продолжают истлевать на треснувших от времени храмовых плитах, сердце мое знает, что наступит День, когда из-под этих многовековых плит снова начнут прорасти мощные дубы нашего духовного Творчества и высочайшие сосны нашего Вдохновения.

Сердца зажгите устремленьем к Свету.
И Чашу Сердца бережно несите –
В ней Меч и Плащ, и Щит, и Посох ваши.
Меч мужества в борьбе и Щит надежды,
Плащ мудреца и Посох, что опору
Дает при восхожденье на Вершины.

Вечный Странник

Примечания

1. В газете «Рериховский вестник» (№ 2, февраль, 1997 год) в статье «Рериховские университеты» Павла Беликова, Алексей Анненко, в частности, писал о Павле Федоровиче:

«Он родился 29 июля 1911 года в Эстонии, в Нарве. Его «внешний» жизненный путь протекал вполне обычно. Был он грузчиком, ткачом и работником торгового представительства «Международная книга». Несколько лет перед пенсией работал бухгалтером в небольшом поселке под Таллинном – Козз-Ууэмыйза. Рядовой путь рядового советского человека.

И эти же годы были наполнены творческой деятельностью, равной масштабу деятельности научно-исследовательского института. Предмет исследований – жизнь и творчество семьи Рерихов. Время – после работы, в выходные и праздничные дни, в отпуске. Средства – собственная зарплата. Не имея ученых степеней и званий, он занял одно из ведущих мест в мировом рериховедении».

Разумеется, что таких духовных вершин Павел Федорович достиг не вдруг. Алексей Анненко пишет далее в статье, что в молодости Павел Беликов увлекался литературой, писал стихи, печатался в местных газетах, серьезно увлекался христианской теологией, позднее – восточной философией. Именно с восточной философией Николая Рериха и не согласился Павел Беликов, написав по этому поводу «разгромное письмо» в Индию, Рериху. И неожиданно для себя – получил в ответ приглашение к сотрудничеству. Так начался рериховский период жизни Павла Федоровича, растянувшийся на все последующие годы его жизни.

2. Алексей Николаевич Анненко – ученик Павла Федоровича. В настоящее время член Союза журналистов России, активный пропагандист Учения Живой Этики.

3. В каком-то журнале по кибернетике была у меня статья с таким заголовком.

4. С.Н. – Святослав Николаевич Рерих, младший сын Рерихов.

5. Фосдик З.Г. – ближайшая сотрудница Е.И. и Н.К. Рерихов, исполнительный директор Музея Н.К. Рериха в Нью-Йорке.

6. В 1989 г. в Новосибирске вышла составленная Ю.М. Ключниковым книга «Н.К. Рерих. Стихотворения. Проза».

7. Эти слова Павла Федоровича, написанные в День Учителя более 20 лет назад, стали для меня той путеводной нитью в сложном и запутанном лабиринте моей жизни, которую я старался крепко держать в руках все последующие годы.

8. Ибрагимов Александр Гумирович – сибирский поэт. Книги стихов: «Буквы одуванчика» (К., 1976), «Пусть будет каждому любовь» (К., 1983), «Тело судьбы» (К., 1990) и др.

9. Павленков Владлен Константинович – мой солагерник по Мордовии и Перми. В книге «Спаси себя сам» я подробно писал о нем. Наряду с Юрием Галансковым и Владимиром Буковским, Владлен был для меня наиболее близким в зоне. После освобождения он эмигрировал в Америку. В период начавшейся перестройки в нашей стране он собирался наладить гуманитарную помощь для бывших диссидентов. Приезжал в Москву, созванивался со мной по этим вопросам. Затем вернулся в Америку. Но вскоре я узнал, что он выбросившись из окна своей квартиры.

10. В правильности полного названия «Меморандума» я, за давностью лет, не ручаюсь. Основываясь на данных Учения Живой Этики, в котором говорится о реальном существовании гималайских Махатм, взявших на себя ответственность за судьбу Планеты, подписавшие «Меморандум» обратились к правительству нашего государства с предложением (программой) о его реорганизации таким образом, чтобы в целях преобразования и спасения России это правительство имело возможность сношения с Махатмами. При этом подписавшие «Меморандум» предлагали свое содействие в установлении необходимых для этого контактов с Ними.

11. Ж.Э. – Живая Этика.

12. Ю.Н. – Юрий Николаевич Рерих, старший сын Рерихов.

-
- 13 Книга Беликова П., Князевой В. «Рерих». М., 1972.
 14. 100-летие со дня рождения Н.К. Рериха (9 октября 1974 г.).
 15. Е.И. – Елена Ивановна Рерих.
 16. Ксерокопия двухтомника «Письма Елены Рерих», Riga, 1940.
 17. «Тайная Доктрина» Е.П. Блаватской.

18. В письме ко мне от 24 апреля 2000 г. Алексей Анненко, в частности, писал: «В прошлом году я ездил в Верхний Уймон на машине с друзьями. Прекрасное путешествие. Восстановлен двухэтажный дом Атамановых... Я разговаривал с районным архитектором. Он считает, что реставрация проводится в наилучшем виде, несмотря на то, что есть и недовольные. Там сейчас работает Сибирское Рериховское общество. Рядом в известном тебе доме расположены библиотека и Музей Н.К. Рериха. Музей достаточно представительный, есть даже подлинная картина Н.К. «Гонец. По реке» 90-х годов. Видимо, этюд к знаменитому «Гонцу». Музеем занимаются Валентина (директор Музея) и Сергей Смирнов».

19. (1) Князева Валентина Павловна – в 1963 году выпустила книгу «Н.К. Рерих», в 1968 книгу – «Н. Рерих» В 1972 году в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга П. Беликова и В. Князевой «Рерих».

20. (2) Опись картин Н.К. Рериха и С.Н. Рериха.
21. (1) Линник Ю.В. – философ, поэт, член Союза писателей.
22. (2) Анненко А.Н. из Абакана.
23. (3) Слободанюк В.А. из Новосибирска.
24. (4) Калинин И.А. из Новосибирска.
25. Лабещкий П.П. из Новосибирска.

26. (1) День зимнего солнцестояния – самая длинная ночь (Тьма), которая, фактически, охватывает числа с 20 по 24 декабря и длится около 17 часов. Продолжительность же дня составляет в этот период декабря всего 7 часов. С 25 декабря Тьма начинает отступать (длительность дня увеличивается на 1 минуту) – рождается Свет. Отсюда и Рождение Христа как Сына Божьего, как Вселенского Света. И это никак не связано с физическим рождением Иисуса, которое доподлинно неизвестно. Здесь мифологема, в которую церковь обрамляет земную жизнь Иисуса Христа.

27. (2) По материалам рукописей, обнаруженных у Мертвого моря, Учитель Справедливости возглавлял общину ессеев.

28. К сожалению, через несколько лет сын Качановых погиб в Америке – пошел купаться и утонул. Возвращение в Россию также не состоялось. В настоящее время, по сообщениям наших общих знакомых, Николай Качанов является дирижером Нью-Йоркского камерного хора и регентом хора в Православной церкви.

29. Статья Н.К. Рериха «О мире всего мира».

30. Екклесиаст, гл. 1: 2.

31. С Сусанной Петровной меня познакомил в 1980 году Игорь Калинин. Много лет она записывала Беседы со своим надземным Учителем. В нашей переписке я называл эту самоотверженную и сильную пожилую женщину мамой Лилийей. Так обращался к ней ее Учитель. Переписка прекратилась из-за моего ухода в церковь.

32. Беликова Г.В. – жена П.Ф. Беликова.

33. Николай Речкин из Таллинна.

34. Беликова Г.В. – жена П.Ф. Беликова.

35. Годы спустя, Павел Федорович подарил мне репродукцию с картины Н. Рериха «Св. Сергий», на которой Сергий держит в руках церковь Христову. Изображение св. Сергия на картине почти совпадало с тем видением, которое было у меня в этом сне.

36. От Матфея, гл. 11: 12.

37. От Луки, гл. 1: 76.

38. (1) Пламя – бытие, магия, слава. Огонь (не пламя) – огонь желаний.

39. (2) В церковной практике таким символом устремления души в Богу служит возжжение свечей около икон, на востоке – возжжение ароматных палочек перед скульптурным

изображением Божества. Да и сама молитва человека, обращенная к Богу, также является пламенем души, устремленной к Всевышнему.

40. (3) Молния – рок, воля, космический гипноз.

41. (4) Млечный Путь – мистический хвост Райской Птицы Космоса.

42. Книга журналистки Татьяны Калугиной, изданная в серии Библиотеки «Огонька» № 44 за 1984 г. На протяжении многих лет Т. Калугина изучала творческое наследие семьи Рерихов, долгое время сотрудничала с Павлом Федоровичем, неоднократно встречалась со Святославом Рерихом, совершила несколько путешествий по Горному Алтаю.

43. Сборник стихов Эдуарда Балашова (М., 1984).

44. Письмо адресовано Кравченко Наталье Андреевне, о которой упоминается в книге «Спаси себя сам».

45. Галансков Юрий Тимофеевич – мой друг и сокамерник по Мордовии. Умер в лагере после операции язву желудка. Его памяти посвящена книга «Спаси себя сам».

46. (1) Наталья Егорова – солистка камерного хора, в котором пел и Игорь.

47. (2) Проскомидия – первая часть литургии, во время которой священник приготавливает хлеб и вино для причащения верующих.

48. (3) Просфора – небольшие круглые булочки, выпекаемые из квасного пшеничного теста и употребляемые для причащения верующих.

49. Извара – лесистое поместье около станции Волосово в 40 км от Гатчины. Здесь была судьба матери Н.К. Рериха. «Дом изварский старый, стены как крепостные, небось и посейчас стоят» – вспоминал Николай Константинович о своем детстве, крепко связанном с Изварой. В настоящее время здесь Музей Н.К. Рериха.

50. Письмо матери Марии Сербегешевой в г. Мыски.

51. (1) Журнал «Сибирские огни», 2, 1989).

52. (2) Аносов Илья Иванович из Челябинска.

53. Из книги «Юрий Галансков» (Посев, 1980, стр. 220).

54. Талисман – небольшой гладкий округлой формы камень (галька) матово-серого цвета с изображенным на нем символа Севастополя. Галя купила этот сувенир в день нашего знакомства 13 сентября. Это был день ее рождения и мой день ангела.

55. Сенин Анатолий Андреевич – известный диссидент, журналист, поэт и художник, руководитель экспериментального творческого объединения «Садовое кольцо». Его книги: «Дорога» (М., 1965), «Цветы России» (М., 1990), «И... (Дети кровавой эпохи)» (М., 1990) и др.

56. Присланный Павлом Федоровичем экземпляр завершённой рукописи «Духовной биографии» Рерихов до сих пор у меня хранится, как память о нем и как напоминание.

57. Кирилл – сын П.Ф. Беликова.

58. К сожалению, встретиться с этим интересным поэтом мне так и не довелось.

59. Письмо было по поводу нового брака моего друга и касалось его первой жены и детей.

60. Сергей Солдатов проходил свидетелем по моему делу. Затем, уже по своему делу, был в лагерях, после освобождения из которых вернулся в Таллинн, но вскоре под давлением властей вынужден был эмигрировать в ФРГ. Там он работал редактором на Radio Free Europe в Мюнхене, участвовал в издании духовно-нравственного журнала «Катарсис», а также в издательстве по выпуску философской и общественной литературы. Публиковался в «Континенте». Со времен перестройки его статьи стали появляться в российской периодике, в которых, в частности, он выдвигал идею созыва Всемирного русского собора с целью духовно-нравственного возрождения страны. Написал воспоминания «Зарницы восхождения. Опыт политической борьбы и нравственного просветительства» (Лондон: ОРІ, 1984).

Оглавление

Геннадий Гаврилов. Письма странника.....	2
Читателю.....	4
Письмо 1. Первые вехи.....	6
Письмо 2. Ступени.....	17
Письмо 3. Офицерские будни.....	22
Письмо 4. Колючая проволока.....	29
Письмо 5. Новый путь.....	31
Письмо 6. Дальние дали.....	39
Письмо 7. У порога Храма.....	74
Письмо 8. Послушник.....	115
Письмо 9. Дьякон.....	131
Письмо 10. Священник.....	152
Письмо 11. Служение.....	184
Письмо 12. Новое время.....	195
Письмо 13. Первая книга.....	203
Письмо 14. Воспоминания.....	210
Письмо 15. Исход.....	232
Кесарю кесарево, а Богово Богу.....	237
Письмо 16. Ветер Надежды.....	251
Письмо 17. Несколько слов Другу.....	254
Послесловие.....	257
Примечания.....	260

